

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2021 № 4

Ежемесячный научный журнал
Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. - «Современный Восток»)
Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН
ISSN 0321-5075

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтеринва (Нигерия), В.Я. Белокрыцкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Л.В. Гевелинг (Москва, Россия),
Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия),
А.В. Денисов (Москва, Россия), Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия),
С.С. Кунанбаева (Казахстан), Р.Г. Ланда (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), В.А. Мельянцева (Институт стран Азии и Африки МГУ
им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия), Д.В. Мосяков, (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Ф.С. Муфаммади (ЮАР), М. Наср аль-Гибали (Египет), У. Рено (США),
С.В. Прожогина (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
О.И. Тетерин (Москва, Россия), Л.Л. Фитуни (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
В.С. Окулов, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2021 № 4

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title “Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), L.L. Fituni (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
L.V. Geveling (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Kazakhstan), R.G. Landa (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia),
D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), W. Reno (Northwestern University, USA),
T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow), V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia), O.I. Teterin (Moscow, Russia),
H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; V.S. Okulov, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

Мельянцев В.А., Адрова И.С. Идonesia: основные параметры эффективности экономического и социального развития. Часть 2	5
Фитуни Л.Л. Наука, технологии и инновации в Африке: стереотипы, реалии, перспективы	15
Замараева Н.А., Раванди-Фадаи Л.М. Пакистан и вызовы афганскому урегулированию (2020-2021 гг.)	25
Садовникова Я.О. Политика Н.Моди в северо-восточных штатах Индии	33
Бурова Е.С. Китай в экономике Камбоджи: выгодное или опасное партнерство?	41
Вершинина В.В. Председательство Вьетнама в АСЕАН в 2010 и 2020 гг.: итоги и перспективы	48
Гутин И.Ю. Макао: в поисках постколониальной идентичности	54
<i>Ислам, исламизм и экстремизм</i>	
Жерлицына Н.А. Марокко: «духовная безопасность» как императив национальной контртеррористической стратегии	59

ВЗГЛЯД ЗАРУБЕЖНОГО ЭКСПЕРТА

Mugabi B. (Uganda). Al-Shabaab terror activities: A threat to regional & international security	66
<i>COVID-19 в Азии</i>	
Е Янься (КНР). Экономические отношения КНР и Японии в условиях пандемии коронавируса	72

НАШ ПАРТНЕР - РКССАА

Бакланов А.Г. Осень 2011: как Россия меняла свою ближневосточную стратегию	77
---	-----------

ИНФОРМАЦИЯ

Новая книга академика А.М. Васильева - «Война во Вьетнаме. Почему американцы потерпели поражение»	80
---	-----------

© Российская академия наук, 2021
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2021

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал включен в список ВАК. Входит в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science и EBSCO Publishing.

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1
Тел.: **+7 495 697 94 50**
Тел./факс: **+7 495 6910270**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Интернет: **www.asaf-today.ru**

CONTENTS

POLITICS, ECONOMICS

- Vitalii A. Meliantsev, Irina S. Adrova.** Indonesia: Main parameters of economic and social development efficiency. Part 2 **5**
- Leonid L. Fituni.** Science, technology and innovation in Africa: Stereotypes, realities and prospects **15**
- Natalia A. Zamarayeva, Lana M. Ravandi-Fadai.** Pakistan and challenges to an Afghan settlement (2020-2021) **25**
- Yana O. Sadovnikova.** Narendra Modi's policy in Northeastern states of India **33**
- Elena S. Burova.** China in Cambodia's economy: Beneficial or dangerous partnership? **41**
- Valeria V. Vershinina.** Vietnam's ASEAN chairmanship in 2010 and 2020: Outcomes and prospects **48**
- Iliia Y. Gutin.** Macao: In search for postcolonial identity **54**
- Islam, Islamism and Extremism*
- Natalia A. Zherlitsyna.** Morocco: "Spiritual security" as an imperative of the national counter-terrorism strategy **59**

FOREIGN EXPERT VIEW

- Brian Mugabi** (Uganda). Al-Shabaab terror activities: A threat to regional & international security **66**
- COVID-19 in Asia*
- Yanxia Ye** (China). Economic relations between China and Japan under the *COVID -19* **72**

OUR PARTNER - RCSCAA

- Andrey G. Baklanov.** Autumn 2011: How Russia changed its strategy in the Middle East **77**

INFORMATION

- New book by academician A.M. Vasiliev - "War in Vietnam. Why the Americans were defeated" (in Russ.) **80**

© Russian Academy of Sciences, 2021
© Editorial board of "Asia & Africa today" (compiler), 2021

The authors opinions may not coincide with position of the editorial.

Included in Russian Science Citation Index on WoS platform, and EBSCO Publishing.

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: **+7 495 697 94 50.**
Tel./Fax: **+7 495 691 02 70**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

DOI: 10.31857/S032150750014641-7

Оригинальная статья / Original article

Индонезия: основные параметры эффективности экономического и социального развития. Часть 2*

© Мельянцев В.А.^а, Адрова И.С.^б, 2021

^{а,б} ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

^а ORCID ID: 0000-0002-9139-2753; vamel@iaas.msu.ru

^б ORCID ID: 0000-0001-8954-1003; is.adrova29@gmail.com

Посвящается 65-летию создания Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова

Резюме. В статье, базирующейся на авторских расчетах, моделях и индексах развития, анализируются основные тенденции и детерминанты долговременной экономической эволюции одной из крупнейших стран развивающегося мира - Индонезии на фоне успехов и неудач экономически продвинутых и отставших стран.

Несмотря на тяжелейшие последствия Азиатского финансового кризиса 1997 г., в результате которого ВВП Индонезии упал на 13% (в 1998 г.), страна встала на путь социально-экономических преобразований и смогла добиться не только быстрого, но и масштабного роста, который сопровождался рядом серьезных структурных изменений в экономике. В целом, сегодня экономика Индонезии растет более быстрыми темпами, чем экономики других развивающихся стран. Более того, в Индонезии произошли значительные улучшения некоторых из наиболее важных характеристик социального развития: доля населения, живущего в критической бедности, снизилась с 55% (в 1990 г.) до 4% (в 2018 г.), доля недоедающих в период с 1990 г. по 2018 г. уменьшилась вдвое.

В статье показано, что если системно и систематично проводить прагматичные реформы, то, несмотря на трудности и отдельные неудачи, можно за время, равное жизни одного-двух поколений, добиться значимого экономического и социального прогресса.

Ключевые слова: Индонезия, факторы и модели экономического роста, эффективность развития, социальные достижения и проблемы, экономические меры поддержки

Благодарность. Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова по теме «Страны Азии и Африки в мировой экономике и международных хозяйственных отношениях».

Для цитирования: Мельянцев В.А., Адрова И.С. Индонезия: основные параметры эффективности экономического и социального развития. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 4. С. 5-14. DOI: 10.31857/S032150750014641-7

Indonesia: Main parameters of economic and social development efficiency

© Vitalii A. Meliantsev^а, Irina S. Adrova^б, 2021

^{а,б} Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia

^а ORCID ID: 0000-0002-9139-2753; vamel@iaas.msu.ru

^б ORCID ID: 0000-0001-8954-1003; is.adrova29@gmail.com

Dedicated to the 65th anniversary of the establishment of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

Abstract. The paper, based on the author's computations, models and indices, analyzes the main trends and determinants of the long-term economic evolution of Indonesia, one of the largest countries in the developing world.

After the Asian financial crisis of 1997, as a result of which Indonesia's GDP fell by 13% (in 1998), the country embarked on the path of socio-economic transformation and was able to achieve not only rapid, but also large-scale growth, which was accompanied by a number of major structural changes in the economy. Despite a number of arising economic and social imbalances, in general, Indonesia's economy is growing at a faster rate than that of other developing countries. Main factors that contribute to the realization of the catching up and outpacing development of Indonesia's economy are export expansion, import substitution and growth of the domestic market. Moreover, Indonesia has seen significant improvements in some of the most important characteristics of human

* Окончание. Начало см.: Мельянцев В.А., Адрова И.С. Индонезия: важнейшие тренды, пропорции и факторы экономического развития. *Азия и Африка сегодня*. 2021, № 3, с. 5-13.

development, the share of the population living in critical poverty fell from 55% (in 1990) to 4% (in 2018), the proportion of malnourished people in 1990-2018 has decreased by half.

The paper shows that, despite difficulties and some setbacks, through the up-to-date implementation of well-balanced effective reforms, one can achieve significant economic and social progress during a time equal to the life of one or two generations of people.

Keywords: Indonesia, factors and models of economic growth, efficiency of development, social achievements and problems

For citation: Meliantsev V.A., Adrova I.S. Indonesia: Main parameters of economic and social development efficiency. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 4. Pp. 5-14 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014641-7

Мирное развитие Индонезии началось после завершения вооруженной антиколониальной борьбы. В 1950-1960 гг. страна была одной из беднейших в мире, с огромным дефицитом бюджета и гиперинфляцией, иногда превышавшей 1500% в год. Сначала строилась *либеральная экономика* (1950-1957 гг.), затем - *направляемая экономика* (1957-1965 гг.), наконец, *экономическая демократия* (1966-1998 гг.). В 1998 г. после ухода в отставку президента Сухарто был провозглашен *курс на реформирование* [1].

Несмотря на различие установок, неизменной чертой экономической политики во все эти периоды оставалась главенствующая роль государства в экономике, без которого осуществление догоняющего развития вряд ли было бы возможным.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ РОСТА РЕСПУБЛИКИ ИНДОНЕЗИИ

Осуществление в Индонезии в последние полвека сравнительно эффективной экономической политики, базирующейся на модернизации ее основных секторов производства, улучшении инвестиционного климата, привлечении иностранного капитала, расширении внутреннего и внешних рынков, увеличении доли валовых капиталовложений в ВВП (с 4-6% в 1880-1950 гг. до 8-9% в 1951-1970 гг., 20-22% в 1970-1998 г. и 26-28% в 1999-2019 гг.), а также среднего числа лет обучения взрослого населения (примерно с 0,4-0,6 в 1870 г. до 1,3-1,7 в 1950 г., 2,8-3,0 в 1970 г. и 8-9 лет в 2015-2018 гг.)¹ способствовали *повышению среднегодового темпа прироста производительности труда* с 0,9-1,1% в 1880-1938 гг. до 2,6-2,8% в 1970-1998 гг. и 3,4-3,6% 1998-2019 гг.

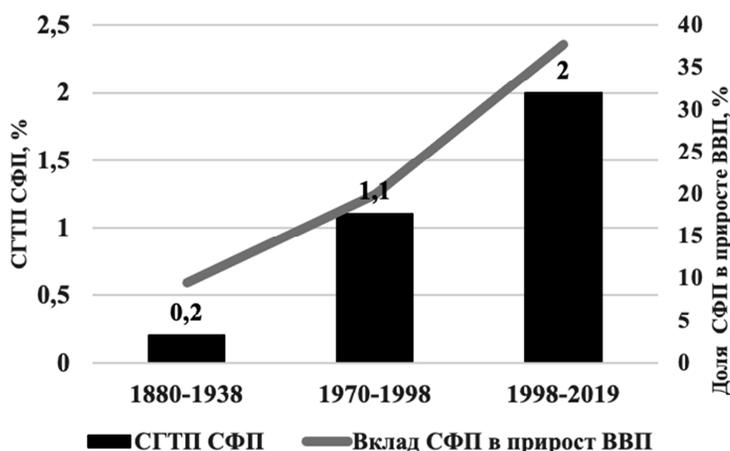


График 1. Индонезия: динамика среднегодовых темпов прироста совокупной факторной производительности и ее вклад в прирост ВВП (%).

Chart 1. Indonesia: dynamics of the average annual growth rate of total factor productivity and its contribution to GDP growth (%).

Примечания: 1. Рассчитано по формуле: $r = y - (\alpha \cdot l + (1-\alpha) \cdot k)$, где y , l , k и r - среднегодовые темпы прироста ВВП, занятости, основного капитала и совокупной факторной производительности. 2. Вклад совокупной факторной производительности в прирост ВВП исчислен по формуле: $u = r/y$, %. 3. Основной капитал рассчитан методом непрерывной инвентаризации, предложенным Р.Голдсмитом. 4. Средние показатели эластичности изменения ВВП по рабочей силе (α) и капиталу ($1-\alpha$) взяты равными, соответственно, в 1880-1938 гг. 0,6 и 0,4 и в 1970-2019 гг. - 0,65 и 0,35.

Рассчитано по: [24; 2; 3; 4, с. 145, 202; 8, с. 208-209]; TheWorldBank. WorldTables.Baltimore, 1984, p. 86.

Вклад производительности труда в прирост ВВП вырос с $\frac{1}{2}$ в 1880-1938 до $\frac{3}{5}$ в 1970-2019 гг., а *ускорение (второе)* среднегодового темпа прироста производительности труда было, по нашим подсчетам, вызвано на $\frac{2}{5}$ в результате *интенсификации перемещения рабочей силы* из отраслей с низкой в отрасли с более

¹ Составлено и рассчитано по: [24; 2; 3; 4, с. 145, 202], TheWorldBank. World Tables. Baltimore, 1984, p. 86; The World Bank. World Tables. Baltimore, 1984, p. 86, а также: [2; 3; 4, с. 145, 202].

высокой производительностью труда, и на 3/5 за счет повышения среднегодового темпа прироста производительности труда в основных секторах производства. Все это свидетельствует о том, что Индонезия в последние полвека стала переходить на модель т.н. современного экономического роста, описанного в трудах лауреата Нобелевской премии по экономике С.Кузнеця (см., напр.: [5]).

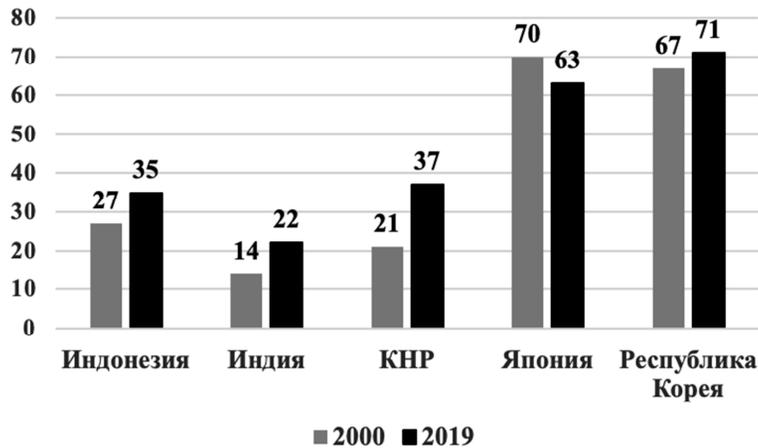


График 2. Динамика относительного уровня совокупной факторной производительности (в % к США) в 2000 и 2019 гг.

Chart 2. Dynamics of the relative level of total factor productivity (in% of the USA) in 2000 and 2019.

Рассчитано по источникам к *граф.* 1 по формуле: $TFP_i/TFP_j = (Y_i / (L_i^{0.65} * K_i^{0.35})) / (Y_j / (L_j^{0.65} * K_j^{0.35}))$, где TFP_i и TFP_j , Y_i и Y_j , L_i и L_j , K_i и K_j - соответственно, уровни совокупной факторной производительности, ВВП, занятости и объема основного капитала в сравниваемой стране и США.

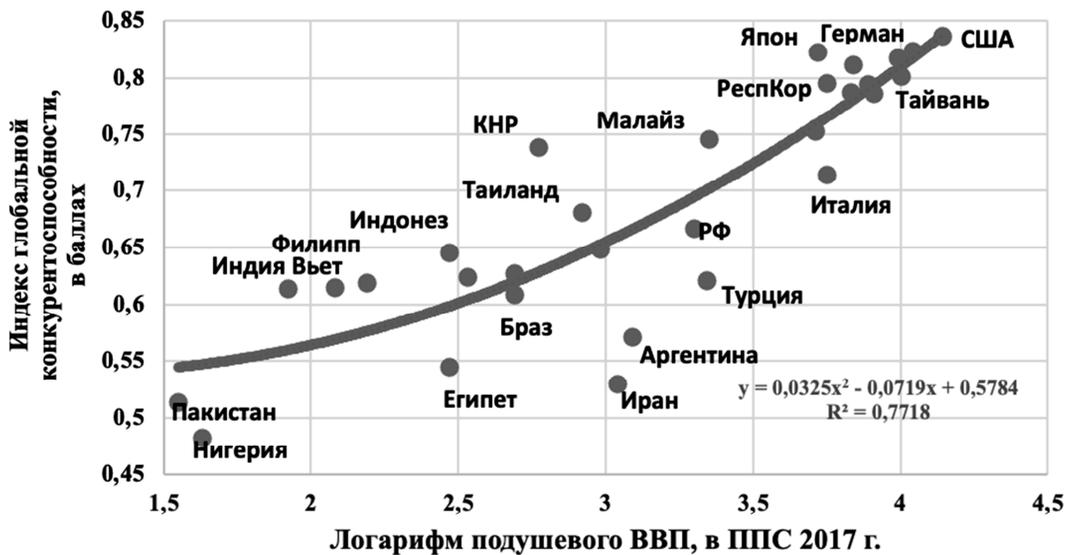


График 3. Взаимосвязь уровня подушевого ВВП и индекса международной конкурентоспособности по 30 крупнейшим экономикам мира, 2019 г.

Chart 3. Relationship between the level of per capita GDP and the international competitiveness index for the 30 largest economies in the world, 2019

Рассчитано по источникам к *граф.* 1.

Учитывая, что, по имеющимся расчетам и оценкам, среднегодовой темп прироста капиталовооруженности труда в Индонезии вырос почти в 2,5 раза (с 1,8-2,0% в 1880-1938 гг. до 4,5-4,7% в 1970-2019 гг.), можно определить, что среднегодовой темп прироста *совокупной факторной производительности* увеличился более чем в 7 раз - примерно с 0,2% до 1,5% (в 1970-1998 гг. - 1,1 и в 1998-2019 гг. - 2%), а *вклад совокупной факторной производительности в прирост ВВП* повысился с 1/10 в 1880-1938 гг. до 1/5 в 1970-1998 гг. и немногим менее 2/5 в 1998-2019 гг. Хотя по этому параметру страна примерно в 1,5 раза отстает, например, от Республики Корея и Тайваня (около 3/5), она примерно во столько же раз превышает средний показатель по развивающимся странам (1/4) (составлено и рассчитано по: [6, с. 157; 7, с. 187]).

Расчеты, произведенные нами за 2000-2019 гг., показывают, что по динамике *относительного уровня* совокупной факторной производительности Индонезия, хотя и вдвое медленнее, чем, например, Индия и Китай, подтягивается к «планке» США, но, все еще почти втрое отставая от последних, уже сократила до двукратного свое отставание от Республики Корея и Японии.

По нашим расчетам, охватывающим 30 крупнейших экономик мира (на которые приходится ~ 3/4 численности его населения и свыше 4/5 глобального ВВП), ряд ведущих развивающихся стран Востока, сумевших значительно модернизировать свою экономику, повысить норму капиталовложений, диверсифицировать структуру экспорта, оказались по *рейтингу международной конкурентоспособности* в 2019 г. существенно (в т.ч. Таиланд - на 2 позиции, Индия, Малайзия и Вьетнам - на 3, Филиппины - на 4, КНР и Индонезия - на 7 позиций из 30) выше расчетных значений рейтинга международной конкурентоспособности, сгенерированных по логарифму их подушевого ВВП (см. *граф. 3*).

Сказанное говорит о том, что, хотя в Индонезии и ряде других быстроразвивающихся стран Востока и Юга, существует, естественно, много проблем и трудностей (к анализу которых мы еще вернемся), эти страны - по крайней мере, в допандемийный период - сумели существенно продвинуться по шкале эффективности развития.

ИТОГИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Оценивая итоги развития Индонезии в период активной модернизации, добавим к сказанному следующее. Если в среднем по развивающимся странам *доля городского населения* в 1970-2019 гг. выросла примерно вдвое (с 1/4 до 1/2), то в Индонезии - более чем втрое (с 16-18% до 55-57%), что говорит о наличии ряда признаков сравнительно интенсивной трансформации ее социума².

В рассматриваемый период среднегодовой темп прироста подушевого ВВП в Индонезии был выше, соответственно, в 1,5 и 2 раза, чем в целом по развивающимся и развитым государствам (3,6% vs 2,4 и 1,8%), в результате чего ее подушевой ВВП повысился от уровня развивающихся стран с 60 до 110% и с 1/10 до 1/4 от уровня развитых государств. Ускорила и динамика *индекса человеческого развития* (ИЧР, см. *граф. 4*). Его среднегодовой темп прироста утроился - с 0,7% в 1870-1950 гг. до 2,1-2,2% в 1950-2019 гг., превысив показатель и в целом по развивающимся странам (1,9%), и значительно - по развитым государствам (1,1%)³.

Если в среднем по странам Латинской Америки, Африки южнее Сахары и арабским странам *конвергенция по ИЧР к среднему уровню развитых государств* была сравнительно небольшой (в 1950-2019 гг., соответственно, в 1,2, 1,3 и 1,5 раза - с 46 до 57%, с 22 до 29% и с 35 до 54%), то, например, для КНР она была весьма значительной (рассматриваемый индикатор вырос более чем втрое - с 20 до 62%) и весьма существенной (двойное увеличение индикатора) для Индии (с 20 до 40%) и Индонезии (с 24 до 48%).

Для Индонезии, несмотря на существенные успехи в индустриализации, характерно, в целом, отставание в инновационной сфере.

Хотя в последние десятилетия в Индонезии норма расширенного накопления (в % от ВВП) имела тенденцию к росту, *доля инвестиций в человеческий капитал в совокупных расходах на развитие физического и человеческого капитала* в 2010-е гг. (1/5) оказалась ниже, чем в среднем по развивающимся странам (1/3), НИС (свыше 2/5) и развитым государствам (1/2-3/5). *Доля расходов на НИОКР* в Индонезии (0,2% ВВП) меньше в 5-6 раз, чем в целом по развивающимся странам (без КНР), в 10 раз меньше, чем в КНР, и в 13 раз - чем в развитых государствах (2,6% ВВП)⁴.

Во второй половине 2010-х гг. *доля населения с образованием не ниже среднего* в общей его численности в возрасте от 15 до 64 лет в Индонезии (~1/2) была выше, чем, например, в Индии (2/5), но существенно ниже, чем в КНР (свыше 2/3), НИС и развитых государствах (93-95%). При этом доля взрослого населения с высшим образованием в Индонезии, хотя и соответствовала среднему показателю в целом по развивающимся странам (7-9%), но была меньше вдвое, чем в таких странах, как Малайзия и Таиланд (15-17%), и вчетверо, чем в целом по развитым государствам и НИС (32-36%).

В конце 2010-х гг. охват населения Индонезии *широкополосным интернетом* (3-4%) был ниже, соответственно, в 3 и в 10 раз, чем в среднем по развивающимся странам (10-12%) и развитым государствам, а также НИС (34-36%) (рассчитано по: [10, р. 58-189]), а *число заявок на патенты в расчете на 1 млн человек* в Индонезии (37 штук) было, соответственно, в 8, 28 и 100 раз меньше, чем в среднем по развивающимся странам (277 штук), развитым государствам (1012) и НИС (3633)⁵.

² Рассчитано по источникам *к граф. 1*, а также: The UNDP. Human Development Report, New York, 2019, p. 173.

³ Рассчитано по источникам *к граф. 1*, а также: [14, с. 145, 201].

⁴ Рассчитано по источникам *к граф. 1*.

⁵ Рассчитано по источникам *к граф. 1*.

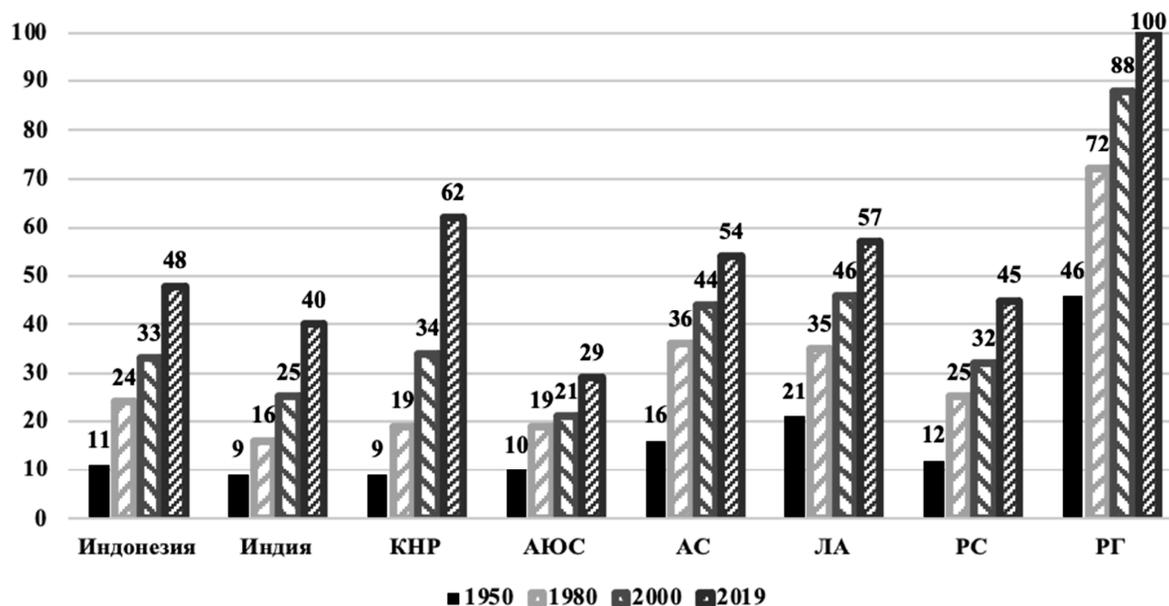


График 4. Динамика индекса человеческого развития (ИЧР) в развивающихся и развитых странах, 1950-2019 гг. (развитые государства в 2019 г. = 100), %.

Chart 4. Dynamics of the human development index (HDI) in developing and developed countries, 1950-2019. (developed countries in 2019 = 100), %.

Примечания: 1) ИЧР - среднее геометрическое не взвешенное показателей подушевого ВВП (в ППС 2017 г.), средней продолжительности жизни от рождения, среднего числа лет обучения взрослого населения, отнесенных к среднему уровню развитых государств за 2019 г. 2) АЮС - Африка южнее Сахары, АС - арабские страны, ЛА - Латинская Америка, РС - развивающиеся страны, РГ - развитые государства.

Рассчитано по: по источникам к граф. 1, а также: [8, с. 206].

В 2019 г. по индексу инновационного развития Индонезия (74-е место в мире из 141 - из базы данных ВЭФ), обгоняя, например, Вьетнам (76-е), заметно отставала от Таиланда (50-е), Индии (35-е), Малайзии (30-е), КНР (24-е), Республики Корея (6-е место) [9, pp. 157, 280, 285, 325, 369, 563, 597].

Для Индонезии, несмотря на то, что ее развитие происходит с опорой на ТНК, характерно преобладание мелких и малых предприятий⁶, составлявших во второй половине 2010-х гг. 99% их общего числа и на которых было сосредоточено до 2/3 всех занятых. При этом только 6% всех предприятий базировались на новейших технологиях, а 64% и 30% - соответственно, на т.н. традиционных и промежуточных [11, pp. 31, 86].

В Индонезии доля в добавленной стоимости обрабатывающей промышленности средне-высокотехнологичных товаров (примерно 1/3) существенно меньше, чем в Индии, Таиланде, Малайзии и КНР (свыше 2/5), и намного ниже, чем в азиатских НИС (свыше 2/3), а доля в ее товарном экспорте средне-высокотехнологичных товаров не превышает 13% (в Индии 24-25%, в КНР - 56-57%), в т.ч. высокотехнологичных товаров - 3,5% (в Индии 6-8%, в КНР 28-29%, в среднем по развивающимся странам 14-15%)⁷. По коэффициенту сложности экспорта Индонезия в 2000-2019 гг. переместилась с 59-го на 63-е место в мире, отстав от Вьетнама (52-е место), Индии (45-е), Филиппин (33-е), Таиланда (25-е), КНР (19-е место из 130)⁸.

Эти факторы, наряду с последствиями мирового финансового кризиса и начавшейся деглобализацией мировой экономики, вызвали примерно двукратное торможение роста совокупной факторной производительности в Индонезии (в 2011-2019 гг. по сравнению с 2000-2008 гг.) [11, p. 5; 13, p. 109].

В результате проведения достаточно прагматичной экономической политики, способствующей экономическому росту, в Индонезии доля населения, живущего в критической бедности⁹ сократилась с 55% в 1990 г. до 35 - в 2000 г., 13 - в 2010 г. и 4% - в 2018 г.¹⁰, т.е. до уровня, который втрое ниже, чем в среднем по развивающимся странам.

⁶ До 19 человек, занятых на предприятии (прим. авт.).

⁷ Составлено и рассчитано по источникам к граф. 1, а также: [12, pp. 190-191].

⁸ Составлено по Economic Complexity Rankings. <https://www.visualcapitalist.com/countries-ranked-by-their-economic-complexity/> (accessed 16.11.2020)

⁹ Подушевое потребление менее \$1,9 в ППС 2011 г. в день.

¹⁰ В конце 2010-х гг. доля населения в Индонезии, проживавшей в условиях многокритериальной бедности, была примерно такой же, как в КНР (3-4%), ниже, чем на Филиппинах, в Египте и Мексике (5-7%), и в 7-8 раз ниже, чем в Индии (27-29%) [17].

Доля недоедающих в 1990-2018 гг. уменьшилась почти вдвое до менее 1/10. Хотя в стране *доля бедных*¹¹ заметно снизилась (соответственно, с 96 до 53%), сравнительно *невысокий уровень жизни* у почти 4/5 населения¹². В 2020 г. - в условиях пандемии и современного мирового кризиса - доля бедных выросла, но, по оценкам, заметно меньше, чем во многих других развивающихся странах [16].

В Индонезии, как, впрочем, и в ряде других развивающихся и развитых стран, в последние десятилетия существенно углубилось социальное неравенство. *Коэффициент Джини*¹³ по распределению доходов¹⁴ увеличился в 1999-2018 гг. на 1/5 - с 0,31-0,32 до 0,38 [18; 9, р. 281]. *Коэффициент Джини* по распределению богатства в 2010-2019 гг. вырос с 0,77 до 0,83, оказавшись, хотя и ниже, чем, например, в Таиланде и США (0,84-0,85), но на уровне с Африкой, Латинской Америкой и Индией (0,82-0,83), и намного выше, чем в Турции (0,79), Франции и КНР (0,69-0,70), Японии (0,63) и Республике Корея (0,61).

В рассматриваемый период *доля топового 1%-ного населения* в совокупном богатстве Индонезии увеличилась круче, чем в ряде других стран, - с 32 до 45%, достигнув уровня, который ниже, чем, например, в Таиланде (50%), но выше, чем в Африке, Латинской Америке, Индии и Турции (38-43%), США (35%), и намного выше, чем во Франции (22%) и Японии (18%).

Сказанное подтверждается и ростом в Индонезии в тот же период *коэффициента Пальма*¹⁵ по распределению богатства - с 33 до 49, который, правда, не достиг планки Таиланда, Африки, Индии и Латинской Америки (*коэффициент Пальма* равен, соответственно, 55, 60, 68 и 180), но выше, чем в Турции, Франции, КНР, Республике Корея и Японии (соответственно, 28, 17, 11, 8 и 5) (составлено и рассчитано по: [19]).

Увеличение неравенства в распределении дохода и богатства сверх определенного предела [20] (а Индонезия, по нашим оценкам, похоже, достигла его или уже весьма близка к нему), ограничивая эффективный спрос, возможности наращивания человеческого капитала и, как правило, сказываясь - в тенденции - негативно на инвестиционном климате, может начать сдерживать ее экономический рост.

МЕРЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ПОДДЕРЖКЕ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Данная статья готовилась в период, когда широкое распространение коронавирусной инфекции COVID-19, начавшееся в начале 2020 г., внесло коррективы в экономическое развитие практически всех стран мира. Пандемия спровоцировала самый серьезный за многие десятилетия глобальный экономический спад. Согласно отчету ВБ, по итогам 2020 г. темп совокупного экономического роста стран Восточной Азии и Тихоокеанского региона упал до 0,9%, что стало самым низким показателем начиная с 1967 г.¹⁶

Индонезия в 2020 г. впервые со времён Азиатского кризиса 1998 г. погрузилась в экономическую рецессию: ВВП по итогам года сократился на 2,07% (в 2019 г. рост ВВП составил 5,02%). При этом в допандемийный период прогнозы экспертов и правительства относительно роста экономики страны в 2020 г. были весьма оптимистичны и варьировались в диапазоне 5,1-5,5%.

Следует подчеркнуть, что Индонезия пострадала от пандемии в гораздо меньшей степени, чем большинство других государств региона. Так, по итогам 2020 г. экономика Малайзии, согласно оценкам ВБ, сократилась на 5,8%, Таиланда - на 6,5%, Филиппин - на 8,1%. Все региональные правительства столкнулись с поиском компромисса между необходимостью сдержать распространение пандемии, сохранить политическую стабильность и поддержать экономику [21].

Центральное правительство Индонезии сфокусировалось, прежде всего, на минимизации возможных социально-экономических последствий пандемии COVID-19. В конце февраля 2020 г., еще до введения широкомасштабных мер по ограничению социальной активности, с целью смягчения возможных негативных экономических последствий правительство Индонезии анонсировало *первый пакет стимулов* для экономики на общую сумму 10,3 трлн индонезийских рупий (\$725 млн). Комплекс мер был направлен, прежде всего, на поддержку туристического сектора, который один из первых почувствовал на себе надвигающийся кризис в отрасли. На тот момент, согласно официальной статистике, в Индонезии не было зафиксировано еще ни одного случая заболевания COVID-19¹⁷.

¹¹ Подушевое потребление менее \$5,5 в ППС 2011 г. в день.

¹² Составлено по: Poverty headcount ratio. <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators> (accessed 30.10.2020), а также: [14; 15, р. 34].

¹³ Изменяется от 0 (всем поровну) до 1 (все достается одному).

¹⁴ По данным после уплаты налогов и предоставления субсидий.

¹⁵ Коэффициент Пальма равен отношению потребления/доходов/богатства наиболее состоятельных 10% населения к сумме потребления/доходов/богатства наиболее бедных 40% населения (*прим. авт.*).

¹⁶ The World Bank // Global Economic Prospects: East Asia and Pacific <https://pubdocs.worldbank.org/en/608291599838742673/Global-Economic-Prospects-January-2021-Analysis-EAP.pdf> (accessed 25.03.2021)

¹⁷ О первом подтверждённом случае заражения было объявлено 2 марта 2020 г. При этом, как отмечается, на первых порах правительство намеренно утаивало информацию о росте числа инфицированных коронавирусом, чтобы избежать паники в обществе (*прим. авт.*).

Второй пакет стимулирующих мер для экономики на сумму 120 трлн рупий (около \$8,5 млрд), направленный на поддержку внешней торговли был представлен 13 марта 2020 г. В целях стимулирования международной торговли были облегчены экспортно-импортные операции (введены системы электронного документооборота и работа службы «единого окна») по многим товарам и понижены взимаемые на них торговые пошлины.

Китай является крупнейшим торговым партнером Индонезии¹⁸. В связи с принятыми мерами по ограничению распространения *COVID-19* перебои в поставках товаров из КНР, в т.ч. сырья и полуфабрикатов для промышленности, повлияли на работу большинства индонезийских предприятий. Так, например, заводы по производству пластмасс, текстиля и стали используют 20-30% китайского сырья. В феврале 2020 г. индонезийский импорт из Китая снизился на 35% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. и составил \$2 млрд¹⁹.

С целью преодоления неопределенности в международной торговле, а также проблем, связанных с торговой напряженностью между США и Китаем (крупнейшие торговые партнеры Индонезии), индонезийское правительство активизировало работу по диверсификации международных цепочек поставок, поиску новых торговых партнеров. В июле 2020 г. вступило в силу Соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве между Индонезией и Австралией, в декабре состоялось подписание Соглашения о всеобъемлющем экономическом партнерстве между Индонезией и Южной Кореей, переговоры по которому длились почти 10 лет [22, с. 100-101].

Важным событием для стран-участниц Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), в т.ч. Индонезии, а также Китая, Австралии, Японии, Республики Корея и Новой Зеландии стало подписание 15 ноября 2020 г. на полях онлайн-саммита АСЕАН Соглашения о всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), которое формирует крупнейшую в мире зону свободной торговли, охватывающую 30% мирового ВВП. Согласно данным Министерства торговли Индонезии, по итогам 2019 г. 61,6% экспорта и 71,3% импорта Индонезии пришлось на страны - участницы ВРЭП.

Наиболее тяжёлый урон от «коронавирусного» кризиса понесли беднейшие слои населения, а также микро-, малые и средние предприятия (ММСП) и занятые на них. На фоне резкого сокращения рабочих мест и закрытия предприятий число граждан, живущих за чертой бедности, по состоянию на сентябрь 2020 г., возросло до 27,5 млн: уровень бедности достиг 10,2% (годом ранее был равен 9,22%)²⁰.

Правительством Индонезии было уделено особое внимание поддержке ММСП как основного драйвера экономического роста страны (на их долю приходится 60% ВВП). Ставки налога на прибыль в период 2020-2021 гг. снижены с 25% до 22%, а с 2022 по 2023 гг. - до 20% [22, с. 101]. Кроме того, микро-, малым и средним предприятиям предоставлены субсидии на оплату электроэнергии и частичное покрытие выплат по кредитам, а также отсрочки по погашению задолженностей на 6 месяцев.

31 марта 2020 г. президент Джоко Видодо объявил о дополнительном выделении 405 трлн рупий (около \$29 млрд), в т.ч. 150 трлн - на реализацию программы по восстановлению экономики, которая включает в себя реструктуризацию кредитов и финансирование малого и среднего бизнеса, 75 трлн - на поддержку здравоохранения, 110 трлн - на систему социальной защиты граждан.

Очередное финансирование программ по восстановлению национальной экономики было осуществлено в августе 2020 г. на сумму 534,98 трлн рупий (около \$38 млрд). Таким образом, на конец августа 2020 г. общая сумма денежных средств, выделенных из бюджета Индонезии на борьбу с *COVID-19* и смягчение последствий надвигающейся экономической рецессии, составила около \$50 млрд - примерно 3,2% годового ВВП Индонезии. В связи с крупномасштабным финансированием экономики и одновременно снижением налоговых поступлений, индонезийское центральное правительство было вынуждено поднять законодательно установленный «потолок» бюджетного дефицита в 3% ВВП. По итогам 2020 г. дефицит бюджета достиг 6,03% ВВП Индонезии, что немного ниже прогнозного значения, равного 6,34%. Ожидается, что в 2021 г. он составит около 5,7% ВВП. Правительство Индонезии ожидает, что к 2023 г. государственный бюджет вернется к нормальному состоянию и верхняя граница по дефициту будет снижена до 3% ВВП.

С целью финансирования экономики в период борьбы с пандемией *COVID-19* и ее последствиями на первых этапах правительством использовались накопленные ранее финансовые резервы на сумму 70 трлн рупий (около \$5 млрд), а также средства целевого фонда образования около \$4 млрд. Для получения дополнительных финансирования в апреле 2020 г. были выпущены долговые обязательства - т.н. «пандемические облигации» - на общую сумму 449 трлн рупий (около \$32 млрд) с самым длительным в истории выпуска долговых ценных бумаг в Индонезии - сроком на 50 лет²¹.

¹⁸ По данным Центрального статистического управления Индонезии (*BPS*), в 2019 г. китайский импорт в Индонезию (не нефтегазового сектора) в стоимостном выражении составил \$44,5 млрд (*прим. авт.*).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Govt scraps plan to issue \$30b worth of «pandemic bonds». *The Jakarta Post*. <https://www.thejakartapost.com/news/2020/05/11/govt-scraps-plan-issue-30b-worth-pandemic-bonds.html> (accessed 9.08.2020)

В 2020 г. Индонезия испытала первую рецессию за более чем два десятилетия. Ее экономика начала восстанавливаться в 4-м квартале 2020 г., когда ее ВВП сократился на 2,19%, что стало минимальным снижением, по сравнению двумя кварталами ранее (-5,32% - во 2-м квартале и -3,49% - в 3-м квартале)²². В январе 2021 г. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) обновила свой прогноз по росту ВВП Индонезии на 2021 г. и 2022 г., повысив прежний показатель с 4% до 4,9%, и на 0,3 проц. пункта до 5,4%, соответственно.

Повышение прогнозных показателей обусловлено рядом причин: во-первых, с января 2021 г. в Индонезии запущена национальная программа по бесплатной вакцинации населения, в рамках которой к марту 2022 г. планируется вакцинировать 181 млн человек (около 70% населения страны). Во-вторых, правительство Индонезии приняло решение увеличить на 20,6% бюджет по финансированию программы восстановления национальной экономики в 2021 г., доведя его до 699,4 трлн рупий (около \$48,4 млрд).

Кроме того, в феврале 2021 г. Индонезии удалось достичь положительного сальдо торгового баланса в размере \$2 млрд (экспорт составил \$15,3 млрд), что, в свою очередь, было обусловлено ростом цен на сырьевые товары (Индонезия является крупным экспортером пальмового масла, угля, металлов) и восстановлением международной торговли, в частности, с Китаем, США и Японией - крупнейшими импортерами индонезийских товаров.

В долгосрочной перспективе представляется сложной задачей спрогнозировать влияние кризиса, вызванного пандемией *COVID-19* на экономики стран ЮВА. Большая часть региона понесла значительные человеческие и экономические потери. В Индонезии по мере распространения эпидемии и роста числа заболевших возникали опасения по поводу кризиса системы здравоохранения в связи с ее перегруженностью (по состоянию на конец апреля 2020 г., в Сингапуре на 1 тыс. человек приходилось 2,41 врача, в Брунее - 1,77, в Малайзии - 1,51, а в Индонезии - лишь 0,38²³). Однако коллапса удалось избежать. Были предприняты дополнительные усилия для борьбы со вспышкой *COVID-19*, и система здравоохранения оказалась более устойчивой, чем ожидалось, хотя количество смертей среди заболевших, а также среди врачей и медсестер довольно велико, а система мониторинга заболеваний все еще находится в зачаточном состоянии.

Впрочем, есть и позитивные моменты в текущем «коронавирусном» кризисе. Именно в сегодняшних непростых условиях возник мощный импульс для реформирования национальной системы образования и здравоохранения, создания эффективных институтов. На протяжении 2020 г. правительство Индонезии принимало меры по улучшению инвестиционного климата и упрощению условий ведения предпринимательской деятельности, реформируя нормативно-правовую базу²⁴.

Глобальные и региональные изменения в спросе на технологические решения, цифровые приложения для мобильных устройств (которое стали особенно востребованы в период пандемии коронавируса), а также государственная политика, призванная поддержать этот сектор, будут стимулировать развитие инноваций, что, в свою очередь, укрепит позиции предпринимателей, работающих в сфере ИКТ. Концепция цифровой экономики Индонезии, которая начала формироваться до кризиса, вероятно, будет играть существенную роль после пандемии, станет одним из ключевых факторов создания рабочих мест и экономического роста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опыт модернизации одной из крупнейших стран развивающегося мира - Индонезии, которая на протяжении полувека, в целом, более или менее системно осуществляла прагматичные реформы, развивая рыночную экономику, поощряя предпринимательство и повышая (с крайне низкого уровня) качество государственного управления, показывает, что развивающаяся страна, прилагающая целенаправленные усилия, за время, равное двум поколениям людей, может, несмотря на немалые проблемы и трудности, добиться многого.

Чтобы, как говорится, рельефнее ощущался масштаб достижений Индонезии, заметим, что в 1990-2019/2020 гг. объем ее ВВП (в ППС 2017 г.) вырос с ¼ до 4/5 от уровня Российской Федерации (и не исключено, что Индонезия сможет догнать последнюю к середине 2020-х гг.). Показатели объема добавленной стоимости, созданной в обрабатывающей промышленности Индонезии, и *экспорта ею средне-высокотехнологических товаров*, составлявшие в 1990 г. 13-15% от уровня России, в 2019 г. превысили его, соответственно, на 22-23 и 2-3%²⁵.

²² По данным *BPS*.

²³ Explaining successful (and unsuccessful) COVID-19 responses in Southeast Asia. *The Diplomat*. <https://thediplomat.com/2020/04/explaining-successful-and-unsuccessful-covid-19-responses-in-southeast-asia/> (accessed 5.12.2020)

²⁴ В 2020 г. принят Закон № 11/2020 г. «О создании рабочих мест» (*Job Creation Law*), который направлен на улучшение инвестиционного климата и создание благоприятных условий бизнеса в стране, расширение перечня секторов, доступных для иностранных капиталовложений (*прим. авт.*).

²⁵ Рассчитано по источникам к *граф.* 1.

В Индонезии произошел существенный рывок в ряде важнейших характеристик человеческого развития (о чем, в частности, свидетельствует быстрый рост ее ИЧР). Но мир в последнее время стремительно меняется.

Для сохранения международной конкурентоспособности в современных условиях Индонезии, имеющей уже, в целом, неплохой промышленный задел, достаточно приличный для небогатой страны уровень управления²⁶ и растущий демографический дивиденд²⁷, необходимо:

(а) существенно повысить уровень подготовки рабочей силы; (б) обеспечить приоритетное развитие коммуникаций и инновационных отраслей экономики; (в) усилить борьбу с коррупцией, умерить рост неравенства и, наращивая усилия по развитию внутреннего рынка (что весьма актуально для крупной страны, расположенной на почти 18 тыс. островов), максимально использовать возможности для активизации внешнеэкономических связей в рамках АСЕАН, АТЭС и в более широком формате.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия). М., ИВ РАН, 2007.
2. Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. Paris, OECD, 2003.
3. Van der Eng P. The Sources of Long-term Economic Growth in Indonesia, 1880-2008. *Explorations in Economic History*. 2008. Vol. 47. № 1.
4. Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996.
5. Kuznets S. Economic Growth of Nations. Cambridge (Mass.), 1971.
6. Мельянцев В.А., Горожанкина А.А. Южнокорейское чудо, или не боги горшки обжигают. *Восток/Oriens*. 2018. № 3.
7. Мельянцев В.А., Матюнина Л.Х. Очерки макроэкономического и финансового развития стран Востока и Запада (1980-2010-е годы). М., 2019.
8. Мельянцев В.А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен. М., 2009.
9. The World Economic Forum. Global Competitiveness Report. Geneva, 2019.
10. The WEF. The Global Human Capital Report, 2017. Geneva, 2017.
11. ADB. Indonesia. Unlocking Growth through Technological Transformation. Mandaluyong Citi, 2020.
12. UNIDO. Industrial Development Report. Vienna, 2020.
13. APO. Productivity Databook, 2019. Tokyo, 2019.
14. Dream state: Widodo struggles to build his vision for Indonesia. *The Economist*. 24.09.2020. <https://www.ft.com/content/322c7f9b-310a-4c4f-ae6e-598328f59028> (accessed 24.09.2020)
15. The World Bank. Investing in People. Jakarta, 2020.
16. Covid-19: The Global Crisis in Data. *The Financial Times*. 19.10.2020. <https://ig.ft.com/coronavirus-global-data/> (accessed 19.10.2020)
17. The UNDP. Global Multidimensional Poverty Index, 2020. N.Y., 2020.
18. Reducing Inequality in Indonesia. The World Bank. October 22, 2014. <https://www.worldbank.org/en/country/indonesia/brief/reducing-inequality-in-indonesia> (accessed 10.10.2020).
19. Credit Suisse. Global Wealth Databook, 2010; 2019. Geneva.
20. Мельянцев В.А. Торможение глобальной экономики и (полу)периферийные страны. *Азия и Африка сегодня*. 2016, № 10.
21. Рогожин А.А., Рогожина Н.Г. COVID-19 в Юго-Восточной Азии: проблемы и решения. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13. № 5. С. 181-203. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-11
22. Мельянцев В.А., Адрова И.С. Основные факторы экономического роста Индонезии - четвертой экономики Азии. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2021, № 1. С. 86-106. DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-86-106.
23. The Foundation for Value Creation. Elite Quality Report. 2020. Zurich and Geneva, 2020.
24. The World Bank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (accessed 28.10.2020); The UNCTAD. Economic Trends. <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (accessed 28.10.2020); The UNDP. Human Development Report, New York, 2019, p. 301.

REFERENCES

1. Pakhomova L.F. 2007. Models for Prosperity (Singapore, Malaysia, Thailand, Indonesia). Moscow. (In Russ.)
2. Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. Paris, OECD, 2003.
3. Van der Eng P. 2008. The Sources of Long-term Economic Growth in Indonesia, 1880-2008. *Explorations in Economic History*. Vol. 47. № 1.
4. Meliantsev V.A. 1996. East and West in the second millennium: economy, history and modernity. Moscow. (In Russ.)
5. Kuznets S. 1971. Economic Growth of Nations. Cambridge (Mass.), 1971.

²⁶ По качеству управленческой, предпринимательской и профессиональной элиты Индонезия в 2020 г. входила в высшую четверть крупных развивающихся стран. См.: [23, p. 1].

²⁷ Доля населения в возрасте 15-64 лет, которая сократилась, например, в среднем по развитым государствам с 67% в 2005 г. (поворотная точка) до 64% - в 2019 г., в КНР - с 73,3% в 2010 г. до 70,7% - в 2019 г., в целом по развивающимся странам - с 2015 г. (но пока незначительно), в Индонезии в 1970-2019 гг. продолжала увеличиваться - с 53,5 до 67,7% (составлено по источникам к *граф.* 1, а также: [15, p. 39]).

6. Meliantsev V.A., Gorozhankina A.A. 2018. South Korea's miracle, or not gods but humans make pots. *Vostok/Oriens*. № 3. Moscow. (In Russ.)
7. Meliantsev V.A., Matiunina L.H. 2019. Essays on macroeconomic and financial development of the countries of the East and West (1980-2010s). Moscow. (In Russ.)
8. Meliantsev V.A. 2009. Developed and developing countries in an era of change. Moscow. (In Russ.)
9. The World Economic Forum. Global Competitiveness Report, 2019. Geneva.
10. The WEF. The Global Human Capital Report. Geneva, 2017.
11. ADB. Indonesia. Unlocking Growth through Technological Transformation. Mandaluyong Citi, 2020.
12. UNIDO. Industrial Development Report. Vienna, 2020.
13. APO. Productivity Databook, 2019. Tokyo, 2019.
14. Dream state: Widodo struggles to build his vision for Indonesia. *The Economist*. 24.09.2020. <https://www.ft.com/content/322c7f9b-310a-4c4f-ae6e-598328f59028> (accessed 24.09.2020)
15. The World Bank. Investing in People. Jakarta, 2020.
16. Covid-19: The Global Crisis in Data. *The Financial Times*. 19.10.2020. <https://ig.ft.com/coronavirus-global-data/> (accessed 19.10.2020)
17. The UNDP. Global Multidimensional Poverty Index, 2020. N.Y., 2020.
18. Reducing Inequality in Indonesia. The World Bank. October 22, 2014. <https://www.worldbank.org/en/country/indonesia/brief/reducing-inequality-in-indonesia> (accessed 10.10.2020).
19. Credit Suisse. Global Wealth Databook, Geneva, 2019.
20. Meliantsev V.A. Slowing down the global economy and (semi) peripheral countries. *Asia and Africa today*. 2016, № 10. (In Russ.)
21. Rogozhin A.A., Rogozhina N.G. 2020. COVID-19 in Southeast Asia Problems and Solutions. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, № 5, pp. 181-203 (In Russ.). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-11
22. Meliantsev V.A., Adrova I.S. 2021. Main factors of economic growth in Indonesia - the fourth economy of Asia. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. № 1. С. 86-106. (In Russ.). DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-86-106
23. The Foundation for Value Creation. Elite Quality Report, 2020. Zurich and Geneva, 2020.
24. The World Bank. World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (accessed 28.10.2020); The UNCTAD. Economic Trends. <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (accessed 28.10.2020); The UNDP. Human Development Report, New York, 2019, p. 301.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мельянцев Виталий Альбертович, доктор экономических наук, заслуженный профессор МГУ имени М.В.Ломоносова, заведующий кафедрой международных экономических отношений стран Азии и Африки, ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова; член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня», Москва, Россия.

Адрова Ирина Сергеевна, аспирантка кафедры международных экономических отношений стран Азии и Африки, ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия.

Vitalii A. Meliantsev, Dr.Sc. (Economics), Professor, Head, Department of International Economic Relations of Asian and African countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; member, Editorial Board, "Aziya i Afrika segodnya" journal. Moscow, Russia.

Irina S. Adrova, Post-graduate student, Department of International Economic Relations of Asian and African countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
08.02.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 28.03.2021

Принята к публикации (Accepted)
12.04.2021

Наука, технологии и инновации в Африке: стереотипы, реалии, перспективы

© Фитуни Л.Л.^a, 2021

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-5416-6709
Researcher ID: 5901-2016
Scopus Author ID: 56968215500
africa.institute@yandex.ru

Резюме. В российской литературе вопросы развития науки и практики НИОКР в Африке исследованы весьма поверхностно. Присутствует общая констатация (обычно без цифр) решающей роли здесь государства и сильной зависимости от внешней помощи.

Статья на большом статистическом и фактическом материале анализирует современное положение сферы НИОКР в Африке с целью выявления конкретных ниш для налаживания российско-африканского сотрудничества в области науки и технологий, которые, представляя интерес для обеих сторон, позволят России в полной мере реализовать ее конкурентные преимущества в данной области, а африканским странам - облегчить решение стоящих перед ними задач развития. Проведенный анализ раскрывает куда более сложную и одновременно интересную картину состояния науки и практики НИОКР в Африке. Удалось проследить достаточно детализированную структуру источников, каналов и объектов финансирования НИОКР.

В статье выявлено и подтверждено статистикой и расчетами, что, как количественно, так и качественно, наибольшая исследовательская и внедренческая активность в странах Африки наблюдается либо в отраслях, обозначенных в стратегиях развития и правительственных планах как национальные приоритеты (в сельском хозяйстве, здравоохранении, разработке природных ресурсов и т.д.), либо в тех, которые по каким-то причинам важны для более технологически продвинутых иностранных спонсоров и «соинвесторов» в подобные проекты (биотехнологии, геномные исследования, вирусология, ИКТ, и др.)

В последнее десятилетие интенсифицировались усилия по поиску оптимальных общеафриканских подходов и решений для мобилизации панафриканского потенциала стимулирования развития науки, технологий и инноваций в странах континента. В определенной степени эти коллективные усилия призваны стать противовесом феномену колониальности в науке. Проведенный анализ показывает, что пока они недостаточно эффективны.

Ключевые слова: развитие, научно-техническая политика, инновации, цифровизация, санкции, «утечка умов»

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 19-014-00019 «Санкционное и регулятивное таргетирование национальных элит как инструмент глобального управления и международной конкуренции».

Для цитирования: Фитуни Л.Л. Наука, технологии и инновации в Африке: стереотипы, реалии, перспективы. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 4. С. 15-24. DOI: 10.31857/S032150750014642-8

Science, technology and innovation in Africa: Stereotypes, realities and prospects

© Leonid L. Fituni.^a, 2021

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-5416-6709
Researcher ID: 5901-2016
Scopus Author ID: 56968215500
africa.institute@yandex.ru

Abstract. The article uses a large statistical and factual material to analyze the current state of R & D in Africa in order to identify specific niches for establishing Russian-African cooperation in the field of science and technology, which, being of interest to both sides, will allow the Russian Federation to fully realize its competitive advantages in this field, on the one hand, and the African countries to facilitate the solution of their development goals, on the other. Africa is focused on the latest trends in science and breakthrough technologies - digitalization, biotech, the use of non-traditional energy sources, but at the same time on harnessing the potential of traditional knowledge of Africans about nature and human beings.

For several decades African countries have been trying to build a pan-African system of infrastructural and institutional support for collective efforts in the field of science and technology. The pan-African strategy for STI development is due to be fulfilled by year 2024. In the most branches of science, but more often in the advanced ones, deeply integrated scientific collaborations are gaining strength. Albeit in almost all of them, the African partner plays a subsidiary role, while African laboratories de facto turn into overseas branches of Western research centers.

The COVID-19 pandemic has further confirmed the importance of African countries having their own R & D capacities, or at least of geographically diversifying the system of existing scientific collaborations. In these circumstances, Russia is facing the prospect of expanding its cooperation with African countries in the field of science, technology and innovation, which is particularly beneficial and attractive for both sides.

Keywords: development, science and technology policy, innovation, digitalization, breakthrough technologies, sanctions, "brain drain"

For citation: Fituni L.L. Science, technology and innovation in Africa: Stereotypes, realities and prospects. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 4. Pp. 15-24 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014642-8

ВВЕДЕНИЕ

В представлении немалого числа людей Африка - заповедник беспросветной нищеты и отсталости, применительно к которому рассуждения о науке, технологиях и инновациях если не смехотворны, то уж точно бесполезны и не достойны внимания. Убежденность подобного рода чаще всего - результат сочетания впитанных еще с детскими книжками стереотипов о дикой и экзотической Африке со слабым знанием современного положения дел и нынешних трендов развития континента

Нет смысла отрицать многочисленные трудности и объективные ограничители широкого использования новейших достижений науки, на континенте. В самом общем плане речь идет о таких факторах, как отставание в уровне развития производительных сил; ограниченность и недостаточное качество человеческого капитала, включая его базовые исходные параметры, такие, как образование и возможности финансирования НИОКР; недостаточное активное внедрение имеющихся разработок; утечка квалифицированных кадров; проблемы с защитой интеллектуальной собственности; последствия подчиненного положения стран Африки в мировой «научно-интеллектуальной иерархии» и, шире, в международных делах, что выливается, помимо прочего, во введение различных санкций и ограничений на передачу технологий, на закупку необходимой техники или материалов неугодными санкционерам странами и режимами, и многое другое.

Тем не менее, было бы ошибкой на основании всего вышперечисленного делать вывод о бесперспективности развития науки в Африке и бесполезности научно-технического сотрудничества с целым континентом - в особенности, когда речь идет о тех секторах и областях науки, где подобное взаимодействие с огромной вероятностью будет выгодно обеим сторонам.

ЦЕЛИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Правда, чтобы извлечь выгоду из такого сотрудничества, необходимо быть способным *найти* эти области, для чего, в свою очередь, необходимо: а) иметь четкое и научно обоснованное (не интуитивное!) представление о сфере науки, инновации и технологий в Африке, и б) быть в состоянии выделить конкретные *ниши*, которые, представляя интерес для обеих сторон, позволят в полной мере реализовать конкурентные преимущества. Следующим шагом после этого должно стать определение этапов и методов освоения этих ниш и закрепление достигнутых результатов.

Цель данной статьи - дать развернутый, научно аргументированный и объективный ответ на первый вопрос. Ответ на второй вопрос в контексте национальных интересов Российской Федерации, - тема отдельной статьи, которую мы планируем опубликовать в одном из ближайших номеров. Принимая во внимание сказанное, при анализе состояния и перспектив развития сферы научных разработок и перспектив сотрудничества с Африкой в области науки и технологий, следует исходить из того, что, несмотря на наличие панафриканских и субрегиональных стратегий и программ развития НИОКР, континент - вовсе не единое и неделимое поле для возможного научно-технического взаимодействия, а пять с лишним десятков суверенных (или провозгласивших себя таковыми, но не признанных) государств. Уровни развития в них наук или степень продвинутости разработок очень различны: от сложных национальных научных комплексов Египта и ЮАР до одиночных секретных, но, тем не менее, хорошо оборудованных исследовательских и производственных лабораторий со специфической специализацией где-нибудь в глубинке Гвинеи-Бисау или непризнанного Сомалиленда.

В этом смысле оценка степени развития науки «в Африке в целом» допустима лишь в плане широкой абстракции и общей констатации ее отставания от столь же абстрактного «среднемирового уровня». Страновая конкретика может от них сильно отличаться.

Набор международных показателей, по которым оценивается развитие научно-исследовательской сферы (*R&D*), достаточно велик. Чаще всего это стоимостные показатели (затрат и, намного реже, отдачи от НИОКР) и «физические показатели» численности исследователей и их научной результативности (количество статей, патентов, инноваций и т.п.). Не все распространенные в мире индикаторы в силу объективных

условий одинаково применимы к странам Африки. Реальные и полезные с прикладной точки зрения выводы лучше основывать на анализе положения дел на национальном уровне.

ФИНАНСИРОВАНИЕ АФРИКАНСКОЙ НАУКИ

Статистика ЮНЕСКО, специализированной организации ООН в области образования и науки, использует в качестве показателя затрат на исследования и разработки (*R&D*) индикатор *GERD*¹, который приводится как в абсолютных стоимостных величинах, так и в виде удельного веса затрат на исследования и разработки в общем объеме ВВП - отдельно по текущему обменному курсу и по паритету покупательной способности (ППС). В 2019 г. суммарный *GERD* Африки был равен \$20,6 млрд, или всего 1,7% от общемировых расходов на науку. Правда, с начала века, когда его значение составляло всего 0,65%, доля континента выросла почти в 2,5 раза, и тенденция к росту сохраняется [2]. Тем не менее, понятно, что при нынешнем исходном уровне радикального изменения финансового вклада Африки в глобальные расходы на НИОКР, в сравнении с другими регионами мира, в среднесрочной перспективе не произойдет.

Величина расходов на НИОКР в Африке сильно варьируется от страны к стране, при этом на три из них - Египет, Нигерию и ЮАР - приходится 65,7% от всей суммы финансирования науки в Африке. Несмотря на то, что еще в 2007 г. Африканский Союз (АС) провозгласил целью доведение к 2010 г. ассигнований на НИОКР до 1% ВВП, в условиях низкого уровня внутренних накоплений, постоянных проблем с наполнением доходной части государственных бюджетов, сильной зависимости от внешних источников инвестиций и иностранной помощи на нужды финансирования науки удается выделять лишь доли процента от национальных ВВП.

С начала XXI в. были случаи, когда в отдельные годы некоторые страны вдруг достигали целевого показателя. Но чаще всего это происходило в силу законов математики, а не качественного изменения ситуации с финансированием науки - например, в год кризисного падения ВВП при временном инерционном сохранении годовых бюджетных ассигнований на науку. Уже вскоре показатель вновь опускался ниже 1%. Стоит, однако, отметить, что финансирование смежного с НИОКР сектора образования в Мали, Гане, Сенегале в последние несколько лет превышает 1% ВВП.

В 2019 г. средний показатель по 25 странам Африки, представившим ЮНЕСКО данные по валовым расходам собственно на науку, составил примерно 0,4% ВВП. В сгруппированном виде доступные страновые сведения представлены в *таблице*.

Таблица. **Валовые внутренние ассигнования на НИОКР (*GERD*) как доля национального ВВП некоторых стран Африки в 2019 г.***
Table. ***GERD* as percent of GDP in selected African countries**

Процентный интервал	<i>GERD</i> как % от ВВП отдельных стран
>0,6 %	ЮАР - 0,8%; Буркина Фасо, Египет, Руанда - 0,7%; Сенегал, Тунис - 0,6%
0,4 - 0,6 %	Алжир, Ботсвана, ДРК, Маврикий
0,2 - 0,4%	Мали, Мозамбик, Намибия, Чад, Того, Эсватини, Эфиопия
0,1 - 0,2%	Бурунди, Сейшелы, Уганда
< 0,1%	Ангола - 0,03%; Кот-д'Ивуар - 0,09; Лесото - 0,05; Мадагаскар и Мавритания - по 0,01%.

* Предварительные данные ЮНЕСКО на 2019 г. или на ближайший предшествующий по соответствующему показателю.

Составлено по: [1].

Хотя в странах Африки уже почти два десятилетия сохраняется тенденция к росту и ВВП на душу населения, и подушевого *GERD*, разброс абсолютных показателей по странам весьма велик. Государственные инвестиции в укрепление исследовательского потенциала требуют значительных капитальных ресурсов. Однако перспективы отдачи от произведенных вложений зачастую отдалены и очень туманны. Государство постоянно оказывается в роли «буриданова осла», выбирая между перспективой высокоэффективных в теории вложений в НИОКР и насущными государственными приоритетами, такими, как текущие платежи, средне- и долгосрочные инвестирования в инфраструктуру, здравоохранение, массовое просвещение и др.

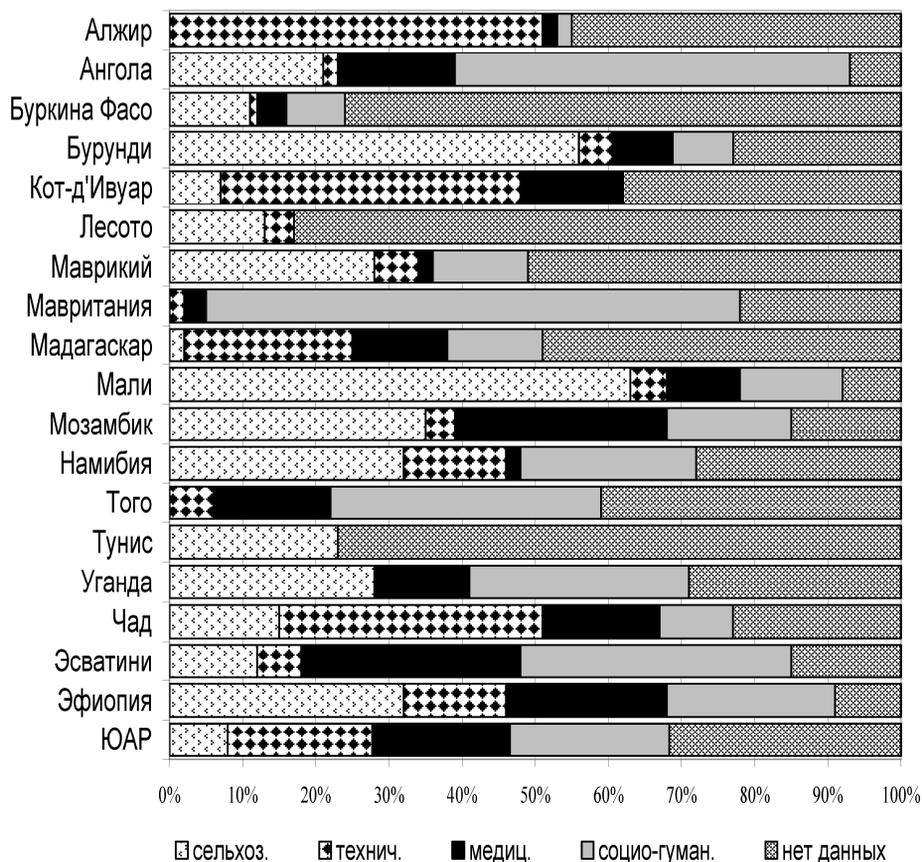
¹ Gross Domestic Expenditure on Research and Development (Внутренние затраты на исследования и разработки) - фактические затраты на выполнение НИОКР резидентами и нерезидентами в пределах национальной юрисдикции (включая финансируемые из-за рубежа, но без учета платежей, производимых за границей). Здесь и далее в статье, если не оговорено иначе, статистические данные взяты из базы данных ЮНЕСКО - *UISstat. Science, technology and innovation* [1].

КАНАЛЫ И СТРУКТУРА АССИГНОВАНИЙ

Анализ имеющихся данных показывает, что страны континента, с точки зрения главного источника финансирования НИОКР, четко распадаются на 3 группы, в которых наука финансируется, в основном, за счет: а) государственных ассигнований; б) иностранных средств; в) относительно разнообразного набора источников, в т.ч. не попадающих или не включаемых в первые две категории, таких, например, как национальный частный капитал, средства «свободных университетов» (формально они не считаются ни частными, ни государственными), средства благотворительных фондов и других некоммерческих организаций.

По данным ЮНЕСКО, в 2019 г. НИОКР на 100% финансировались государством в Мадагаскаре, Кабо-Верде, в Нигерии на 96%, Замбии и Того - на 95%, а в Египте и Мали - почти на 90%. Роль частных национальных источников финансирования науки, согласно доступной статистике, практически во всех странах континента незначительна, за исключением ЮАР, где на них приходится около 30% от общей суммы ассигнований на науку в год, Туниса и Габона - порядка 20% и Ботсваны - 17%.

В ряде стран выделяются как самостоятельный источник финансирования средства учреждений высшего образования, главным образом, университетов. Последние в соответствии со своим правовым статусом формируют собственный бюджет, который на самом деле включает и правительственные, и частные ассигнования, и деньги различных специализированных просветительских, благотворительных, религиозных и т.п. фондов, внутренние и зарубежные гранты, но, порой, и собственные доходы (от предоставляемых услуг, недвижимости, иных активов). На этот канал финансирования приходится около 45% ассигнований на науку в Лесото, почти 40% - в Марокко, по 20% - в Кении и Маврикий. Во многих странах значительная часть НИОКР финансируется за счет зарубежных источников. В Мозамбике их доля составляет почти 80%, в Уганде - 65%, в Буркина Фасо - 60%, в Кении - 50%, а в Сенегале, Бурунди и Танзании - около 40%.



Гистограмма. Структура среднегодовых ассигнований на НИОКР в разбивке по отраслям науки в 2015-2019 гг.
Histogram. Structure of R&D annual expenditure in selected African countries (2015-2019 average) by fields of science.

Составлено автором на основе статистики ЮНЕСКО [1].

В ряде государств, как и у нас в стране, созданы национальные фонды для финансирования исследований. Например, в Буркина Фасо существуют 3 специализированных фонда, которые формируются за счет бюджетных ассигнований и внебюджетных субсидий. В фонды направляется 0,2% от суммы налоговых по-

ступлений бюджета, 1% - от рентных платежей сектора горнодобычи и 1% доходов - от лицензирования мобильной связи. В Кении действуют Национальное агентство инноваций и Национальный фонд исследований. В Намибии при содействии ЮНЕСКО создан Национальный фонд исследований, науки и технологий, который финансируется совместно правительствами Намибии и ЮАР [3, р. 28].

Для получения достоверной картины организации НИОКР в Африке крайне важно видеть структуру отраслевого финансирования науки.

Общее представление о распределении среднегодового финансирования в 2015-2019 гг. между сельскохозяйственными, техническими, медико-биологическими и социо-гуманитарными науками в 19 странах континента, по которым имеется подобная статистика, дает составленная нами *гистограмма*. Впрочем, и по этим странам воссозданная картина структуры приблизительно, поскольку в общей сумме ассигнований на НИОКР в каждой стране по значительной части расходов на науку (от 10% в Эфиопии до 80% в Лесото) нет точных данных о конечных направлениях их распределения. Отсутствие детализации может быть как следствием нежелания правительств раскрывать определенные направления и объекты НИОКР в стране, так и сложности с получением точных первичных данных от инвесторов.

Гистограмма демонстрирует высокую степень зависимости структуры ассигнований от специализации национальных экономик и стратегических установок правительств в отношении задач и перспектив развития. В большинстве аграрных стран (Мали, Бурунди, Мозамбик, Эфиопия и др, но не в Чаде и Того) зримо высока доля расходов на научные исследования в области сельского хозяйства. В Алжире, Кот-д'Ивуаре, Чаде доля ассигнований на технические дисциплины выше, а на социо-гуманитарные науки, наоборот, ниже, чем у остальных. При этом в Кот-д'Ивуаре начало превышения ассигнований на технически-инженерные науки почти совпадает со временем, когда вклад промышленных отраслей в формирование национального ВВП превысил вклад сельского хозяйства (примерно 5 лет назад). На социо-гуманитарные науки, в среднем по континенту, приходится около четверти всего финансирования науки, но в некоторых странах на них ассигнуется намного больше (в Мавритании - 70%, в Анголе - 50%, Того и Эсватини - 40% всех расходов).

С точки зрения выделяемого финансирования, диверсифицированности и качественной структуры научных исследований, страновыми лидерами в Африке на сегодняшний день являются Египет, ЮАР, Маврикий, Кения, Нигерия.

НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В настоящее время в целом по Африке общая численность занятых в НИОКР составляет порядка 240 тыс. человек. Из них менее 90 тыс. работают в Субсахарской части континента. На 1 млн жителей континента приходится 198 исследователей - почти в 8 раз меньше, чем в среднем по планете (1108 чел.), в 22 раза меньше, чем в США (ок. 4500 чел.). Хотя в Африке проживает почти 17% мирового населения, континент производит чуть более 1% всех видов научной продукции планеты. Примерно такая доля устойчиво сохраняется с начала века, несмотря на то, что сам объем как по стоимости, так и по «единицам отчетности» этой продукции за указанное время вырос.

Это происходит потому, что прирост научной продукции в мире как по реальному выходу изобретений, патентов, технологий, так и по виртуальным библиометрическим показателям, происходит более быстрыми темпами. С 2000 по 2019 гг. число статей африканских ученых в ведущих научных журналах выросло в 5 раз - с примерно 12 тыс. до почти 60 тыс., но за это время удельный вес Африки в мире по данному параметру увеличился только вдвое - с 0,12 до 0,24% от мирового итога [4].

Главной причиной такого отставания в темпах и сами африканцы, и зарубежные аналитики обычно называют недостаточное финансирование науки. Это большая проблема, но не единственная. Помимо этой объективной причины, не менее негативно воздействует ряд субъективных факторов, сильно тормозящих развитие мировой науки в целом, но в особенности - африканской. По мнению руководства Африканской академии наук (панафриканская организация со штаб-квартирой в Найроби), едва ли не самым большим субъективным препятствием в аспекте публикационной результативности для африканских ученых является т.н. называемая «тирания импакт-фактора» [5].

Ее механизм ныне подробно исследован авторитетными учеными. Доказан вред для мировой науки [6; 7]. В силу навязанной всему миру «иерархии оценок», при которой ценность научного труда фактически определяется не его содержанием, а рейтингом издания, в котором он публикуется, авторы чувствуют себя вынужденными направлять свои результаты в наиболее «престижные», как правило, западные журналы. В последних из-за этого происходит переполнение портфеля, что приводит к массе негативных для науки последствий: задержкам в доведении до научной общественности результатов исследований, отсеиванию из-за ультра-конкуренции большого числа достойных работ и массе других, еще более отрицательных последствий, таких, как публикация отвергнутых (причем не всегда в силу их научной несостоятельности)

работ в т.н. «хищнических журналах»², само появление которых - во многом результат «тирании импакт-фактора».

В настоящее время ведущие специалисты в области инфо- и библиометрии с помощью математических моделей доказали, что склонность к публикации в «хищнических журналах» и качество оценки исследований в стране связаны между собой [9; 10]. Ученые утверждают, что «чем больше система оценки исследований опирается на устаревшие процедуры, такие, как подсчет статей, индексируемых в *Scopus*, *Web of Science* или *Medline*, тем выше стимул для исследователей публиковаться в мошеннических журналах только для того, чтобы получить баллы за эти результаты независимо от их реальных научных заслуг» [11].

Отметим, что указанные замечания касаются именно критериев оценки результативности труда ученых, а не вопроса полезности или значимости библио- и наукометрической деятельности как таковой или вышеназванных западных систем.

Африканские исследователи сталкиваются с дополнительным бременем. Научные издания континента, которых и без того не так много, существенно реже попадают в число индексируемых в упомянутых базах. Нередко, несмотря на провозглашаемые издателями принципы, к поступающей из Африки научной продукции априори относятся как к вторичной, а порой и просто манипулируют механизмом «тирании импакт-фактора» в политических целях, отодвигая ученых из одних стран, например, находящихся под санкциями, и более благосклонно относясь к ученым из стран с «надлежащим управлением» (*good governance*).

В последние годы обращает на себя внимание тенденция к росту публикаций африканских авторов в «качественных журналах»³ в соавторстве с западными учеными. При этом ожидаемо тяготение африканцев из бывших британских владений на континенте к соавторству с учеными из Великобритании, США, Австралии и Канады, а из франкофонной Африки - к соавторству с французами и в меньшей степени - с бельгийцами и канадцами. Особняком в этой связи оказывается Египет, ученые которого очень часто выступают с совместными публикациями с авторами не только из перечисленных западных стран, но и Саудовской Аравии, ОАЭ, КНР. Относительно невелико в Африке соавторство с учеными из других стран континента. С этой точки зрения, лишь исследователи ЮАР выглядят более расположенными к подобным авторским коллаборациям.

Одной из особенностей показателей результативности африканской науки является их высокая зависимость от перипетий политических процессов внутри страны и степени политической стабильности. Смена правительств, перевороты, вооруженные и социальные конфликты почти моментально сказываются на финансировании и самой возможности НИОКР, а как следствие - и на стоимостных и количественных результатах научных исследованиях - прикладных и публикационных.

Удельный вес африканских авторов в общем количестве мировых научных публикаций в разбивке по отраслям науки исчисляется лишь несколькими единицами процента. Наибольшие высокие показатели в следующих областях: сельскохозяйственные науки (5,12%), иммунология (4,58%), растениеводство и животноводство (4,34%), окружающая среда и экология (4,21%), микробиология (3,58%), науки о Земле (2,96%), социальные науки (2,70%), фармакология и токсикология (2,62%). Значительная часть из этих статей подготовлена группами ученых с участием зарубежных соавторов, чаще из западных стран и Китая, существенно реже из африканских стран.

СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ

Тем не менее, африканские страны уже несколько десятилетий пытаются строить panafricanскую систему инфраструктурного и институционального обеспечения коллективных усилий в области науки и технологий. Правда, ее эффективность и практическая отдача еще довольно далеки от желаемого. Созданы Африканская обсерватория науки, технологий и инноваций (*AOSTI*) со штаб-квартирой в Малабо (Экваториальная Гвинея) и Комиссия по научно-техническим исследованиям (*STRC*), базирующаяся в Абудже (Нигерия).

В 2014 г. синхронно с «Повесткой 2063» Африканский Союз принял 3 взаимосвязанных стратегии развития образования и науки: (1) «Континентальную стратегию образования» (*CESA-16-25*); (2) «Континентальную стратегию технического и профессионального образования и обучения»; и (3) «Стратегию науки,

² «Хищническими» (*predatory journals*) именуют научные журналы, индексируемые «престижными» системами вроде *Web of Science*, *Scopus* или *Medline*, взимающие в явном или скрытом виде с авторов плату за публикацию. Авторы из стран, где индексация их работ в указанных системах напрямую связана с уровнем оплаты их труда или карьерным ростом, в соответствии с законами рынка мотивированы, тем самым, платить за публикацию своих работ [8; 9; 10].

³ *Quality journals* - еще одна категория изданий, активно внедряемая институтами глобального управления наукой [12], постепенно становящаяся для публикаций полуформальным дифференцирующим критерием, с точки зрения признания их ценности и значения для карьерного продвижения научных работников (*прим. авт.*).

технологий и инноваций для Африки» (*STISA-2024*). Эти стратегии позиционируются как огромный вклад в достижение глобальных целей в области устойчивого развития (ЦУР) и создание долгосрочных экономических выгод для континента и за его пределами.

STISA-2024 - стратегия поэтапного наращивания научного потенциала с целью «ускорить переход африканских стран к экономике, основанной на инновациях и знаниях». В рамках стратегии выделены 6 социально-экономических приоритетов: (i) искоренение голода и обеспечение продовольственной безопасности; (ii) профилактика заболеваний и борьба с ними; (iii) «защита африканского пространства»; (iv) «коммуникативность» (физическая и интеллектуальная мобильность); (v) «содействие совместному сосуществованию и общественному строительству»; и (vi) создание богатства.

До окончания контрольных сроков реализации стратегии остается немногим более двух лет, но результаты ее выполнения пока сводятся к проведению многочисленных специализированных форумов и круглых столов. Так, в феврале 2021 г. в Браззавиле состоялся уже 3-й ежегодный Африканский региональный форум по науке, технологиям и инновациям. Практические результаты тоже имеются, но их на порядок меньше. По мере приближения 2024 г. публикации АС становятся все более скупыми на конкретные цифры реализации планов, но все более богатыми на цветные иллюстрации, декларации и прогнозные оценки, относящиеся к 2050 и 2063 гг.

Анализ различных общеафриканских и значительной части национальных стратегий, относящихся к сфере науки и технологий, свидетельствует о том, что все они ориентируются на самые современные тренды науки и прорывные технологии - цифровизацию, биотех, использование нетрадиционных источников энергии, но одновременно на задействование потенциала традиционного знания африканцев о природе и человеке.

Насколько все это соответствует сегодняшним потребностям африканских экономик и обществ с практической точки зрения? На что лучше ориентироваться - на требующее огромных затрат точечное применение прорывных «технологий будущего» или на адаптацию к местным условиям и широкое распространение не самых новых, но зарекомендовавших себя менее затратных технологий «вчерашнего дня»?

Вопреки упоминавшимся выше стереотипам, Африка отнюдь не стоит в стороне от развития и внедрения передовых технологий XXI века, в т.ч. тех, которые наша отечественная стратегия научно-технического развития относит к числу «приоритетных». Огромный прогресс отмечен на пути внедрения в африканских странах инноваций. Из стран континента в глобальном индексе инноваций 2020 г. лидерами являются Маврикий (52-е место из 131 ранжированной страны мира), ЮАР (60-е), Тунис (65-е), Марокко (75-е), Кения (86-е место) [13].

Примеров реального продвижения по пути освоения новейших научных направлений и внедрения прорывных инноваций на континенте немало. Более подробно они будут рассмотрены в следующем номере журнала. Сейчас отметим, что действительно впечатляющих успехов в области освоения нетрадиционных и новых возобновляемых источников энергии добилось Марокко, где в 2014 г. была введена в эксплуатацию крупнейшая в Африке ветряная электростанция и заканчивается техническая разработка самой большой на континенте «солнечной фермы». Кения - один из лидеров в области адаптации к африканским условиям и использования ИКТ и организационного моделирования; передовые разработки в области биобезопасности, исследования генома человека, вирусологии ведутся в отдельных лабораториях в ДРК, Гвинее, Кот-д'Ивуаре. Правда, во многих случаях авангардные и прорывные исследования идут под руководством и при финансировании зарубежных партнеров.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОЛЛАБОРАЦИИ

Ключевые партнеры африканцев по НИОКР - США, КНР, страны ЕС (прежде всего Франция), Индия, Бразилия, Япония. Сотрудничество идет как по государственной линии, так и с использованием частных структур и капитала. Кроме того, помощь в развитии науки, образования и технологического развития поступает на многосторонней основе по линии многочисленных международных организаций и специализированных подразделений ООН.

Конкретные формы международного взаимодействия в сфере НИОКР в последнее десятилетие усложнились и стали более специализированными. Традиционные (финансирование исследований, помощь в подготовке кадров высшей квалификации, научные обмены, снабжение научно-исследовательской литературой и оборудованием и т.д.) по-прежнему доминируют, однако новые становятся главными в прорывных областях, определяющих приоритетные направления и глобальные тренды развития НИОКР.

В самых различных отраслях науки, но чаще в передовых, возникают глубоко интегрированные научные коллаборации. Хотя практически во всех из них африканскому партнеру принадлежит роль ведомого, а местные лаборатории де факто превращаются в зарубежные филиалы западных научных центров, они теперь редко заняты вторичными исследованиями, повторяющими уже далеко не новые западные

разработки, или рассчитывающими значение еще одного знака после запятой по открытой за границей формуле.

По ряду научных направлений, таких, как биология, эпидемиология, экспериментальная фармакология, инсектология, исследования климата и др. многие наработки таких коллабораций действительно находятся на переднем крае науки. Проблема в том, что эти научные центры носят анклавный характер и не дают непосредственной отдачи для экономики или социальной сферы принимающей стороны. По условиям сотрудничества, сливки научных достижений утекают к западным партнерам. Даже в тех случаях, когда прорывные исследования ведутся в областях, представляющих непосредственный интерес для африканцев (эндогенные заболевания, природные явления, биоугрозы и т.п), получаемые результаты практически всегда становятся интеллектуальной собственностью партнера с Запада, сохраняющего за собой права на их коммерческое использование. Все это приводит к неутешительному выводу, что колониальность в международных исследованиях и использовании их результатов сегодня очевидна, как никогда прежде. И это касается не только Африки.

Острой остается проблема «утечки умов», последствия которой для африканских стран и разорительны, и разрушительны. Однако в условиях пост-неоколониального переосмысления действительности Запад переименовал явление и провозгласил «*трансграничную мобильность научных кадров*» величайшим благом и неотъемлемой свободой ученого. Эксплуатация африканского человеческого капитала представляется едва ли не благотворительностью. Коэффициент внешней мобильности (соотношение уехавших за границу и остающихся членов научного и образовательного сообщества) отныне - важнейший показатель уровня открытости и развития науки и высшего образования в стране. Гана, Кения, Руанда, Бенин, Кот-д'Ивуар здесь в числе лидеров, хотя по абсолютным показателям на первых местах Нигерия и Эфиопия, далее с отрывом - Танзания.

ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И САНКЦИИ

Из сложившихся парадигм глобального управления наукой [12] и навязываемых «правил игры» вырваться довольно сложно. За подобные попытки неизбежно следует суровое наказание в виде отлучения от помощи или формально анонсируемых, но чаще латентных санкций.

Обострившаяся в последнее десятилетие увлеченность Запада санкционными мерами как инструментом обеспечения геополитических интересов и торгово-экономических преимуществ в существенной степени отразилась на научно-техническом развитии стран Африки - как тех, что оказывались когда-либо напрямую подвержены подобным регулятивным рестрикциям, так и тех, против которых санкции непосредственно не вводились. Против Бурунди, Гвинеи, Гвинеи-Бисау, ДРК, Зимбабве, Мали, Сомали, Судана, Уганды, ЦАР, Чада, Юж. Судана вводились экономические и индивидуальные санкции США и ЕС. Помимо того, в 2017 г. администрация Трампа ввела визовые запреты на въезд граждан Ливии, Сомали и Чада, а в 2020 г. - Нигерии, Эритреи, Танзании и Судана.

Введение санкций и различного рода эмбарго крайне негативно сказывается на секторе НИОКР через ограничение торговли и отношений с конкретными лицами, организациями и государствами. Экспортный контроль препятствует приобретению оборудования, определенных товаров, технологий и услуг, которые могут иметь гражданское и военное использование. К тому же, с развитием нового технологического уклада некоторые ранее исключительно «гражданские» продукты, техника и программное обеспечение стали пригодными для двойного применения и попали под санкции и режимы экспортного контроля. При этом прозрачность границ, формирование международных цепочек добавленной стоимости и другие издержки глобализации невольно подводят под санкционные режимы компании и лиц из третьих, не обязательно таргетируемых санкциями стран.

В условиях роста цифровизации и взрывного распространения мобильных технологий в Африке ярким подтверждением негативного влияния санкционных режимов на НИОКР являются возникающие сложности с приобретением африканскими странами необходимого программного обеспечения для шифрования, используемого в гражданских продуктах и услугах для защиты данных, передаваемых по беспроводным каналам между электронными устройствами и сетями. Соседство с пребывающими под санкциями Танзанией, Угандой, Сомали создает серьезные проблемы для технологических компаний Кении. Проблемы усугубляются тем, что при нынешней легкости передачи технологий и программных услуг в глобальном масштабе не трудно оказаться потенциальным нарушителем западных запретов со всеми вытекающими последствиями. В связи с постоянно растущим в Африке использованием облачных сервисов эта проблема становится все более актуальной.

С другой стороны, потенциальные партнеры африканских технологических фирм на Западе из-за боязни нарушить санкции и подвергнуться из-за этого штрафам и другим репрессалиям с осторожностью относятся к сотрудничеству в области НИОКР с не вполне прозрачными для них африканскими контрагентами.

ми. Использование санкционного оружия в мире имеет тенденцию к нарастанию. В ближайшее десятилетие оно может превратиться в одно из серьезнейших препятствий на пути международного сотрудничества и обмена в глобальном масштабе.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

1. Несмотря на реальные проблемы и ограничители страны Африканского континента не пребывают в стороне от общемирового вектора развития в сторону все большего практического использования достижений науки, технологий и инноваций в интересах национального развития. В силу существующих условий реализация этого общемирового тренда имеет свою специфику. Возрастание значения разработок и исследований как фактора производства происходит не в равной мере во всех странах континента, а носит сильно локализованный характер как с географической точки зрения (страна, территориальный кластер), так и с точки зрения отраслей науки, знания и разработок.

2. Как количественно, так и качественно наибольшая исследовательская и внедренческая активность наблюдается либо в отраслях, обозначенных в стратегиях развития и правительственных планах как национальные приоритеты (в сельском хозяйстве, здравоохранении, разработке природных ресурсов и т.д.), либо в тех, которые по каким-то причинам важны для более технологически продвинутых иностранных спонсоров и «соинвесторов» в подобные проекты (биотехнологии, геновая инженерия, ИКТ и др.). Это вторая группа от них получает значительное финансирование и самое передовое оснащение, несмотря на то, что с точки зрения актуальных потребностей принимающей африканской страны такие исследования практически не нужны в силу их узкой направленности или неприменимости в местных условиях.

3. В последнее десятилетие интенсифицировались усилия по поиску оптимальных общеафриканских подходов и решений для мобилизации panaфриканского потенциала стимулирования развития науки, технологий и инноваций в странах континента. В определенной степени эти коллективные усилия призваны стать противовесом феномену колониальности в науке. Проведенный выше анализ показывает, что пока что эти коллективные общеафриканские усилия недостаточно эффективны. По большей мере они принимают форму выработки и декларирования разнообразных общих и специализированных (отраслевых и секторальных) стратегий стимулирования африканской науки. Предпринятые шаги привели к увеличению в разы ассигнований на национальную науку и росту численности научно-технического персонала. Однако это не транслировалось в качественное изменение положения Африки в мировой науке.

4. В то же время, важно не игнорировать появившиеся в последние два десятилетия на континенте впечатляющие очаговые примеры успешного внедрения по большей части иностранных технологий исследования и импортного оборудования. Хотя, в отличие от описанной выше продукции международных коллабораций, они могут реализовываться африканскими учеными в местных лабораториях и в рамках проектов, финансируемых национальными правительствами, в большинстве случаев результаты их работы также плохо интегрируются в общую ткань национальных экономик. Зачастую они реализуются ради себя самих или для демонстрационного эффекта. Часть из действующих эффективных инноваций и научных исследований однозначно выполняются исключительно в интересах внешних заказчиков, при этом, в силу особенностей африканских реалий, даже чисто финансовый эффект от их реализации в Африке до национальных бюджетов не доходит.

5. Пандемия *COVID-19* еще более утвердила африканские страны в важности наличия собственных работ и исследовательских возможностей или, по крайней мере, географической диверсификации системы существующих научных коллабораций. Это касается не только сферы медицины, но и других насущно значимых для развития континента отраслей науки. В этих условиях перед Россией открываются перспективы многократного расширения своего сотрудничества со странами Африки, причем взаимодействие в области науки, технологий и инноваций представляется особенно выгодным и привлекательным для обеих сторон. Конкретные возможности на этом направлении будут освещены в следующем номере журнала.

REFERENCES

1. UNESCO 2021. UISstat. http://data.uis.unesco.org/Index.aspx?DataSetCode=SCN_DS&lang=en (accessed 07.01.2021)
2. 2021 Global R&D Funding Forecast. <https://forecast.rdworltonline.com/product/2021-global-rd-funding-forecast/> (accessed 07.01.2021)
3. UNESCO Science Report: towards 2030. Paris: UNESCO. 2015.
4. World Development Indicators. Science & technology. <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=IP.JRN.ARTC.SC&country=SSF,DZA,EGY,LBY,TUN,MAR> (accessed 25.01.2021)
5. Marincola E., Kariuki T. Quality research in Africa and why it is important. <https://pubs.acs.org/action/showCitFormats?doi=10.1021/acsomega.0c04327&ref=pdf> (accessed 01.02.2021)

6. Colquhoun D. (2003). Challenging the tyranny of impact factors. *Nature*, 423, 479. <https://doi.org/10.1038/423479a> (accessed 05.02.2021)
7. Kiesslich T., Beyreis M., Zimmermann G. et al. Citation inequality and the Journal Impact Factor: median, mean, (does it) matter? *Scientometrics*. 126, 1249-1269 (2021). <https://doi.org/10.1007/s11192-020-03812-y> (accessed 05.02.2021)
8. Bagues Manuel F., Sylos-Labini Mauro, Zinovyeva Natalia. (2017). A walk on the wild side: 'Predatory' journals and information asymmetries in scientific evaluations. *IZA Discussion Papers*, № 11041, Institute of Labor Economics (IZA), Bonn. <http://hdl.handle.net/10419/171025> (accessed 05.02.2021)
9. Kurt S. (2018). Why do authors publish in predatory journals? *Learned Publishing*, 31(2), 141-147.
10. Demir S. (2018). Predatory journals: Who publishes in them and why? *Journal of Informetrics*, 2018. Vol. 12, № 4. Pp. 1296-1311. <https://doi.org/10.1016/j.joi.2018.10.008> (accessed 08.02.2021)
11. Macháček V., Srholec M. (2021). Predatory publishing in Scopus: evidence on cross-country differences. *Scientometrics*. 126,1897–1921 (2021). <https://doi.org/10.1007/s11192-020-03852-4> (accessed 08.02.2021)
12. Фитуни Л.Л. Глобальное управление и развитие науки в странах Африки. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2015. № 3 (34). С. 38-43.
- Fituni L. (2015). Global governance and development of science in the countries of Africa. *Journal of the Institute for African Studies*. Moscow. № 3. Pp. 38-43. (In Russ.)
13. WIPO. The Global Innovation Index 2020. Geneva. https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2020.pdf (accessed 05.02.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Фитуни Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Африки РАН, Москва, Россия; член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня», Москва, Россия.

Leonid L. Fituni, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Dr.Sc. (Economics), Professor; Deputy-Director, Institute for African Studies RAS, Moscow, Russia; member, Editorial Board, "Aziya i Afrika segodnya" journal, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
10.02.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 01.03.2021

Принята к публикации (Accepted)
15.03.2021

Пакистан и вызовы афганскому урегулированию (2020-2021 гг.)

© Замараева Н.А.^a, Раванди-Фадаи Л.М.^{a,b}, 2021

^a Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

^a olunja@mail.ru

^b Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

^b bravandifadai@yahoo.com

Резюме. Подписанное в феврале 2020 г. Соглашение между США и Талибан ставило основные цели: вывод войск США/НАТО из Афганистана к 1 мая 2021 г. и предоставление Талибаном гарантий не использовать территорию страны против интересов США и их союзников.

Прямые переговоры и, как результат, подписание Соглашения между афганским правительством и Талибан президент Д.Трампа рассматривал как сигнал для политически приемлемого выхода из самого длительного вооруженного конфликта США.

Признание Соединенными Штатами легитимности талибов затруднило переговоры контактных групп президента А.Гани и Талибан в 2020-2021 гг. Статья анализирует посредническую роль Пакистана во внутриафганском урегулировании в вопросах установления доверия между враждующими сторонами, прекращения насилия и достижения мира на местах. Несмотря на приверженность мирному процессу талибов и афганского правительства, переговоры натолкнулись на противоречия в вопросах применения суннитского права, ограничение прав на свободу слова и прав афганских женщин. Переговорному процессу препятствовала фрагментарность Движения Талибан.

Одной из причин несостоятельности договоренностей о разделе власти в соседней стране Исламабад видит в игнорировании участия широких слоев афганского населения. Пакистан расширил круг сотрудничества с различными политическими и этническими группами афганского общества для укрепления пакистано-афганских отношений.

Стремление президента Д.Трампа заключить договор о мире по итогам прямых переговоров между правительством Афганистана и Талибан осталось безрезультативным.

Придерживаясь невоенного урегулирования в Афганистане, Исламабад настороженно встретил в январе 2021 г. планы президента США Джо Байдена о пересмотре Соглашения 2020 г.

Ключевые слова: Афганистан, Пакистан, США, Талибан, переговоры

Для цитирования: Замараева Н.А., Раванди-Фадаи Л.М. Пакистан и вызовы афганскому урегулированию (2020-2021 гг.). *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 4. С. 25-32. DOI: 10.31857/S032150750014643-9

Pakistan and challenges to an Afghan settlement (2020-2021)

© Natalia A. Zamarayeva^a, Lana M. Ravandi-Fadai L.M.^{a,b}, 2021

^a Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

^a olunja@mail.ru

^b Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

^b bravandifadai@yahoo.com

Abstract. Agreement for Bringing Peace to Afghanistan signed between the United States and the Taliban in February 2020 set the main goals: the withdrawal of US troops/NATO from Afghanistan by 1 May, 2021 and guarantees that Taliban will prevent the use of the soil of Afghanistan against the security of the United States and its allies.

The recognition by the United States of the legitimacy of the Taliban made it difficult intra-Afghan negotiations in 2020-2021.

The article analyzes the mediation role of Pakistan in the intra-Afghan settlement. The main issues - Taliban fragmentation, lack of trust and respect between Taliban and the Afghan government, ending violence and achieving peace on the ground.

Islamabad sees one of the reasons for the failure of the power-sharing agreement in the neighboring country in ignoring the critical issue of afghan public participation. Pakistan has expanded its cooperation with political and ethnic leaders to strengthen Pakistan-Afghanistan relations.

Emphasizing the non-military settlement in Afghanistan, Islamabad met as a challenge the plans of US President Joe Biden in January 2021 to revise the US-Taliban Agreement 2020 to stay in Afghanistan longer and find a updated politically palatable for the new US administration exit from the U.S.' longest armed conflict.

By joining the team of international mediators, Pakistan is calling for peace and abandoning the competitive politics of conflict.

Keywords: Afghanistan, Pakistan, USA, Taliban, negotiation, agreement

For citation: Zamarayeva N.A., Ravandi-Fadai L.M. Pakistan and challenges to an Afghan settlement (2020-2021). *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 4. Pp. 25-32. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014643-9

ВВЕДЕНИЕ

Пакистан сыграл одну из ключевых ролей во внутриафганском урегулировании, убедив лидеров Движения Талибан (ДТ) подписать с США в феврале 2020 г. в Дохе, столице Катара, «Соглашение о мире в Афганистане между Исламским эмиратом Афганистан» (ИЭА)¹. СМИ называют документ «Соглашением США-Талибан 2020 г.». В течение года ДТ не совершало нападений на военные конвои США/НАТО. Однако всплеска насилия во внутренних районах страны не удалось избежать.

США взяли обязательства вывести союзнические войска из Афганистана к маю 2021 г., анонсировав это как «блестящий вариант» окончания американской «вечной войны» [1]. Но основной итог соглашения заключался в том, что США не только легализовали ДТ, но и поддержали включение талибов в будущую политическую структуру страны. Иными словами, Вашингтон бросил Афганистан в «горнило» тех же талибов, которых в 2001 г. выдворил из Кабула.

СОГЛАШЕНИЕ США-ДТ 2020 г.

Правительство Афганистана не было стороной этого соглашения, т.к. ДТ не признает легитимность властей Кабула. Президент Ашраф Гани выразил недовольство документом, который, в противоречие с его позицией, обязал освободить 5000 заключенных талибов в качестве одного из условий прямых переговоров [2].

Действительно, как записано в Дохинском соглашении, следующий шаг на пути к установлению мира в Афганистане - проведение прямых внутриафганских переговоров, т.е. диалог ДТ и правительства в Кабуле. И как заключительный аккорд - подписание соглашения о разделе власти между ДТ и действующим правительством Афганистана.

В 2020 г. талибы не ставили вопрос о прямом диалоге ДТ - правительство в Кабуле, Контактные группы встретились в Дохе только в сентябре 2020 г. Скромным итогом их встреч стало подписание в декабре 2020 г. Правил процедуры проведения внутриафганских переговоров как основы для следующего этапа - этапа установления мира в Афганистане.

США в 2018 г. ввиду бесперспективности и постоянно возрастающей стоимости военной кампании пересмотрели свою позицию отказа от прямых переговоров с талибами. В 2019 г. Вашингтон при посредничестве Пакистана вступил в открытый диалог с лидерами ДТ, членами правящей администрации ИЭА (1996-2001 гг.). Свою заинтересованность или прямую вовлеченность в процесс урегулирования Исламабад объясняет усталостью от 20-летней войны в соседней стране, необходимостью гуманитарного обустройства более 3 млн афганских беженцев, проживающих в Пакистане, невозможностью развивать региональные инфраструктурные проекты и т.д.

Исламабад тогда же, в феврале 2020 г., приветствовал Совместное заявление Исламской Республики Афганистан и США об установлении мира в Афганистане [3]. В то же время двусторонние пакистано-афганские отношения продолжал осложнять груз нерешенных проблем: отсутствие официально признанной Кабулом границы между странами, афганские беженцы, наркотрафик, блокировка торговых и логистических путей из-за частого закрытия погранпереходов и т.д. В новых геополитических условиях построение тесного сотрудничества с Афганистаном стало одним из главных приоритетов внешней политики Пакистана и жизненно важным компонентом видения Исламабадом мирного соседства на севере.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОЛИТИКИ ПАКИСТАНА В ОТНОШЕНИИ АФГАНИСТАНА

Эти принципы таковы: углубление торговых и транзитных связей; осуществление совместных проектов в области связи и энергетики; совместная работа по установлению мира в Афганистане; отказ от использования своих территорий друг против друга. Одновременно Исламабад продвигал тезис об историческом праве афганцев решить свое будущее без вмешательства извне [4]. Работа продолжилась и после подписания соглашения в феврале 2020 г. Официальной диалоговой площадкой оставалась Доха.

Вашингтон и Кабул в 2020 г. обращались к Пакистану с просьбой оказать влияние на талибов с тем, чтобы они отказались от насилия, пламя которого с новой силой вспыхнуло уже весной 2020 г. Выждав предписанный Соглашением 7-дневный срок, талибы возобновили теракты, вновь заявив, что переговоры начнутся, как только заключенные - члены ДТ будут выпущены на свободу.

Попеременно приглашая представителей политических партий, этнических меньшинств Афганистана и ДТ, Исламабад вносил свой вклад в развитие внутриафганского диалога, который стал развиваться по двум направлениям: организация прямого диалога между ДТ и правительством президента А.Гани и

¹ ИЭА (известен как Талибан) не признан в Вашингтоне как государство (*прим. авт.*).

прямого диалога между ДТ и разными политическими партиями, этническими группами афганского общества.

Усилия Исламабада по достижению мира в соседней стране отвечали национальным интересам Пакистана, в первую очередь, обеспечением безопасности районов, через которые проходят маршруты проекта Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК, в рамках китайской инициативы «Пояса и Пути»²). Исламабад также выражал надежду, что тесное сотрудничество с афганской стороной способствует приходу к руководству в Кабуле доверенных лиц, которые, в свою очередь, подпишут договор о признании Линии Дюранда³ официальной границей между двумя государствами.

ПАКИСТАНСКАЯ ФОРМУЛА УРЕГУЛИРОВАНИЯ ВНУТРИАФГАНСКОГО КРИЗИСА

Пакистан выбрал тактику «многовекторного» диалога, т.е. взаимодействие с представителями всего спектра политического и этнического ландшафта Афганистана. Одновременно на постоянной основе поддерживается контакт с администрацией президента А.Гани.

В конце августа 2020 г., в преддверии долго ожидаемой первой встречи контактных групп, в столицу Пакистана вновь прибыла делегация ИЭА во главе с заместителем политического лидера Талибана муллою Абдуллоем Гани Барадаром, руководителем штаб-квартиры Талибан в Дохе. В те дни противостояние администрации Кабула и ДТ усилилось, т.к. обе стороны продолжали удерживать пленных.

Процесс обмена военнопленными длился несколько месяцев. И только после освобождения последних 500 боевиков 12 сентября 2020 г. в Дохе встретились две контактные группы - ДТ и правительства президента А.Гани. Этот период характеризуется как подготовительный этап к прямым внутриафганским переговорам.

Первые вызовы, возникшие в работе контактных групп, вновь убедили стороны обратиться за консультациями к Пакистану. Несколько требований ДТ оставались неприемлемыми для властей Кабула: применение ханафитского суннитского права, что вызывало оправданное беспокойство мусульман-шиитов и других религиозных меньшинств; ограничение права на свободу слова и прав афганских женщин.

В начале октября 2020 г., спустя долгих 12 лет, Исламабад принимал Абдуллу Абдуллу, председателя Высшего совета по национальному примирению (ВСНП) Афганистана. А.Абдулла подчеркивал, что урегулирование спорных вопросов заключается не в навязывании взглядов друг другу, а в поиске путей мирного сосуществования в обществе, отстаивании позиций ненасильственными средствами, проявлении гибкости при переговорах.

А.Абдулла - главный оппонент президента А.Гани, после неудачной попытки оспорить президентские выборы 2019 г., сосредоточил внимание на внутриафганском урегулировании. Власти Пакистана приветствовали его обязательство не допустить использования афганской земли против какого-либо государства. А.Абдулла предостерегал от стремительного вывода американских военного контингента, подчеркивая важность сохранения динамики процесса вывода иностранных вооруженных сил [5].

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г.ХЕКМАТЬЯРА И ЕГО СТОРОННИКОВ

Лидер одной из ведущих политических партий Афганистана - «Хизб-е ислами» Гульбеддин Хекматьяр немногим позже, в октябре 2020 г., также посетил Пакистан с официальным визитом. Заявленная цель визита - обмен мнениями по внутриафганским переговорам, императивом которых является, по его мнению, незамедлительный вывод войск США из Афганистана и формирование независимой суверенной власти. Другие вопросы национальной политики, такие, как конституция и тип правления, должны быть отложены до восстановления мира.

Г.Хекматьяр - одна из самых противоречивых фигур в современной истории Афганистана. В 1980-х гг. он - полевой командир одного из отрядов афганских моджахедов, в начале 1990-х гг. сражался за контроль над Кабулом. Дважды занимал пост премьер-министра Афганистана.

Его отряд, как и другие группировки моджахедов, бежал из страны, когда талибы пришли к власти в октябре 1996 г. Г.Хекматьяр нашел убежище в соседнем Иране. Там он активно продвигал своё видение урегулирования кризиса в Афганистане, говоря о деструктивной роли внешних игроков, вмешавшихся во внутренние дела страны. В своей риторике Г.Хекматьяр прибегал к тому дискурсу, который был близок иранским политическим кругам в те годы.

² В 2017 г. «Экономический пояс Шелкового пути» Китая переименован в Инициативу Пояс и Путь (Belt and Road Initiative). КПЭК - пакистанская часть проекта (*прим. авт.*).

³ Линия Дюранда названа по имени члена английской колониальной администрации в Британской Индии, подписавшего в 1893 г. Договор об установлении государственной границы между Афганистаном и английскими колониальными владениями (*прим. авт.*).

Так, он сравнивал вторжение США в Афганистане с крестовым походом, выражая надежду, что Иран и Россия расценят его как угрозу национальной безопасности, поскольку «возможно, что США хотят изменить правительство в Афганистане и создать ещё один Израиль в регионе»⁴. По его мнению, Иран должен пересмотреть свою позицию.

Элахе Кулаи, занимавший в то время депутатское кресло в Комитете по национальной безопасности и внешней политике Собрания исламского совета парламента Ирана, неоднократно отмечал, что интервью, которые давал Г.Хекматъяр в Иране, противоречат интересам Ирана⁵. В дальнейшем деятельность Хекматъяра и его сторонников была полностью ограничена иранскими властями⁶.

После свержения Соединенными Штатами режима талибов в октябре 2001 г. Г.Хекматъяр воевал против Международных сил содействия безопасности. Пакистанские СМИ писали, что он некоторое время пользовался поддержкой Исламабада и Эр-Рияда. Но вскоре он сфокусировал внимание на афганских талибах, оказывая им поддержку.

После 20 лет изгнания бывший боевик в 2016 г., вернувшись на родину, он подписал мирное соглашение с президентом А.Гани. Но это не помешало ему критиковать тогдашнее правительство национального единства, обвиняя его в коррупции. Еще в сентябре 2020 г. он выразил готовность заключить союз с афганскими талибами, подчеркнув, что Талибан и «Хизб-е ислами» связывают общие убеждения, ценности и идеология и в случае их объединения кризис в Афганистане закончится [6].

В заявлениях, сделанных в Исламабаде во время визита, Г.Хекматъяр подтвердил, что США потерпели в Афганистане военное и политическое поражение, не достигнув стратегических целей - установления контроля над афганскими природными ресурсами. Провальной, по его мнению, была американская политика национального строительства в Афганистане и военно-политические планы США/НАТО по ликвидации афганских талибов. Г.Хекматъяр неустанно повторял, что единственное решение для достижения мира в Афганистане - вывод войск США и формирование афганцами независимого и суверенного правительства с учетом их верований и традиций без постороннего вмешательства.

ПАКИСТАН И ПЕРСПЕКТИВЫ АФГАНСКОГО МИРА

Насилие в Афганистане продолжалось. Многие объясняли это тем, что каждая из афганских сторон стремилась расширить подконтрольные ей территории для укрепления своих позиций при переговорах. Это также осложняло нормализацию пакистано-афганских отношений.

В ноябре 2020 г. внутриафганский переговорный процесс был вновь поставлен под угрозу заявлением и.о. министра обороны США Криса Миллера о досрочном сокращении 2000 американских военнослужащих [7]. Это ставило под сомнение безопасность отдельных провинций и грозило новым взрывом насилия во внутренних районах Афганистана.

Афганские талибы приветствовали заявление США как шаг, направленный на скорейшее окончание войны. Последовавший визит госсекретаря США Майка Помпео в Доху и встреча с главным переговорщиком талибов муллой Абдуллой Гани Барадаром ставили целью ускорить внутриафганские переговоры.

Вопрос о прекращении огня был одним из основных в переговорах между президентом Афганистана А.Гани и премьер-министром Пакистана И.Ханом во время его визита в Кабул в ноябре 2020 г. Одной из краткосрочных целей заявлялось восстановление уровня доброжелательных отношений. План действий Афганистана и Пакистана во имя мира и солидарности представлял собой всеобъемлющий механизм двустороннего сотрудничества: строительство прочного мира в регионе, возвращение афганских беженцев на родину, укрепление торгово-экономических связей, увеличение числа пограничных таможенных постов, развитие транспортной и энергетической инфраструктуры.

Реализация Плана требовала координации, структурированного диалога и готовности принимать трудные решения. Первые результаты по 3 направлениям были запланированы на декабрь 2020 г. - январь 2021 г.: работа разведывательных служб с теми, кто подрывает мирный процесс; обсуждение вопроса о возвращении афганских беженцев; Афганистан взял обязательства информировать Пакистан о ключевых вопросах мирного процесса в Афганистане [8].

Позднее, в марте 2021 г. после заявления президента США Джо Байдена о пересмотре «Соглашения США-Талибан 2020 г.» и последовавшего всплеска насилия в Афганистане, специальный посланник президента А.Гани Мохаммед Умер Даудзай заявил, что Кабул хочет, чтобы Исламабад сыграл ту же роль в содействии достижению соглашения между правительством А.Гани и Талибами, что и в Дохинском пакте, который стал возможным благодаря сотрудничеству Пакистана.

⁴ گزارشبرگزاري نيشستا بعد اثار حملها احتماليا مریکایا افغانستان <https://www.isna.ir/news/8006-06208/> (accessed 15.01.2021)

⁵ افغانستان به امریکا احتمالی حمله آثار و ابعاد نشست برگزاري گزارش <https://www.isna.ir/news/8011-02967/> (accessed 11.01.2021)

⁶ کرد تشریح را وزیران هیات مصوبات، دولت سخنگوی <https://www.isna.ir/news/8011-05953/>

Вопреки позиции президента США Д.Трампа генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг предупредил, что цена за слишком ранний или несогласованный уход может быть очень высокой. В Конгрессе США также высказывали опасения, что ускоренный выход ужесточит переговорную позицию талибов. Россия настаивала, что единственный возможный путь урегулирования афганского конфликта - это достижение общафганского примирения политико-дипломатическими средствами.

ДОНОРСКАЯ ПОМОЩЬ АФГАНИСТАНУ

Международные рычаги влияния на внутреннюю ситуацию в Афганистане постепенно переходили от военных стимулов к экономическим, которые традиционно оказывали положительное влияние на мирный процесс. Правительства Афганистана и Финляндии совместно с ООН 23-24 ноября 2020 г. организовали в Женеве конференцию «Мир, процветание и самообеспечение» с целью сбора донорских взносов [9]. В конференции приняли участие более 100 стран, включая Пакистан.

ООН также вел переговоры и с талибами, признавая их легитимность. Международное сообщество гарантировало финансовую помощь Афганистану на период до 2026 г. Принятое на конференции коммюнике призывало к немедленному, постоянному и всеобъемлющему прекращению огня; к участию в политической жизни страны женщин и молодежи, а также этнических, религиозных и других меньшинств. Обещания финансовой помощи были обусловлены реальным прогрессом сторон во внутриафганских переговорах и соблюдением режима прекращения огня, конструктивными шагами властей Афганистана в борьбе с коррупцией. Евросоюз поставил предоставление помощи в зависимость от достижений в области соблюдения прав человека.

Финансовые обязательства в размере \$12-13 млрд на период 2021-2024 гг. отражали падение объемов помощи на 20% в сравнении с обязательствами на 2017-2020 гг. США как крупнейший донор Афганистана, не взяли на себя обязательства на 4-летний период, пообещав только \$600 млн на 2021 г. Но выделение даже половины суммы Вашингтон обусловил прогрессом во внутриафганских переговорах.

И Кабул, и талибы понимали ценность международной помощи. ООН достигла соглашения с ДТ о строительстве на контролируемых ими территориях тысяч школ, в которых будут учиться 120 000 детей.

Исламабад неоднократно призывал к выполнению в полном объеме «Соглашения США-Талибан 2020 г.», к выводу американских войск, предупреждал об опасностях саботажа мирного процесса со стороны «спойлеров». Министр иностранных дел Ш.М.Куреши назвал Пакистан одной из основных заинтересованных сторон и крупнейшим бенефициаром мира в Афганистане, подчеркивая, что две страны находятся в центре крупных региональных инициатив: газопровод Туркменистан - Афганистан - Пакистан - Индия и CASA 1000 - проект передачи электроэнергии Туркменистан - Афганистан - Пакистан [10].

Все осенние месяцы 2020 г. в Дохе продолжались переговоры контактных групп, что подтверждало их приверженность мирному процессу. Жесткая дискуссия развернулась по поводу позиций в будущей правящей администрации. И только к середине ноября 2020 г. стороны согласовали 18 из 20 пунктов (включая вопрос о постоянном прекращении огня и формулу разделения власти). Но камнем преткновения оставались: религиозно-правовая основа прямых переговоров (Талибан настаивал на применении ханафитского исламского кодекса) и «Соглашение США-Талибан 2020 г.» как базовый документ для будущих прямых переговоров. Этот пункт также противоречил позиции Кабула.

Однако подписание какого-либо документа не состоялось. ДТ отказалось от преамбулы, поскольку в нем упоминалось афганское правительство.

Передышка дала повод для подведения промежуточных итогов и корректировки позиций сторон. Оставался главный вопрос: сколько предстоит пройти до подписания официального Соглашения правительства Афганистана и ДТ и будет ли подписание? Администрация президента Д.Трампа торопила с переговорами, стремясь до инаугурации избранного в ноябре 2020 г. президента Дж.Байдена закрыть «афганское досье».

ОСТРОТА ПРОТИВОРЕЧИЙ

Однако обе стороны в Афганистане все еще находились в состоянии войны, нападения талибов на правительственные войска продолжались. Проблемой оставался переход от затянувшихся конфликтов к устойчивому миру на местах. Достижение предварительных договоренностей не устранило разногласия между правительством Афганистана и Талибаном. Учитывая рост насилия в стране, Кабул в переговорах ставил первым и обязательным пунктом прекращение огня. Талибы продолжали считать этот вопрос второстепенным.

Начиная с 2018 г., ДТ приобрело опыт ведения переговоров по военным вопросам, однако по гражданским и политическим вопросам он был минимален [11]. Снижение уровня насилия оставалось ключевым приоритетом Кабула, но талибы не были готовы даже обсуждать этот вопрос, опасаясь, что отказ от военных методов может лишить их основного рычага влияния на диалог. И только 9 декабря 2020 г. в Дохе стороны согласовали 3-страничные Правила процедуры проведения внутриафганских переговоров - своеоб-

разный кодекс поведения, который переговорщики обязались соблюдать во время будущих прямых переговоров. Документ был поддержан ООН и Вашингтоном. Афганское правительство и талибы объявили о прорывной сделке по проведению мирных переговоров [12]. Но возобновленные переговоры были вновь приостановлены.

В середине декабря 2020 г. Исламабад встречал политическую делегацию ДТ во главе с муллой А.Г.Барадаром. Это был уже третий его визит в Пакистан за короткий период. Снова обсуждались проблемы беженцев, облегчение визового режима и передвижения афганцев во внутренних районах Пакистана, а также условия работы местных и афганских торговцев в пограничных зонах. Но одновременно высказывались опасения по поводу политических разногласий во властных структурах Афганистана, высокий уровень полемики и критики, что подтверждало отсутствие единства среди афганских политиков. Отсутствие консенсуса ослабляло позиции правительства Афганистана в переговорном процессе.

Амрулла Салех, первый вице-президент правительства А.Гани, подтвердил в конце декабря 2020 г., что афганские власти «не вправе игнорировать суверенитет народа и его достижения в мирном процессе... Мир без достоинства неприемлем и не принят ни одной нацией» [13].

Пакистан также указывал на недостатки внутриафганских переговоров, на игнорирование участия широких слоев населения, что подтверждало элитарность и навязанность формулы переговоров. Половина всех внутриафганских соглашений терпела неудачу, а в случае их провала конфликты становились еще более неразрешимыми.

Встал вопрос: сможет ли внутриафганский диалог добиться устойчивого прогресса, включая прекращение огня, до того, как международные силы покинут Афганистан?

По времени это совпало с финалом президентской избирательной кампании в США, стартовавшей еще 3 ноября 2020 г. Жесткое противоборство политических оппонентов завершилось победой Дж.Байдена, кандидата от Демократической партии. Кабул нервничал, опасаясь смены курса новой администрации Белого дома в афганском досье, отказа от финансовой помощи, отмены решения президента-республиканца Д.Трампа о выводе американских войск к маю 2021 г.

Афганистан встретил январь 2021 г. новым всплеском насилия, включая целенаправленные нападения в Кабуле, провинциях Герат, Баглан, Лагман, Нангархар, Кандагар и Гильменд; в ряде пограничных районов активизировалась террористическая группировка Исламское государство (ИГ, запрещена в России). Сложившаяся ситуация требовала принятия срочных мер. И Талибан, и республиканский Белый дом вновь летят за консультациями в Исламабад. Спецпредставитель США по Афганистану и Пакистану Залмай Халилзад подчеркивал, что важно избегать задержек в переговорах. Белый дом торопился завершить дела до 20 января 2021 г., дня инаугурации нового президента США.

Однако к этому времени острота противоречий не только не уменьшалась, но и возникли новые вызовы. В этих условиях в Дохе 6 января 2021 г. вновь встретились контактные группы.

ВТОРОЙ ЭТАП ПЕРЕГОВОРОВ КОНТАКТНЫХ ГРУПП

Стартовал второй этап переговоров контактных групп с заявленной целью достижения постоянного мира. Ни одна из сторон даже не ставила целью добиться окончательной доработки повестки дня, что могло бы открыть путь для официальных переговоров. Встреча была формальной. Стремление президента Д.Трампа провести прямые переговоры между правительством Афганистана и Движением Талибан и заключить договор о мире осталось безрезультативным.

В эти дни усилились голоса афганских хазарейцев⁷. К уже традиционным разногласиям Кабул - ДТ добавились расхождения ДТ - политические партии и этнические меньшинства Афганистана. Открытыми для афганцев оставались вопросы прав меньшинств, социально незащищенных слоев населения и типа государственного правления. Мир в стране маловероятен, если этносы отказываются разговаривать.

В январе 2021 г., в дни визита в Исламабад, Мохаммад Карим Халили (лидер партии «Хизб-е вахдат ислами Афганистан», бывший председатель Высшего совета мира Афганистана) подчеркивал важность соблюдения прав этнических меньшинств и женщин. Вопрос о правах женского населения оставался мишенью для срыва переговоров. Афганские женщины высказывались за предоставление им больших возможностей влиять на диалог. Нападки на видных женщин усиливали опасения, что с приходом во власть талибов будет сметено достигнутое за последние два десятилетия.

Еще в 2018 г., в начале международных усилий по инициированию «Соглашения США-Талибан 2020 г.», различные политические партии и этнические сообщества озвучили свои позиции в вопросах государственного устройства. Ареной высказываний они вновь выбрали Пакистан.

⁷ Хазарейцы - одно из этнических меньшинств, населяющих северные и центральные провинции Афганистана, ирано-язычные шииты (прим. авт.).

К.Халили, лидер хазарейцев, учитывая определенное влияние Исламабада на афганских талибов, высказал озабоченность безопасностью своих соплеменников в случае возврата талибов к власти. История вражды между афганскими хазарейцами и талибами широко известна. Последние несут ответственность за массовые убийства в 1998 г. в Мазари-Шарифе - в основном, хазарейцев. Память о мрачных событиях еще жива в народе.

Партия «Хизб-е вахдат ислами Афганистан» - одна из основных группировок, присоединившаяся к Северному альянсу в 1992 г - была сформирована как объединение 8 шиитских партий. Это ведущая шиитская партия в Афганистане, которую поддерживают хазарейцы. Группировка получила значительную военную поддержку от Ирана в 1990-х гг. В основе разногласий в Афганистане, как заявляют этнические хазарейцы, - нарушение прав этнических меньшинств. Партия выступает за принцип федерализма, что позволяет каждой этнической общине добиваться конституционных прав.

К.Халили предупредил о преждевременности обсуждения итогов переговоров в Дохе, подчеркивая, что соглашение с талибами поможет противостоять ИГИЛ. Он заверил, что после установления мира в Афганистане улучшатся перспективы строительства трубопровода между Пакистаном и Центральной Азией через Афганистан, проект «Центральная Азия - Южная Азия» (CASA 1000) и другие проекты развития.

В середине января 2021 г., в канун смены политической администрации, президент США Д.Трампа отдал приказ о дополнительном сокращении численности американского военного контингента в Афганистане [14]. Пропагандистская кампания транслировала это как окончание почти 20-летней американской войны в Афганистане.

Между тем, генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг подтвердил, что «Позиция НАТО не изменилась, и наше присутствие основано на условиях что стороны должны продемонстрировать приверженность продвижению мирного процесса» [15].

Талибы приветствовали вывод очередной группы американских военных из Афганистана. К этому времени ДТ, по заявлению пакистанской прессы, контролировало большую часть территории сельских районов, управляло теневым правительством, собирало налоги, доминировало ночью и выступало против ИГИЛ (успешные операции в марте 2020 г. по вытеснению боевиков из провинции Кунар и прилегающих районов).

Сокращение войск осложнило ситуацию с безопасностью для правительства А.Гани. Если более 150 000 военнослужащих из примерно 50 армий мира в течение более чем двух десятилетий не могли стабилизировать Афганистан, то горстка оставшихся военнослужащих - примерно 2000 - вряд ли могла изменить баланс сил. Режим в Кабуле держится за счет американской военной и финансовой поддержки.

Избирательная кампания в США, заявление новой администрации о частичном пересмотре «Соглашения США-Талибан 2020 г.» поставили и Кабул, и Движение Талибан перед дилеммой: будет ли 2021 г. завершением 20 лет антитеррористической кампании или еще больше погрузит Афганистан в хаос. Предоставление в перспективе финансовой помощи Кабулу поставлено в зависимость от прогресса внутриафганских переговоров. Талибан напомнил о важности соблюдения Дохинских договоренностей, в которых доминировало требование о полном выводе войск США/НАТО из Афганистана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приход 20 января 2021 г. к власти в США администрации Дж.Байдена открыл новую страницу в афганском досье. Команда президента Дж.Байдена столкнулась с проблемой: как поступить с обязательством экс-президента Д.Трампа о выводе к маю 2021 г. всего американского военного персонала из Афганистана - стимулирующего шага для внутриафганских переговоров. Госсекретарь США Энтони Блинкен подтвердил планы положить конец «вечной войне». Дж.Байден в апреле заявил о поэтапном выводе американских войск из Афганистана, который стартует 1 мая и завершится к 11 сентября 2021 г. Он утверждал, что миссии США и НАТО в Афганистане достигли своей цели - уничтожена сеть террористических организаций и, таким образом, устранена угроза использования территории Афганистана против интересов безопасности США.

Международные посредники - Россия, Турция - выступали с предложениями к правительству А.Гани и ДТ сформировать переходное правительство, а также гарантировать режим прекращения огня на 90 дней. США тщетно стремились перехватить инициативу и перенести переговоры из Дохи на платформу ООН.

Россия, обеспокоенная сложившейся обстановкой в Афганистане, считает важным, чтобы власти Афганистана во главе с председателем ВСНП А.Абдулло и представители ДТ высказались за интенсификацию межафганского переговорного процесса⁸.

⁸ Интервью министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова центральной пакистанской англоязычной газете «Ньюз Интернешнл», 7 апреля 2021 года. https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/4666211 (accessed 07.04.2021)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Biden administration to revive military-to-military ties with Pakistan. <https://www.dawn.com/news/1602541/biden-administration-to-revive-military-to-military-ties-with-pakistan> (accessed 19.01.2021)
2. President Ashraf Ghani asks Afghan Taliban to 'End ties with Pakistan' for prisoner release. <https://blog.siasat.pk/ashraf-ghani-afghan-taliban-end-ties-pakistan/> (accessed 16.03.2020)
3. Joint Declaration between the Islamic Republic of Afghanistan and the United States of America for Bringing Peace to Afghanistan. <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/02.29.20-US-Afghanistan-Joint-Declaration.pdf> (accessed 29.02.2020)
4. Замараева Н.А. Пакистан и вызовы переговорному процессу в Афганистане (2003-2020 гг.). *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 11, с. 26-33. DOI: 10.31857/S032150750012183-3
5. Zamarayeva N.A. 2020. Pakistan and the challenges to Afghan peace deal (2003-2020). *Aziya i Afrika segodnya*. № 11 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750012183-3
6. Pakistan, Afghanistan both want violence reduced: Abdullah. <https://www.dawn.com/news/1582784/pakistan-afghanistan-both-want-violence-reduced-abdullah> (accessed 01.10.2020)
7. Hekmatyar offers to join hands with Taliban. <https://nation.com.pk/20-Sep-2020/hekmatyar-offers-to-join-hands-with-taliban>(accessed 20.09.2020)
8. Acting Secretary Miller announces troop levels in Afghanistan and Iraq. <https://www.defense.gov/Newsroom/Transcripts/Transcript/Article/2418641/acting-secretary-miller-announces-troop-levels-in-afghanistan-and-iraq/> (accessed 17.11.2020)
9. Shared Vision between Islamic Republic of Afghanistan and Islamic Republic of Pakistan, to support peace and stability in both countries and the wider region. <http://mofa.gov.pk/shared-vision-between-islamic-republic-of-afghanistan-and-islamic-republic-of-pakistan-to-support-peace-and-stability-in-both-countries-and-the-wider-region/> (accessed 19.11.2020).
10. 2020 Afghanistan Conference. <https://um.fi/afghanistan-conference-2020-23> (accessed 24.11.2020)
11. Foreign Minister addressed the 2020 Afghanistan Conference. <http://mofa.gov.pk/foreign-minister-addressed-the-2020-afghanistan-conference/> (accessed 24.11.2020)
12. Taliban delegation visits Islamabad, plans for leadership meeting in Pakistan. <https://www.reuters.com/article/afghanistan-taliban-pakistan/taliban-delegation-visits-islamabad-plans-for-leadership-meeting-in-pakistan-idUSKBN28Q171> (accessed 16.12.2020)
13. Afghan govt, Taliban announce breakthrough deal to pursue peace talks. <https://tribune.com.pk/story/2274364/afghan-govt-taliban-announce-breakthrough-deal-to-pursue-peace-talks> (accessed 03.12.2020)
14. Saleh: Peace without dignity is unacceptable. <https://thefrontierpost.com/saleh-peace-without-dignity-is-unacceptable/> (accessed 24.12.2020)
15. Statement by Acting Defense Secretary Christopher Miller on Force Levels in Afghanistan. <https://www.defense.gov/Newsroom/Releases/Release/Article/2473337/statement-by-acting-defense-secretary-christopher-miller-on-force-levels-in-afg/> (accessed 15.01.2021)
16. Jen Stoltenberg, the Secretary-General of the North Atlantic Treaty Organization (NATO) spoke with @ashrafghani about the #Afghanistan peace process. <https://twitter.com/jensstoltenberg/status/1351115569022590980> (accessed 18.01.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Замараева Наталья Алексеевна, кандидат исторических наук, ст.н.с., Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Natalia A. Zamarayeva, PhD (History), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

Раванди-Фадая Лана Маджидовна, кандидат исторических наук, ст.н.с., Институт востоковедения РАН; доцент кафедры истории современного Востока факультет истории, политологии и права РГГУ, Москва, Россия.

Lana M. Ravandi-Fadai, PhD (History), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russia; Associate Professor, Department of the Contemporary East, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
12.02.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
20.03.2021

Принята к публикации (Accepted)
14.04.2021

Политика Н. Моды в северо-восточных штатах Республики Индия

© Садовникова Я.О.^а, 2021

^а ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН,
Москва, Россия;
khoobsurat_90@rambler.ru

Резюме. Усугубление региональных диспаритетов в ходе либерализации экономики в 1990-е годы привело индийский правящий класс к мысли заострить большее внимание на проблеме отсталости штатов. В решении задач, направленных на более равномерное распределение результатов экономического роста, особое значение придается развитию северо-восточного региона страны. Правительство Бхаратия джаната парти во главе с Нарендрой Моды подчеркивает необходимость ускорения преобразовательных процессов на северо-востоке через инициированные государством программы и меры по созданию надлежащей социальной и физической инфраструктурной базы, увеличению доходности фермерских хозяйств, привлечению дополнительных инвестиций и стимулированию предпринимательства. Данный регион обладает большим потенциалом развития, который до сих пор не был использован в полном объеме.

Формирование правительств штатов с участием Бхаратия джаната парти отразило качественные сдвиги в политическом процессе на северо-востоке индийского государства. Новые штатовские администрации поставили перед собой цель - укрепить торговые и экономические связи, как с остальной частью страны, так и на внутрорегиональном уровне. Кроме того, в 2014 г. премьер-министр Моды объявил о намерении оживить восточное направление внешней политики, отводя особую роль в достижении этой задачи северо-восточному региону.

В данной статье рассматриваются ключевые направления и результаты деятельности индийских властей в условиях существующих возможностей и трудностей развития северо-восточной Индии, а также изучаются перспективы дальнейших социально-экономических преобразований.

Ключевые слова: Индия, северо-восточная Индия, Нарендра Моды, БДП, региональные диспаритеты, органическое фермерство, отношения «центр-штаты»

Для цитирования: Садовникова Я.О. Политика Н.Моды в северо-восточных штатах Республики Индия. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 4. С. 33-40. DOI: 10.31857/S032150750014644-0

Narendra Modi's policy in northeastern states of India

© Yana O. Sadovnikova^а, 2021

^а Primakov Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
khoobsurat_90@rambler.ru

Abstract. Regional disparities are one of the most acute problems of post-1991 economic reform period. As a result of the partition of India in 1947 the former territorial, economic and cultural links of the northeastern region was broken up, leaving for communication with the main part of the country only a narrow corridor Siliguri. Nevertheless north-eastern states have a greater potential growth which is still not entirely used. In 2014 Modi has declared its intention to revitalize the Eastern direction of foreign policy under Act East Policy, highlighting the special role of the North-east in this process. Top priorities of the Narendra Modi government's policy in the north-east of India are focused on creating favorable environment for attracting investments and doing business, reconstruction and construction of new bridges, national highways, all-weather roads between the most remote parts of the region, promotion of organic farming, and implementation flood control measures. The formation of state governments with participation of BJP reflected qualitative shifts in the political process, that can contribute to the overcoming of the backwardness of India's north-east. New leadership of that states has set a goal of firming up of trade and economic linkages both within region and with the rest of the country. The interaction between Centre and states must play a decisive role in unlocking development potential of the region.

The article analyzes the main advances in the different fields of socio-economic development and also explores prospects and challenges of transformational policy of the Indian government in the northeastern region.

Keywords: India, North Eastern India, Narendra Modi, BJP, regional disparities, organic farming, centre-states relations

For citation: Sadovnikova Y.O. Narendra Modi's policy in northeastern states of India. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 4. Pp. 33-40 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014644-0

ВВЕДЕНИЕ

Специфика месторасположения северо-восточных штатов Республики Индия - Ассама, Нагаленда, Трипуры, Мегхалаи, Манипура, Сиккима, Мизорама и Аруначал Прадеша - в сочетании с историческими, культурными и природно-климатическими условиями сформировали проблемный профиль этого региона. Эти

8 штатов занимают меньше 8% всей территории и сосредотачивают 3,78% её населения [1]. На преобладающей здесь холмистой местности и равнинах проживают почти две сотни различных племен и народностей, говорящих на нескольких десятках языков и диалектов. После проведенной реорганизации в 1987 г., когда Союзные территории Аруначал Прадеш (бывшее название - Северо-восточное пограничное агентство) и Мизорам приобрели статус штатов, политическая карта северо-восточной части страны получила современный вид, однако административно-территориальные изменения внутри субъектов региона продолжают по настоящее время.

После экономических реформ начала 1990-х гг. предполагалось, что частные инвестиции придут в остальные регионы. Но их, в основном, получили быстро развивающиеся штаты на юге и западе страны, где имелись более комфортные условия для ведения бизнеса, включающие в себя необходимую инфраструктурную базу, налаженную транспортную логистику, и где продвигались ориентированные на поддержку предпринимателей инициативы местных властей. Изначально разные стартовые условия развития затрудняли процесс встраивания северо-восточных штатов в рыночные отношения, доходы населения здесь были значительно ниже.

Во время визита в январе 2000 г. премьер-министра А.Б. Ваджпайи в штат Мегхалая была представлена программа действий, состоявшая из почти трёх десятков различных схем и инициатив для роста экономики северо-востока. Результатом стало создание тогда департамента, а годом позже и Министерства по развитию северо-восточного региона.

Нынешним руководством страны во главе с Бхаратия джаната парти (БДП) и её лидером Нарендрой Моди также признаётся весомость северо-восточного региона для благополучия и стабильности всей индийской экономики. В политике правительства БДП по развитию региона основные акценты расставлены вокруг улучшения железнодорожного и автомобильного сообщения, управления водными ресурсами и увеличения сельскохозяйственной производительности.

БОРЬБА С НАВОДНЕНИЯМИ

Еще в ходе своей первой избирательной кампании 2014 г. на пост премьер-министра Н.Моди подчеркивал необходимость совершенствования механизмов контроля над водными ресурсами северо-востока, что «поможет справиться как с извечной проблемой наводнений в регионе, так и разрешить энергетический кризис страны» [2].

Крупнейшей водной артерией этого региона является река Брахмапутра, протяженность которой составляет 2896 км. Она начинается в районе западного Тибета и течет на восток вдоль Гималайского грабена, а затем в районе ущелья Диханг прорезается через узкий горный хребет и, круто меняя своё направление, попадает на Бенгальскую равнину, территорию двух индийских штатов - Аруначал Прадеш и Ассам, по которым следует на юго-запад вдоль южного подножия Гималаев, далее, обходя горы Гаро, оказывается уже на территории Бангладеш, где вместе с рекой Ганг впадает в Бенгальский залив.

Борьба с сезонными наводнениями занимает центральное место в водной политике штата Ассам. В период таяния ледников весной и сезон дождей (июль-октябрь) уровень воды в реке и её многочисленных протоках резко повышается. В результате, может оказаться затопленной до 40% территории штата. Существуют также геоморфологические причины наводнений, связанные с частыми землетрясениями в этой местности, которые приводят к нанесению почвенного слоя, поэтому «воды Брахмапутры содержат больше осадочных отложений, поднимающих речное русло в некоторых местах на 3 метра и снижающих пропускную способность реки» [3].

В результате наводнения в июле 2019 г. пострадали жители более 4000 деревень в 28 из 33 дистриктов Ассама [3]. Столь же разрушительным было наводнение и в 2020 г., совпавшее с натиском эпидемии *COVID-19* в Индии, что оказалось двойным испытанием для местных жителей. Принятая властями штата стратегия по предотвращению наводнений включает в себя различные меры: от высадки деревьев в наиболее подверженных водным бедствиям районах до сооружения защитных дамб. Но зачастую предпринятых шагов оказывается недостаточно, чтобы минимизировать ущерб от наводнений.

Правительственный комитет, изучавший особенности хозяйствования в области гидроэнергетики, внутреннего речного транспорта, рыболовства, ирригации в регионе, рекомендовал создать новый институт по управлению водными ресурсами северо-восточных штатов¹. Принятие соответствующего законопроекта позволит реализовать интегративный подход к борьбе и преодолению последствий наводнений на реках северо-востока.

¹ Achievements in the year 2018-2019. <https://niti.gov.in/verticals/land-and-water-resources/achievements-of-the-year-2018-19> (accessed 11.05.2020)

ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ СЕВЕРО-ВОСТОКА

Политическое руководство страны поставило своей целью разрешение проблемы инфраструктурных «долгостроев» в северо-восточном регионе. В конце 2018 г. в торжественной обстановке премьер-министр Н.Моди и руководители штата Ассам открыли через реку Брахмапутра мост, соединивший два дистрикта - Дибругарх и Дхемаджи.

К проекту приступили в начале 2000-х гг., но из-за сложных природно-климатических условий его осуществление затянулось на полтора десятилетия. Двухуровневый мост предназначен для одновременного проезда железнодорожного и автомобильного транспорта (*rail-cum-road*). Расположенный в 20 км от границы со штатом Аруначал Прадеш этот объект должен существенно улучшить транспортную логистику как в этих двух штатах, так и в регионе в целом. Местным жителям стало удобнее добираться до аэропорта, различных социальных учреждений, расположенных в Дибругархе - третьем по величине городе северо-востока Индии. Кроме того, отмечается оборонная функция моста, благодаря которой может сократиться время для переброски военных сил к индо-китайской границе [4].

В соответствии со «Специальной программой ускоренного развития дорог на северо-востоке», включающей в себя компонент «развитие дорог и магистралей Аруначал Прадеш», с 2014 по 2019 гг. было построено 1,514 км дорог стоимостью 20065 крор² (200 млрд рупий) (\$2,73 млрд) [5]. Кроме того, большая работа была проведена в рамках «Плана премьер-министра по улучшению дорог в сельской местности»: «было построено 20,708 км дорог при затратах 9033,76 крор (90 млрд), тем самым связав между собой 3123 поселения в северо-восточном регионе» [5].

Одна из особенностей железнодорожной сети Индии - наличие разной по ширине рельсовой колеи. Переход железнодорожного транспорта на рельсы широкой колеи необходим для торгово-экономической интеграции региона. Еще в середине 2000-х гг. были инициированы проекты по соединению между собой столичных городов всех 8 штатов на северо-востоке страны. Однако из-за трудностей, связанных с приобретением земли под строительство и сложными природными условиями местности, эта идея была отложена на неопределенное время. Правительство БДП предприняло попытку реализовать данные замыслы.

29 ноября 2014 г. была открыта первая железнодорожная ветка в штате Мегхалая и заложен камень в строительстве новой ширококолейной линии Бхайраби-Сайранг, которая свяжет столицу штата Мизорам - г. Айджал с железнодорожной сетью страны. Ближайшие станции сейчас расположены в десятках и даже сотнях километров от столиц штатов. Для решения этой проблемы ведётся строительство таких железнодорожных линий, как Джирибам - Тупул - Импхал в Манипуре, Димапур - Зубза в Нагаленде, а также Сивок (Зап. Бенгалия) - Рангпо (Сикким).

Для развития воздушно-транспортного сообщения в регионе проводится большая планомерная работа по обновлению инфраструктурной базы в аэропортах Дибругарх (Ассам) и Димапур (Нагаленд), строительство объединённого терминала в аэропортах Гувахати (Ассам), Импхал (Манипур), а также в Агартале (Трипура), который после обновления сможет принимать не только внутренние, но и международные рейсы [5].

В октябре 2019 г. состоялся 4-дневный визит премьер-министра Народной Республики Бангладеш Шейх Хасины в Республику Индия. Между правительством штата Трипуры и официальной делегацией из Бангладеш обсуждалось немало вопросов и совместных проектов. Основное внимание было приковано к проблеме отведения воды из общей для двух стран реки Фени.

Разрешение этой ситуации жизненно необходимо для испытывающего постоянные проблемы с нехваткой чистой питьевой воды пограничного города Сабрум, расположенного в штате Трипура. В результате переговоров было достигнуто следующие договорённости: во-первых, индийская сторона получила разрешение отводить из реки Фени объём воды до 1,82 куб. футов в секунду, во-вторых, Бангладеш согласился предоставить доступ к своему морскому порту Читтагонг, что позволит 7-тысячному городу Сабрум стать экспортным торгово-промышленным кластером Трипуры [6]. Благодаря предоставлению особых налоговых преференций правительство рассчитывает создать в своем штате 12 тыс. рабочих мест в каучуковой, текстильной, швейной, бамбуковой и перерабатывающей промышленности³.

Еще одним важным двусторонним инфраструктурным проектом, реализация которого затянулась на целое десятилетие, является строительство железнодорожной ветки, которая свяжет между собой гг. Акхаура (Бангладеш) и Агартала (Трипура). После ряда встреч и переговоров с участием представителей различных ведомств, исполнительных организаций, местной администрации, а также специалистов было решено перенести сроки завершения работ на сентябрь 2021 г. [7] По словам союзного министра Дж.Сингха

² 1 крор = 10 000 000 рупий; \$1 = 73 рупии (курс на декабрь 2020 г.) (прим. авт.).

³ Tripura gets its first SEZ. 18.12.2019. Press Information Bureau. Government of India. Ministry of Commerce and Industry. <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1596847> (accessed 01.05.2020)

первый поезд сможет отправиться из Агарталы уже в начале 2022 г. - к празднованию 75-й годовщины независимости Республики Индия [8].

Восполнение пробелов физической инфраструктуры является неотъемлемой частью плана действий центрального правительства по стимулированию экономической деятельности в северо-восточной части страны. Через полностью финансируемые из центрального бюджета схемы, направленные на сооружение новых и улучшение существующих дорог и мостов, а также поставку электроэнергии, водных ресурсов, строительство больниц и учебных заведений необходимо достигнуть социального эффекта. Определённая часть таких инфраструктурных объектов будет служить базисом для продвижения в регионе экологического туризма, что должно повлечь за собой создание новых рабочих мест и увеличить доходы местных производителей.

ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОРГАНИЧЕСКОГО ФЕРМЕРСТВА В РЕГИОНЕ

Сложность природно-климатического комплекса местности и слабое транспортное сообщение между штатами предопределили для северо-восточного региона общие проблемы сельскохозяйственной отрасли. Но разнообразие социально-экономической, культурной и политической жизни каждого субъекта региона в отдельности способствовало появлению и целого ряда индивидуальных трудностей для сельского сектора экономики. Основные недостатки отрасли связаны с ненадлежащим техническим обеспечением фермерских хозяйств, в т.ч. водой и электроэнергией, а также со слабо организованным рынком сбыта и проблемами доступности дешевого институционального кредитования.

В регионе широко распространено и известно, как говорят жители местных племён, еще «с незапамятных времен» т.н. переложное земледелие (*Джхум*). При таком способе земледельцы переходят на другое поле, оставляя предыдущий участок «отдыхать» на несколько лет для восстановления питательных свойств почвы и растительности. В связи с ростом численности населения период, когда земля не обрабатывается, существенно сократился, что оказывает губительное воздействие на плодородие почвенного слоя, состояние окружающего растительного и животного мира. Однако при всех недостатках применение земледельческой практики - *джхум* остаётся главным средством выживания для сотен племенных домохозяйств, получающих и органическую пищу, и необходимые в быту лесоматериалы, часть которых остается для личного потребления, другая - поступает на рынок. Они не торопятся менять привычный способ земледелия, который отражает коллективный дух племени, основанный на общинном землепользовании.

Одним из предвыборных обещаний Н.Моди в ходе последней избирательной кампании 2019 г. на пост премьер-министра страны было введение в оборот дополнительных 2 млн га земли в холмистых, неорошаемых и населенных различными племенами районах для выращивания безопасных, без применения вредных химических удобрений, экологически чистых продуктов [9, p. 13]. Наряду с привлечением большого объёма частных инвестиций, продвижение органического фермерства рассматривается индийским правительством, во-первых, как средство уменьшить использование производителями химических удобрений; во-вторых, как стимул для развития северо-восточных и восточных регионов страны; в-третьих, как перспективное направление для экспорта. Таким образом, перестройка аграрных практик под органическое земледелие открывает дополнительные возможности для повышения доходности фермерских хозяйств.

Выбор органического фермерства в качестве стимулирующего фактора неслучаен, ведь проживающие здесь различные племенные общности используют, в основном, ручные орудия труда и нехимические удобрения, создавая благоприятные условия для развития в регионе натурального (органического) сельского хозяйства. В одном из исследований по данной проблематике отмечалось также, что тысячи индийских фермеров, никогда не использовавших на своих полях вредные для окружающей среды компоненты и технологии, не классифицируются в качестве производителей экологически чистого продовольствия, в результате чего их продукция реализуется по одинаковой цене с неорганической [10, p. 15].

С начала 2000-х гг. индийское правительство взяло под свой контроль процесс сертификации всех производимых на территории страны и экспортируемых органических продуктов. После прихода к власти в 2014 г. премьер-министра Н.Моди были приняты меры по развитию органического земледелия в стране.

Для поддержки и укрепления мотивации фермеров была введена в действие «Программа по развитию традиционного сельского хозяйства» (*Paramparagat Krishi Vikas Yojana*), центральным звеном которой является «кластер» - объединённая группа фермеров численностью 50 и более человек, располагающих 50 акрами земли⁴. Для установления соответствия выращиваемой фермерами органической продукции в ней применялась т.н. система коллективного гарантирования (*Participatory Guarantee System - India, PGS*).

⁴ Promoting organic farming. Press Information Bureau. Government of India. Ministry of Agriculture and Farmers Welfare. 24.04.2015. <https://pib.gov.in/newsite/printrelease.aspx?relid=118622> (accessed 30.01.2020)

На сегодняшний день в Индии функционируют две отдельные системы сертификации: «Общенациональная программа органического производства» (*National Programme for Organic Production (NPOP)*), подчиняющаяся Министерству торговли и промышленности, и *PGS*, действующая под эгидой Министерства сельского хозяйства и благополучия фермеров. Сертификат *NPOP* даёт возможность реализовывать органическую продукцию под маркировками «*India Organic*» и «*Jaivik Bharat*», как на внутреннем рынке, так и на экспорт, а сертификат *PGS* ориентирует производителей только на внутренний (местный) рынок, используя обозначения «*PGS - India Organic*» и «*Jaivik Bharat*».

В статье журнала *Business Today* сообщается, что «в стране есть большое количество производителей и организаций, которые не сертифицированы ни одной из двух систем. В настоящее время предпринимаются шаги по упрощению коллективной системы гарантирования, чтобы сделать её дружественной по отношению к мелким фермерам» [11].

Органическое земледелие раскрывает возможности для производителей северо-востока, но, вместе с тем, процесс перехода достаточно сложный и требует большей поддержки государства. Примером успешной реализации политики по развитию органического сельского хозяйства/органической политики является Сикким - первый из индийских штатов, объявивший о переводе всех своих культивируемых земель на органическое фермерство. Органический сектор обладает большим потенциалом, чтобы ускорить темпы экономического роста региона в целом и штатов по отдельности.

БДП И ЕЁ СОЮЗНИКИ НА МЕСТНЫХ ВЫБОРАХ

Развитие штатов на северо-востоке Индии в видении правящих властей имеет экономическое и политическое обоснование. Во-первых, регион обладает большими ресурсными возможностями и способен внести вклад во всеобщий экономический рост. Во-вторых, до недавнего времени БДП практически не была представлена в администрации северо-восточных штатов.

Активная деятельность лидеров БДП в ходе предвыборной кампании в штате Ассам дала весомый результат: на выборах в апреле-мае 2016 г. партия получила 29,5% голосов и 60 мест в законодательном собрании, т.е. на 55 больше, чем на предыдущих выборах⁵. Спустя два года БДП закрепила свой успех в Ассаме на выборах в органы сельского самоуправления - *панчаяты*, заняв 42% мест [12]. За четыре года (2016-2019 гг.) БДП сформировала правительства в штатах Аруначал Прадеш⁶, Ассам, Манипур, Мегхалая, Мизорам, Нагаленд, Трипура и Сикким.

Основной упор предвыборной тактики был сделан на союз с ведущими политическими силами региона. По существу, в своей предвыборной программе она попыталась отразить надежды большинства избирателей на усиление штатовской администрации и активизацию новых эффективных программ развития. Сделав ставку на перемены и скорейшее включение региона в процессы развития всей Индии, БДП позиционировала себя в качестве альтернативы многим давно находившимся у власти политическим группировкам и силам.

Например, в штате Мегхалая ИНК возглавлял коалиционные правительства в течение 9 лет, в штате Манипур - 15 лет; в штате Сикким с 1994 г. правила партия «Демократический Фронт Сиккима», а в Трипуре на протяжении последних 25 лет беспрерывно находилось правительство левых сил во главе с Коммунистической партией Индии (марксистская) - КПИ (м).

В феврале 2018 г. там развернулась упорная политическая борьба, которую в экспертном сообществе окрестили «столкновением двух идеологий». В противостоянии КПИ (м) немного уступила БДП, получив 42,22% (993,6 тыс. голосов) против 43,59% (1,02 млн голосов). Перед избирательной кампанией БДП объединилась с Фронтом коренных народов Трипуры, и 8 из 9 заявленных Фронтом кандидатов прошли в местный парламент, получив 7,38% (173,6 тыс. голосов). В общей сложности, БДП вместе с союзником по коалиции одержала победу в 43 избирательных округах, а КПИ (м), «державшая весь Левый фронт на своих плечах», получила всего лишь 16 депутатских мандатов⁷.

Н.Моди лично несколько раз приезжал в штат и проводил избирательные митинги. В ходе избирательной кампании, проходившей под лозунгом «Давайте менять» (*chalopaltai*), БДП удалось привлечь на свою сторону достаточное число избирателей, желавших инициировать процесс либерализации экономической политики в штате.

⁵ Election Commission of India - State election, 2011 to the Legislative Assembly of Assam. <https://eci.gov.in/files/file/4010-assam-2011/>; Election Commission of India - State election, 2016 to the Legislative Assembly of Assam. <https://eci.gov.in/files/file/4017-assam-general-legislative-election-2016/> (accessed 16.03.2020)

⁶ В результате разразившегося в 2016 г. политического кризиса в штате Аруначал Прадеш было введено президентское правление, после которого было сформировано новое правительство во главе с БДП (*нрпм. авт.*).

⁷ Election Commission of India - State election, 2018 to the Legislative Assembly of Tripura. <https://eci.gov.in/files/file/3472-tripura-general-legislative-election-2018/> (accessed 29.06.2020)

Новая конфигурация партийно-блоковых сил, обусловленная объединением правящих групп под эгидой Национально-демократического альянса при централизующей роли БДП, отразила качественные изменения/сдвиги в политическом процессе в регионе. От новых штатовских правительств потребуются сосредоточить усилия на развитии коммуникаций, строительстве всепогодных дорог в самые труднодоступные районы, налаживании торгово-экономических связей по трём направлениям: внутри региона, с основной частью страны и соседними государствами в рамках объявленной в 2014 г. премьер-министром Н.Моди внешнеполитической инициативы «Действуй на Восток»⁸ [13]. Увеличение доходности региона за счет торговых экспортно-импортных операций с соседними странами позволит внести существенный вклад в экономический рост как страны в целом, так и региона, в частности.

Одной из ключевых составляющих стратегии правящих кругов на северо-востоке страны является мирное разрешение возникающих на почве заложенных еще с колониальных времён культурных и социальных противоречий между коренным и пришлым населением штатов.

Со второй половины 1980-х гг. на фоне тяжелой экономической ситуации в регионе, связанной с крайне низким уровнем жизни и замкнутым характером развития, в штате Ассам набирает силу движение за самоопределение народности *бодо*. После подписания в 1993 г. и 2003 г. «меморандумов о взаимопонимании» в составе штата Ассам сначала появилась автономная административно-территориальная единица Бодоланд, а затем был учреждён Территориальный совет Бодоланда (ТСБ) - представительный орган, включающий в себя 46 депутатов, из которых 40 избираются прямым голосованием, а остальные 6 назначаются губернатором штата Ассам⁹.

Несмотря на достигнутые договоренности, некоторые вопросы, связанные с функционированием ТСБ, защитой культурной и этнической самобытности *бодо*, проживающих «вне границ региона», и статусом языка *бодо*, между правительственными и повстанческими силами еще не были до конца разрешены. В январе 2020 г. состоялось заключение нового мирного соглашения, отличительной особенностью которого стало вовлечение в переговорный процесс всех непосредственных участников этого затяжного противостояния.

Основные итоги договора состояли в следующем: 1) полное разоружение и расформирование всех боевых организаций: сдавшиеся 1550 боевиков могут рассчитывать на реабилитацию от правительства; 2) предоставление Союзным правительством пакета финансовой помощи в размере 1500 крор (15 млрд) рупий на различные проекты развития на 3 года; 3) учреждение комиссии, которая должна подготовить рекомендации и выводы по вопросам включения (отсоединения) племенного населения, проживающего в соседних с регионом Бодоланд деревнях; 4) предоставление языку *бодо* статуса официального наравне с ассамским в штате и учреждение отдельного директората для средних школ; 5) увеличение мест в ТСБ до 60 человек и усиление его законодательных, исполнительных, административных и финансовых полномочий [14].

В то же самое время прямо противоположный эффект может оказать принятие поправки к «Закону об индийском гражданстве, 1955 г.», которая позволяет переселенцам из Афганистана, Пакистана и Бангладеш, составляющих в них меньшинство по религиозной принадлежности, стать в упрощенном порядке полноправными гражданами Республики Индия.

Это вызвало обеспокоенность во многих штатах, в особенности северо-восточных, испытывающих проблему демографической компрессии из-за наплыва мигрантов из соседнего Бангладеш. Там недовольство вылилось в крупные беспорядки на улицах крупных городов и поселков. Центральные власти всячески подчеркивали, что действие поправки не распространяется на племенные области, включенные в 6-е приложение Конституции Республики Индия «Об особом управлении «зарегистрированных племён» штатов Ассам, Мизорам, Трипура и Мегхалая», а также на районы штатов, охваченные особым режимом доступа в рамках *Inner Line Permit*, согласно которому лицам из других регионов (штатов) Индии требуется специальное разрешение для пересечения границ указанных территорий.

Однако, несмотря на заверения властей в отсутствии ущерба для местного населения, ситуация остается напряженной. Продолжение протестных выступлений, в т.ч. со стороны радикально-настроенных элементов, считающих, что поправка представляет прямую угрозу для культурной и лингвистической идентичности коренных племён и народностей, может нарушить стабильный ход экономических и социальных процессов в регионе. Весь опыт развития штатов северо-восточного региона показывает взаимозависимость между поддержанием политической стабильности и факторами социально-экономического развития.

⁸ Инициатива «Действуй на Восток» призвана активизировать восточное направление внешнеполитического курса Республики Индия и укрепить торгово-экономическое, политическое и культурное сотрудничество со странами Юго-Восточной Азии (*прим. авт.*).

⁹ The Sixth Schedule of the Constitution of India. <http://interstatecouncil.nic.in/wp-content/uploads/2016/09/coi-4March2016.pdf> (accessed 15.07.2020)

Контуры нынешней политики в сфере мирного урегулирования конфликтов на северо-востоке обозначились после формулирования премьер-министром страны Н.Моди установки - *sabkasaath, sabkavikas, sabkavishwas* (на яз. хинди - «вместе со всеми, развитие для всех и доверие между всеми»). Её суть состоит в том, что при активном взаимодействии Центра и субъектов федерации подлинное развитие должно охватывать как самые бедные слои и группы общества, так и отсталые регионы и штаты.

В ходе избирательной кампании в законодательные собрания северо-восточных штатов лидеры БДП неоднократно заявляли о своём намерении превратить северо-восток из зависимого от поступлений центра региона в самостоятельный «двигатель роста» индийской экономики. Для выполнения этой задачи центральные власти уделяют особое внимание развитию там промышленного производства.

В 2018 г. кабинет министров одобрил новую «Схему индустриального развития северо-восточного региона, 2017», ориентированную на создание рабочих мест и стимулирование производственного сектора, что делает целесообразным направить государственные капиталовложения на развитие мелкого, малого и среднего предпринимательства. Несмотря на выгодность такого рода финансовых интервенций со стороны государства, известны случаи, когда направляемые средства остаются невостребованными и возвращаются в Дели [15]. Таким образом, важно не только увеличивать финансирование, но и предоставлять условия для эффективного распоряжения полученными ресурсами, т. е. необходимо улучшить ситуацию со сбытом, хранением и транспортировкой товаров, усилить взаимодействие финансовых институтов с предпринимательством и устранить недостаток квалифицированных рабочих кадров на северо-востоке.

Экономические мероприятия в регионе имеют заметный социальный мотив, потому что увеличение темпов роста реальных доходов населения и укрепление институтов местного самоуправления нейтрализуют среду для распространения сепаратистских тенденций в регионе. Однако наращивание темпов экономического роста должно иметь устойчивый характер и сопровождаться качественными изменениями в социальной сфере на базе повышения доступности и качества образования, обеспечения квалифицированной медицинской помощи, постоянного снабжения чистой питьевой водой, в особенности жителей отдалённых сёл и небольших городов, улучшения условий труда.

За последние несколько лет правительство Индии разработало и внедрило ряд важных инициатив и программ, касающихся возведения жилья, телекоммуникаций, сбережения водных ресурсов, здравоохранения, продовольственного обеспечения беднейших слоёв и групп населения. Но они крайне медленно продвигаются в северо-восточном регионе и носят ограниченный характер, охватывая в основном уровень отдельно взятого дистрикта. Слабым элементом в системе остаются механизмы контроля и наблюдения за ходом выполнения программ. Считается необходимым расширить действие социальных схем, чтобы они могли охватить наиболее уязвимые с социальной и экономической точки зрения группы населения, основная часть которого сосредоточена в сельской местности.

Стоит отметить также взаимозависимость между устойчивостью коалиционных формирований в законодательных собраниях и текущими экономическими процессами в северо-восточных штатах.

Как полагают многие эксперты-политологи, грамотное тактическое объединение с ведущими региональными политическими партиями и группировками содействовало успешному выступлению БДП на местных выборах, однако не менее важно добиться прочного взаимодействия внутри штатовского правительства. Чтобы избежать возникновения политических кризисов и использования такой чрезвычайной меры, как введение президентского управления в штатах, руководству БДП понадобится сконцентрировать усилия на поддержании межпартийной сплоченности и проведении скорейших экономических преобразований, в целом направленных на выравнивание социально-экономического развития северо-восточного региона на внутри- и межштатовском уровнях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В подведение итогов нужно сказать о том, что деформация прежних территориальных, экономических и культурных связей в результате раздела 1947 г. предопределил инертный характер развития северо-восточного региона Республики Индия на долгие годы. При этом регион обладает богатыми природными ресурсами, мощным энергетическим потенциалом. Однако пока недостатки, связанные с неразвитостью инфраструктуры и слабой производительной активностью, перевешивают не используемые в полном объёме преимущества, что наглядно показывает незначительная доля северо-востока в ВВП страны (по официальным данным, составляет всего 2,5% [1]).

Формирование штатовских правительств на северо-востоке при участии БДП происходило на фоне общих достижений индийской экономики. Но избрание Н.Моди на второй премьерский срок совпало с началом экономической рецессии, что потребует ускорить действие программ по созданию занятости и привлечению инвестиций в северо-восточные штаты. Степень доступности качественной медицинской помощи и образования, банковских услуг, уровень обеспечения энергией и чистой питьевой водой домохо-

зятий и предприятий, наличие развитой инфраструктурной базы будет служить основным показателем эффективности этих преобразований.

Во время пандемии недостатки в сфере инфраструктурного развития приобрели тревожное звучание, особенно в таких отдаленных районах, как северо-восток страны. Несмотря на сложные условия борьбы с COVID-19 и его последствиями, индийское правительство стремится продолжать преобразования, направленные на раскрытие потенциала развития северо-восточного региона. Реализация этих замыслов сыграет положительную роль в восстановлении экономики в постпандемийный период.

REFERENCES

1. Strategy for New India@75. November, 2018. P. 173. https://niti.gov.in/sites/default/files/2019-01/Strategy_for_New_India_2.pdf (accessed 20.12.2019)
2. Modi promises to carry on Vajpayee's vision for North-East. *The Hindu Business Line*. 22.02.2014 (updated 25.11.2017). <https://www.thehindubusinessline.com/news/Modi-promises-to-carry-on-Vajpayee's-vision-for-North-East/article20730761.ece> (accessed 28.03.2020)
3. Begg Y. Monsoon misery: Assam's annual tryst with floods. *India today*. 20.07.2019. <https://www.indiatoday.in/india/story/monsoon-misery-assam-annual-tryst-with-floods-1571473-2019-07-20> (accessed 30.04.2020)
4. Bogibeel bridge: why it matters. *India today*. 25.12.2018. <https://www.indiatoday.in/fyi/story/bogibeel-bridge-why-it-is-important-1417037-2018-12-25> (accessed 30.04.2020)
5. North Eastern Region Vision 2020. 25.07.2019. Press Information Bureau. Government of India. Ministry of Development of North-East Region. <https://pib.gov.in/Pressreleaseshare.aspx?PRID=1580240> (accessed 01.05.2020)
6. Indo-Bangla Feni river treaty to quench thirst of Tripura town. *North East Now*. 11.10.2019. <https://nenow.in/north-east-news/indo-bangla-feni-river-treaty-to-quench-thirst-of-tripura-town.html> (accessed 01.05.2020)
7. Agartala-Akhaura rail link in September 2021. *Times of India*. 7.02.2020. <https://timesofindia.indiatimes.com/city/agartala/agartala-akhaura-rail-link-in-september-2021/articleshow/74001708.cms> (accessed 17.02.2020)
8. Nag D. India-Bangladesh railway link: North-east infrastructure to get a boost! Project to be ready by 2021. *Financial express*. 10.02.2020. <https://www.financialexpress.com/infrastructure/railways/india-bangladesh-railway-link-north-east-infrastructure-to-get-a-boost-project-to-be-ready-by-2021/1862954/> (accessed 14.02.2020)
9. BJP election manifesto 2019. 44 p. https://timesofindia.indiatimes.com/realtime/BJP_Election_2019_english.pdf (accessed 30.01.2020)
10. Organic farming / eds. M.Kumar Verma, A.Singh, G.Mishra. Bilaspur: Sancalp publication, 2019. 90 p.
11. Sell organic produce without certification till 2020, don't use 'Jaivik Bharat logo': FSSAI tells farmers. *Business today*. 20.05.2019. <https://www.businesstoday.in/current/economy-politics/sell-organic-produce-without-certification-till-2020-do-not-use-jai-vik-bharat-logo-fssai-tells-farmers/story/348313.html> (accessed 11.07.2020)
12. BJP wins Assam Panchayat elections with 42% seats. *NDTV*. 21.12.2018. <https://www.ndtv.com/guwahati-news/bjp-wins-assam-panchayat-elections-with-42-seats-1966422> (accessed 15.07.2020)
13. 'Look East' policy now turned into 'Act East' policy: Narendra Modi. *Economic times*. 13.11.2014. <https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/look-east-policy-now-turned-into-act-east-policy-narendra-modi/articleshow/45136929.cms> (accessed 29.12.2020)
14. Bodo agreement - another success of PM's vision of 'Sabka saath, sabka vikas, sabka vishwas': Shri Amit Shah. 27 January 2020. Press Information Bureau. Government of India. Ministry of Home Affairs. <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1600717>; Bodo Accord 2020: Tripartite accord signed in New Delhi, all NDFB factions and ABSU part of the peace agreement. *North East Now*. 05.03.2020. <https://nenow.in/north-east-news/assam/bodo-accord-2020.html> (accessed 18.07.2020)
15. Funds for MSME Development in North East returning to Delhi. *The Sentinel Assam*. 21.08.2018. <https://sentinelassam.com/top-headlines/funds-for-msme-development-in-north-east-returning-to-delhi/> (accessed 23.03.2020)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Садовникова Яна Олеговна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Yana O. Sadovnikova, PhD (History), Research Fellow, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
05.02.2020

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.03.2021

Принята к публикации (Accepted)
15.03.2021

Китай в экономике Камбоджи: выгодное или опасное партнерство?

© Бурова Е.С.^а, 2021

^а Институт Дальнего Востока РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0003-1047-2573; epylcina@yandex.ru

Резюме. Китай имеет сильное влияние на Камбоджу, которая является его одним из старейших и ближайших союзников. Отношения между двумя странами знали периоды тесной дружбы и открытого противостояния. Однако в настоящее время они как никогда теснее и крепче. Хотя присутствие Китая в Камбодже не ново, степень его нынешнего участия в камбоджийской политике и экономическом развитии ошеломляет. В настоящее время Китай является основным иностранным инвестором Камбоджи, крупным донором и важным торговым партнером.

Китай играет важную роль в развитии Камбоджи. Однако его доминирование окружено рядом противоречий. Хотя китайские инвестиции внесли значительный вклад в экономический рост Камбоджи, положительный эффект от китайских денег не получил широкого распространения среди местного населения. Торговля с Китаем крайне несбалансирована, что ведет к торговому дефициту. Большая часть помощи предоставляется в виде льготных кредитов. Это создает определенные риски попадания Камбоджи в китайскую «долговую ловушку». Изучение основных аспектов экономического влияния Китая на Камбоджу становится все более актуальным в последние годы.

Ключевые слова: Камбоджа, Китай, китайские инвестиции, внешняя торговля, торговые партнеры, официальная помощь развитию (ОПР), китайская «долговая ловушка»

Для цитирования: Бурова Е.С. Китай в экономике Камбоджи: выгодное или опасное партнерство? *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 4. С. 41-47. DOI: 10.31857/S032150750014645-1

China in Cambodia's economy: Beneficial or dangerous partnership?

© Elena S. Burova^а, 2021

^а Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0003-1047-2573; epylcina@yandex.ru

Abstract. China has a strong influence on Cambodia, which is one of China's oldest and closest allies. Relations between the two countries knew periods of close friendship and open confrontation. However, at present, the relationship between them is closer and stronger than ever.

China's presence in Cambodia is not new, the degree of its current involvement in Cambodian politics and economic development overwhelms. China is currently Cambodia's main foreign investor, major donor and important trading partner. China undeniably plays an important role in the development of Cambodia. However, its dominance is surrounded by a number of contradictions.

Chinese investments have significantly contributed to Cambodia's economic growth, but the benefits of Chinese money have not been widely shared with the local population. And yet, China's direct investment to Cambodia is mainly concentrated on the production of low value-added goods and don't contribute to the productivity growth. At the same time, despite regarding China as an important trading partner, trade with it is extremely unbalanced and led to the trade deficit. It creates certain risks of Cambodia falling into the Chinese "debt trap". Moreover, all Chinese aid and loans that go to Cambodia are often criticized for the lack of transparency, accountability and good governance.

The study of the main aspects of China's economic influence on Cambodia, which is gaining more and more influence, is increasingly relevant in recent years.

Keywords: Cambodia, China, Chinese investments, international trade, trade partners, official development assistance (ODA), Chinese "debt trap"

For citation: Elena S. Burova. China in Cambodia's economy: Beneficial or dangerous partnership? *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 4. Pp. 41-47. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750014645-1

ВВЕДЕНИЕ

Китай - большая страна с огромным населением, обширной территорией, государственной мощью, значительно выросшей за 40 лет политики открытых дверей. Развитие Китая оказывает сильное влияние на мир, регион и Камбоджу, которая является одним из старейших и ближайших союзников Китая. Отношения между двумя странами знавали периоды как теснейшей дружбы, так и открытого противостояния [1]. Однако в настоящее время связь между ними теснее и прочнее, чем когда-либо. В последние годы Камбоджа и Китай укрепили свои политические и экономические отношения, которые были выведены на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства в 2010 г. В основе этих отношений лежит тесное сотрудничество Пном Пеня с китайской инициативой «Один пояс - один путь».

Камбоджа - страна, которая еще в относительно недавнем прошлом ассоциировалась с бедностью, политической нестабильностью и конфликтами, в настоящее время является одной из самых динамичных экономик Азии, пополняя ряды «азиатских тигров». На протяжении почти трех десятилетий экономический рост Камбоджи характеризовался высокими темпами роста, заметно превышающими среднемировой уровень. Так, в период 1994-2018 гг. средние темпы прироста ВВП составили 7,8%. Стране удалось увеличить объемы ВВП более чем в 10 раз: в 1993 г. он составлял \$2,5 млрд, в 2019 г. - \$27,1 млрд. Подушевой ВВП возрос с \$254 до \$1643¹. В результате, Всемирный банк официально пересмотрел статус экономики Камбоджи, переведя ее из разряда стран «с низким уровнем дохода» в страну «с доходом ниже среднего».

Существенно трансформировалась и структура экономики - от аграрной к аграрно-индустриальной. В 1993-2019 гг. серьезно изменилось соотношение между секторами общественного производства и услуг. В отраслевой структуре происходило неуклонное сокращение доли аграрного сектора - с 45% до 20,7% ВВП. Одновременно с этим стремительно увеличивался вклад промышленности: в 1993 г. он равнялся 13%, в 2018 г. - 34,2%. Удельный вес сферы услуг также вырос, хотя и незначительно - с 37% до 38,8%¹. Такое увеличение, в т.ч. вклада в ежегодный прирост ВВП, вызвано более высокими темпами роста в этих двух секторах. Данная тенденция приобрела устойчивый характер.

Кроме того, Камбоджа в настоящее время занимает 5-е место среди всех стран по достижению Целей развития тысячелетия. Благодаря высоким темпам экономического роста, Камбоджа стала одним из лидеров в мире по успехам в борьбе с бедностью. Экономический рост Камбоджи имел непосредственного адресата - бедняка. И, таким образом, он привел к существенному снижению уровня бедности, который, в целом по стране, сократился с 47,7% до 12,1% в 1994-2018 гг.

Камбоджийская модернизация опирается на финансово-экономическую мощь Китая и использует технологии, разработанные в Китае. Премьер-министр Камбоджи Хун Сен однажды сказал, что сильный экономический рост страны в последние годы во многом обязан китайским инвестициям и его постоянной технической и финансовой помощи [2]. Его вполне устраивает стратегия Китая в отношении Камбоджи, не раз озвученная представителями внешнеполитического ведомства КНР. Она состоит в том, «чтобы помогать Камбодже поддерживать внутреннюю стабильность, наращивать экономический потенциал и играть большую роль в региональных и международных делах» [3]. Премьер-министр Камбоджи редко упускает возможность поблагодарить своих китайских коллег и похвалить «безусловную» поддержку, которую оказывает Китай.

Основными направлениями взаимодействия стали создание экономической и социальной инфраструктуры, торговля, инвестиции, туризм, а также помощь развитию.

КИТАЙ: КЛЮЧЕВОЙ ИНОСТРАННЫЙ ИНВЕСТИТОР

В настоящее время Китай является главным иностранным инвестором Камбоджи, крупным донором и важным торговым партнером.

Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) рассматриваются в Пном Пене в качестве одной из ведущих движущих сил экономического развития Камбоджи. После восстановления мира и стабильности в 1993 г. Камбодже удалось создать хорошие условия для привлечения ПИИ, их объем неуклонно возрастал. Если в 1993 г. было получено немногим более \$7 млн по линии ПИИ, то в 2019 г. - \$3,6 млрд. Основной тенденцией стало увеличение их доли в ВВП - с 0,35% до 13,3%².

В последние несколько лет произошел беспрецедентный приток китайских инвестиций в камбоджийскую экономику. Страны подписали Соглашение об избежании двойного налогообложения с Китаем, которое вступило в силу 1 января 2019 г., что дополнительно улучшило условия ведения бизнеса в Камбодже [4]. Прямые инвестиции Китая в Камбодже выросли как по количеству проектов, так и по их масштабам. В 2018 г. на его долю приходилось 26% общей суммы ПИИ, превосходя совокупный вклад стран АСЕАН (25%) и заметно опережая других ведущих инвесторов - Южную Корею (8%) и Японию (6%).

Наряду с ростом притока китайского капитала в Камбоджу происходит его концентрация и в основных отраслях хозяйства. Традиционными сферами приложения инвестиций из Китая являются текстильная и швейная промышленность, где на него приходится 90% капитала. Эти отрасли стали основным двигателем камбоджийской экономики и главными поставщиками продукции на экспорт [5]. На них приходится 72% всех поставок за рубеж. Рост текстильной продукции позволил занять видные позиции, сделав Камбоджу 9-й по объемам поставок одежды в мире, уступая Китаю, Бангладеш, Вьетнаму, Индии, Турции, Великобритании, Испании и Индонезии [6].

С 2000-х гг. наметилась тенденция концентрации китайского капитала в энергетическом секторе и разработке природных ресурсов (см. *граф.* 1). Так, порядка 92% инвестиций в энергетике Камбоджи прихо-

¹ ASEAN STATs. <https://data.aseanstats.org>(accessed 18.12.2020)

² Ibidem.

дится на КНР. Пекин проинвестировал 7 проектов строительства гидроэлектростанций, которые в совокупности способны обеспечить половину всех потребностей Камбоджи в электроэнергии.

Китайские инвестиции в электроэнергетику являются важнейшим фактором повышения ее международной конкурентоспособности. Камбоджа существенно превосходит по ценам на электроэнергию своих соседей [7]. Китай также активно вкладывает средства в крупные инфраструктурные проекты, в такие как камбоджийский участок Транс-АСЕАНовской железной дороги, скоростную трассу между Пном Пенем и Сиануквилем.

Пекин финансирует и проекты в сельском хозяйстве, туризме, телекоммуникациях и строительстве. Среди иностранных инвесторов Камбоджи китайские компании получили второе по величине количество сельскохозяйственных концессий после Вьетнама³. Их деятельность нередко окутана скандалами и конфликтами, связанными с незаконной вырубкой леса, нарушением прав земельной собственности и земельными конфликтами, которые находятся в центре внимания СМИ и «зеленых» организаций.

Любопытно отметить, что Китай обещает гораздо больший объем инвестиций, чем на деле вкладывает. Об этом свидетельствует существенное расхождение между одобренными и реализованными инвестициями (см. *граф. 1*).

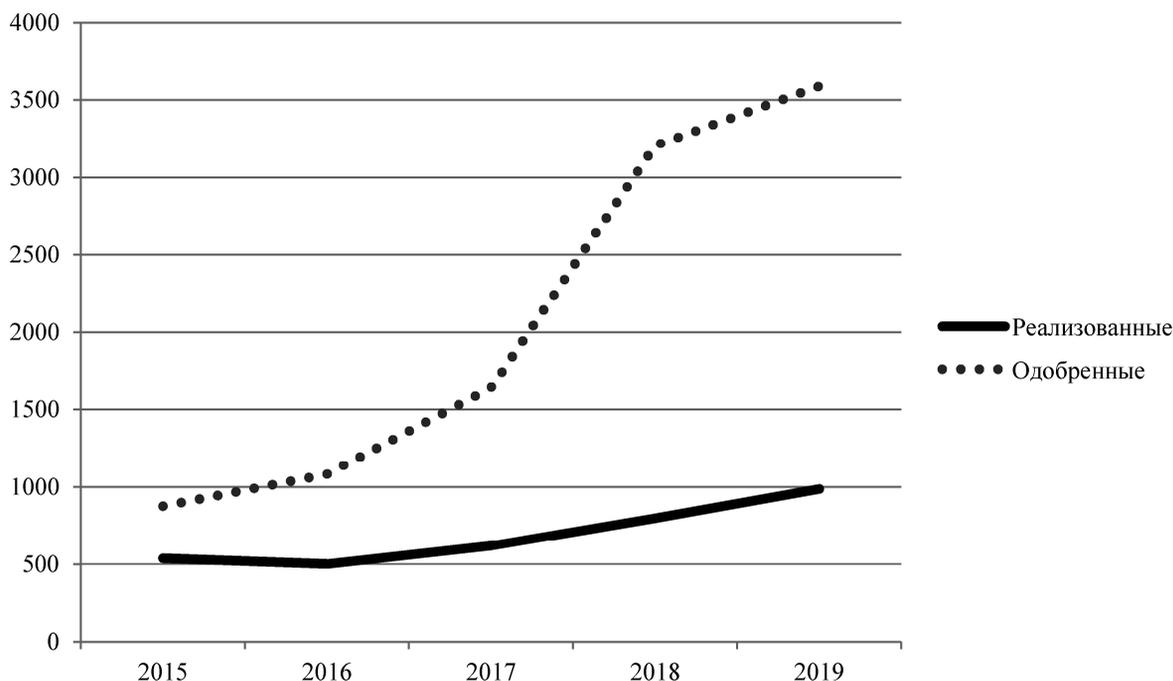


График 1. Одобренные и реализованные китайские инвестиции (\$ млн).

Graph 1. Chinese approved and realized FDI in Cambodia (\$ mln).

Источник: Investment trend. The Council for the development of Cambodia (CDC); ASEAN STATs.

В свою очередь, камбоджийские власти оперируют преимущественно данными по одобренным инвестициям, публикуя их в отчетах Совета по развитию Камбоджи, который является высшим руководящим органом страны, отвечающий за инвестиции. Эти цифры часто цитируются в средствах массовой информации и дают неточную картину того, сколько именно инвестиций в действительности поступает в Камбоджу, в частности, из Китая, тем самым завышая роль последнего в инвестиционном процессе страны.

Хотя китайские инвестиции внесли значительный вклад в экономический рост Камбоджи, положительный эффект от китайских денег не получил широкого распространения среди местного населения. Иностранные инвестиции могли бы потенциально принести выгоду местному населению, создавая рабочие места, принося доход за счет аренды земли, налогообложения и экспортных пошлин, а также способствуя развитию промышленности, созданию инфраструктуру. За счет чего камбоджийцы пользовались бы преимуществами улучшенной инфраструктуры, новых методов ведения сельского хозяйства и доступа к рынкам, которые открыты для новых инвесторов.

На практике же китайские инвестиции дают весьма неоднозначные результаты. В сельском хозяйстве, например, которое является стратегической отраслью камбоджийской экономики⁴, правительство приняло

³ <http://www.cambodiainvestment.gov.kh/why-invest-in-cambodia/investment-environment/investment-trend.html> (accessed 17.12.2020)

⁴ В последние 10 лет производственные способности камбоджийского аграрного сектора позволили не только обеспечить население необходимым продовольствием, но и войти в топ ведущих экспортеров ряда продукции, например, риса (*прим. авт.*).

концессионную модель в качестве средства для привлечения иностранных инвестиций, но это привело лишь к широко распространенным земельным спорам, спекуляциям и обезлесению, и, по-видимому, большой процент концессий фактически не был использован для продуктивного сельскохозяйственного использования. Китайские компании все чаще выстраивают отношения с чиновниками и местными бизнес-элитами, а не с сообществами, где расположены проекты. В ряде случаев это приводит к враждебности, и, в частности, репутация Китая среди населения сильно страдает отчасти из-за деловой практики китайских компаний.

Подобная ситуация наблюдается и в других секторах экономики. Нередко вместо того, чтобы нанимать местных работников, многие китайские компании, как правило, импортируют их из Китая, что вызывает негодование среди камбоджийцев. Китайские компании предпочитают китайских рабочих: им легче работать с ними, они используют один и тот же язык и трудовую этику. Таким образом, КНР фактически лишает экономику страны потенциальных рабочих мест.

Многие китайские инвестиции, особенно в гидроэнергетику, не имеют прозрачности, не соответствуют международным стандартам и наносят непоправимый экологический ущерб. Правозащитники часто обвиняют текстильные и обувные фабрики, принадлежащие китайскому капиталу, в нарушении прав трудящихся, сообщая о неоплачиваемой сверхурочной работе, принудительных вычетах из заработной платы, а также крайне редкие отпуска по болезни.

Прямые инвестиции Китая в Камбоджу сконцентрированы, в основном, на производстве товаров с низкой добавленной стоимостью, производительность труда на них невысокая.

КИТАЙ: ВАЖНЫЙ ТОРГОВЫЙ ПАРТНЕР

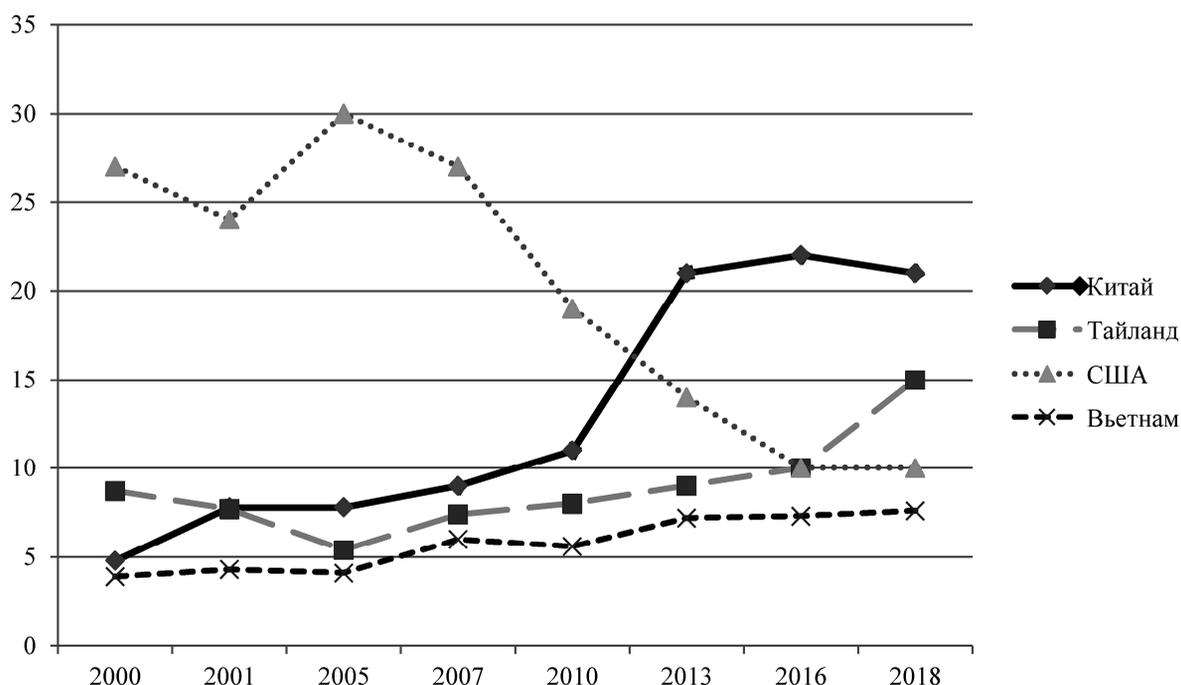


График 2. Ведущие партнеры в торговом обороте Камбоджи (%).

Graph 2. Leading partners in Cambodia's trade turnover (%).

Источник: ASEAN STATs. <https://www.aseanstats.org>

Роль внешней торговли в экономике Камбоджи необычайно высока. В последние годы внешнеторговый товарооборот существенно вырос. В 2013 г. этот показатель составил \$14,9 млрд, а к 2019 г. достиг \$34,6 млрд. Среднегодовые темпы роста торгового оборота весьма динамичны - 19%. О высокой степени зависимости экономики Камбоджи от внешней торговли говорит показатель соотношения торгового оборота к ВВП: в 2010-2019 гг. он колебался от 110 до 130%⁵.

Внешняя торговля Камбоджи во многом зависит от ее лидирующих партнёров (см. *граф. 2*) [8]. Об этом говорит среднее значение индекса Херфендаля-Хиршмана⁶, который составил 1050 в 2019 г. Таким образом, география камбоджийского экспорта достаточно концентрирована.

⁵ ASEAN STATs...

⁶ Индекс Херфендаля-Хиршмана - показатель рыночной концентрации. Шкала оценивания индекса: менее 1000 - низкая, 1000-1800 - средняя, 2000 и более - высокая степень концентрации (*прим. авт.*).

Китай быстро наращивал свои позиции в качестве внешнеторгового партнера Камбоджи. В 2000-2019 гг. среднегодовые темпы роста двусторонней торговли достигли 28%. Вместе с этим возросли абсолютные значения ее объема - с \$136,5 до \$8542,9 млн (см. табл.). Доля КНР во внешнеторговом обороте Камбоджи увеличилась с 3,9% до 24,7%, и Китай стал самым крупным торговым партнером, опередив по этому показателю США (13,6%), Таиланд (10,4%) и Вьетнам (8,8%)⁷.

Таблица. Динамика двусторонней торговли между Камбоджей и Китаем
Table. Dynamics of bilateral trade between Cambodia and China

Годы	\$ млн			Доля КНР во внешней торговле
	Экспорт	Импорт	Всего	
2000	23,78	112,75	136,53	3,9%
2005	14,24	423,51	437,74	7,8%
2010	64,93	1184,89	1249,82	11,3%
2012	178,03	2227,75	2405,78	18,1%
2014	356,60	3710,09	4066,68	24,0%
2016	609,48	4550,95	5160,42	22,1%
2018	1050,95	5193,21	6244,16	20,7%
2019	1015,18	7527,73	8542,92	24,7%

Источник: ASEAN STATs. <https://www.aseanstats.org>

Торговые отношения между Камбоджей и Китаем отличаются крайней несбалансированностью. Активный рост объема двусторонней торговли обеспечивается, прежде всего, китайскими поставками, на которые приходится львиная доля товарооборота. Разнообразие китайских товаров и подходящие цены отвечают потребностям населения. Камбоджа импортирует слишком много, и этот дефицит неуклонно растет, поэтому не удастся сократить торговый дефицит и улучшить структуру торговли. В краткосрочной перспективе Камбоджа не сможет улучшить эту ситуацию, т.к. самый высокий общий объем импорта связан с машинами, оборудованием и производственным сырьем, которых в стране нет. Капиталовложения китайских предприятий в последние годы также повышают потребности в импорте сырья из Китая.

Однако в последние годы наметилась тенденция к увеличению вклада и камбоджийского экспорта во взаимную торговлю. Так, он увеличился с 3,2% до 11,8% в 2005-2019 гг., а доля китайского импорта в двустороннем товарообороте сократилась - с 96,7% до 88,1%⁸.

В структуре камбоджийского экспорта заметные, но не лидирующие, позиции занимает сельскохозяйственное сырье, а именно древесина и лесоматериалы, каучук, кешью, табак, маниока - 15%. По мере развития обрабатывающих мощностей в аграрном секторе, в т.ч. с помощью китайского капитала, в камбоджийские поставки в Китай заметный вклад вносит рис премиального качества - 10%⁹.

В 2020 г. Китай стал первым по объему импорта камбоджийского риса. На него приходится 41,9% всех его поставок из Камбоджи [9]. Следует отметить, что до 2019 г. эти поставки были ориентированы преимущественно на рынок ЕС и практически беспрошленно. Однако в начале 2019 г. власти Евросоюза сообщили о решении ввести импортные пошлины сроком на 3 года. Это решение было принято по итогам расследования, инициированного Еврокомиссией, в ходе которого было установлено, что за предыдущие 5 сезонов совокупный объем поставок риса из Камбоджи в Евросоюз вырос на 89%. При этом цены на поставляемый рис были существенно ниже, чем на рынке ЕС. На фоне такого резкого увеличения поставок доля рынка европейских производителей в ЕС упала с 61% до 29%. И ЕС ввел импортные пошлины, которые в первый год составили 175 евро/т риса, во второй - 150 евро/т, в третий - 125 евро/т¹⁰. В сложившейся ситуации Китай протянул руку помощи и предоставил импортные квоты камбоджийским производителям в 100 тыс. т, которая была в 2019 г. увеличена до 400 тыс. т, обеспечивая им гарантированный рынок сбыта.

В структуре камбоджийского экспорта услуг доминирует туризм, на долю которого приходится 73%, или \$4,7 млрд¹¹. И этот показатель остается на неизменно высоком уровне с 2000 г. В последние годы самыми многочисленными туристами стали приезжие из Китая - в 2018 г. 2,02 млн, или 41,1% всех посетивших Камбоджу¹². По этому показателю Китай заметно ушел вперед от других основных посетителей стра-

⁷ ASEAN STATs...

⁸ Ibidem.

⁹ FAOSTAT. <http://www.fao.org/faostat/en/#data/TP> (accessed 15.11.2020)

¹⁰ Radio Free Asia. EU to Tax Cambodian, Myanmar Rice After Probe Finds Import Increases Hurt Local Producers, 17.01.2019 <https://www.rfa.org/english/news/cambodia/rice-01172019171046.html>

¹¹ ASEAN STATs...

¹² Ministry of Tourism of Cambodia. <https://www.tourismcambodia.com/tourist-information/tourist-statistic.htm> (accessed 12.09.2020)

ны - Вьетнама (800 тыс.), Лаоса (426 тыс.), Таиланда (382 тыс.), Южной Кореи (301 тыс.), США (250 тыс.), Японии (203 тыс.), Малайзии (201 тыс.), Франции (170 тыс.) и Великобритании (162 тыс.)¹³.

При этом туризм играет важную роль экономического драйвера в экономике страны. Его вклад в ВВП составил 35%, а динамичное развитие с ежегодными темпы роста в 15% позволило сократить торговый дефицит и отрицательную долю чистого экспорта в ВВП, несомненно, оказывая положительное воздействие на экономическое развитие страны. Так, в 2000-2018 гг. чистый экспорт сократился с -11,1% до -1,3% ВВП¹⁴. Роль Китая в этом процессе неоспоримо высока.

КИТАЙ: ВЕДУЩИЙ ДОНОР КАМБОДЖИ

Немаловажную роль в развитии Камбоджи играет официальная помощь развития (ОПР), которую страна получает на регулярной основе с 1992 г. Ее объемы неуклонно увеличивались, достигнув в 2014 г. своего максимума в \$837 млн¹⁵. После чего ОПР начала сокращаться.

Самым крупным донором в последние годы стал Китай. Его помощь возросла с \$2,6 млн до \$503,9 млн¹⁶, а ее доля увеличилась с 0,6% до 51,1% в к 2019 г. Характерной тенденцией стало неуклонное увеличение китайской помощи на фоне существенного ее снижения со стороны других стран, а также Международных организаций, финансовых институтов и НПО.

Большая часть помощи предоставляется в форме льготных кредитов, на которые приходится 96%, что создает определенные риски попадания Камбоджи в китайскую «долговую ловушку». В 2019 г. сумма кредитных обязательств Китаю превысила \$7 млрд, или почти 26% ВВП. Более того, вся китайская помощь и кредиты, которые поступают в Камбоджу, чаще всего подвергаются критике за отсутствие прозрачности, подотчетности, надлежащего управления.

Тем не менее, власти Камбоджи по этому поводу несколько не обеспокоены, уверяя, что массивная финансовая поддержка со стороны Пекина не ставит под угрозу независимость Пном Пеня, более того - способствует развитию [10]. Заимствования осуществляются в соответствии с нуждами страны под низкие проценты и на длительное время. К тому же камбоджийские власти прибегают к займам и помощи не только со стороны Китая, а стараются балансировать между различными странами и фондами.

Однако Китай, в отличие от других стран, финансирует необходимые проекты без выставления различных условий (соблюдение прав человека, обеспечение демократии и пр.). К примеру, в 2018 г. США приостановили ряд программ помощи в связи с их озабоченностью нарушениями демократии в Камбодже¹⁷. Причиной стал роспуск главной оппозиционной партии и обвинения ее лидера в государственной измене накануне предстоящих выборов, в результате которых правящая партия получила почти 80% мест в Национальную ассамблею. Итог выборов был поставлен под сомнения Вашингтоном и Брюсселем.

Правительство Камбоджи поэтому тепло приветствует «безусловную» китайскую помощь. Тем не менее, очевидно, что Китай предоставляет ее далеко не только по причинам добрососедской дружбы. Его инициативы являются частью усугубляющегося соперничества за доминирование в регионе с другими странами, прежде всего США. И хотя власти Камбоджи уверяют, что они балансируют в вопросах помощи между различными партнерами, а камбоджийские специалисты сравнивают Камбоджу с «птицей, для полета которой нужны два крыла, одно из них - Китай, а другое - США» [1], тем не менее, тенденции и статистика заставляет обеспокоиться, обнажая риск застрять на «кредитном крючке» Китая.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Камбоджа превратилась в надежного союзника Пекина с тех пор, как стало очевидно существование взаимных выгод. Для Китая любое государство, которое поддерживает и продвигает его региональную стратегическую программу, активно приветствуется как друг, независимо от того, кто стоит у руля. Камбоджа, в свою очередь, осознает потенциальную полезность Китая в развитии ее экономики, необходимость во внешних источниках финансирования, которые поступают без каких-либо условий, а также объемных рынках сбыта своей продукции.

Однако возрастающее присутствие Китая в экономике Камбодже окружено рядом противоречий. С одной стороны, китайские инвестиции и помощь способствовали развитию ведущим отраслям камбоджий-

¹³ Ibidem.

¹⁴ The World Bank Data. <https://data.worldbank.org/indicator/DT.ODA.ODAT.CD?locations=KH> (accessed 10.12.2020)

¹⁵ ODA.Cambodia Database.Council for the development of Cambodia (CDC). http://odacambodia.com/Reports/reports_by_updated.asp?status=0 (accessed 15.12.2020)

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ BBC. US cut Cambodia aid over democracy concerns. 27.02.2018. <https://www.bbc.com/news/world-asia-43217043> (accessed 22.06.2020)

ской экономики, таким как текстильная промышленность и туризм, которые стали драйверами экономического развития на десятилетия; помогли созданию инфраструктуры и энергетики, тем самым повышая конкурентоспособность страны, привлекая дополнительные инвестиции и снижая себестоимость продукции. В то же время быстрая динамика развития двусторонней торговли способствует экономическому росту, обеспечивает население страны необходимыми товарами и оборудованием

С другой стороны, за внушительными денежными вливаниями скрываются также социальные, экологические и политические последствия. В этих условиях продолжающийся рост инвестиций может обогатить компании, политиков и чиновников, но это не приводит к автоматическому повышению уровня жизни населения. В стране необходимо провести фундаментальное переосмысление и переориентацию качества инвестиций над количеством инвестиций.

Вместе с тем, нарастающая быстрыми темпами кредитная задолженность страны перед Китаем, даже несмотря на пока относительно безопасный ее уровень и льготную систему предоставления финансовых средств на длительный период, вызывает серьезную озабоченность.

В то время как инвестиции и помощь крайне необходимы для экономического развития, беспристрастный подход Китая к тому, как расходуются средства, усугубляет коррупцию, подрывает управление, способствует разрушению ресурсов и экосистемы Камбоджи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Бектимирова Н.Н. Традиционные факторы во внешней политике Камбоджи на современном этапе. *Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития*. 2015. Вып. XXVI, с. 114-137.
Bektimirova N.N. 2015. Traditional Factors in Cambodia's Foreign Policy at the Present Stage. *South East Asia: Actual Problems of Development*. Issue XXVI. Moscow. (In Russ.)
2. China's aid contributes greatly to Cambodia's economic growth. *China Daily*, 02.02.2012. http://www.chinadaily.com.cn/bizchina/2012-02/02/content_14524531.htm (accessed 25.05.2020)
3. Бектимирова Н.Н. «Китайский фактор» в российско-камбоджийских отношениях. *Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития*. 2017. Вып. XXXIV, с. 156-170.
Bektimirova N.N., 2017. The "Chinese factor" in Russian-Cambodian relations. *South East Asia: Actual Problems of Development*. Issue XXXIV. Moscow. (In Russ.)
4. Cambodia Investment Guide 2019. DFDL, Phnom Penh 2019, p. 61.
5. Пыльцина Е.С. Основные источники экономического роста Камбоджи в период 1993-2009 гг. *Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития*. 2012. Вып. XVIII, с. 152-160.
Pyltsina E.S. 2012. The main sources of economic growth in Cambodia in the period 1993-2009. *South East Asia: Actual Problems of Development* Issue XVIII. Moscow. (In Russ.)
6. De Coster J. Cambodia's garment industry resilience put to the test. Just-Style Apparel Sourcing Strategy. 26.09.2019. https://www.just-style.com/analysis/cambodias-garment-industry-resilience-put-to-the-test_id137004.aspx (accessed 09.07.2020)
7. Zhou L. Are Chinese-funded dams on the Mekong River washing away Cambodian livelihoods? *South China Morning Post*, 31.03.2018. <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2139751/are-chinese-funded-dams-mekong-river-washing-away> (accessed 25.05.2020)
8. Бурова Е.С. Приграничная торговля Камбоджи с Вьетнамом и ее экономические эффекты. 2018. *Вьетнамские исследования*. № 4, 30-42.
Burova E.S. 2018. Cross-border trade between Cambodia and Vietnam and its impact on the economic development. *Vietnamese Studies*. Issue 4. Moscow. (In Russ.)
9. សុខចាន់, ក្រសួងកសិកម្ម រុក្ខាប្រមាញ់ និងនេសាទ។ (Sok Chan. Ministry of Agriculture uploads the export data for 2020. *Khmer Times*. January 5, 2021. (In Khmer). <https://www.khmertimeskh.com/50800742/%E1%9E%80%E1%9E%9A%E1%9E%9F%E1%9E%84%E1%9E%80%E1%9E%9F%E1%9E%80%E1%9E%98%E1%9E%98%E1%9E%94%E1%9E%84%E1%9E%A0%E1%9E%89/>
10. Venzon C., Cambodia's Hun Sen quashes fears of Chinese "debt trap". *Nikkei Asia*. May 30, 2019. <https://asia.nikkei.com/Spotlight/The-Future-of-Asia-2019/Cambodia-s-Hun-Sen-quashes-fears-of-Chinese-debt-trap>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бурова Елена Сергеевна, научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Дальнего Востока РАН, Москва, Россия.

Elena S. Burova, Researcher, Center for Vietnam and ASEAN Studies, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
15.01.2020

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.02.2021

Принята к публикации (Accepted)
16.03.2021

Председательство Вьетнама в АСЕАН в 2010 и 2020 гг.: итоги и перспективы

© Вершинина В.В.^a, 2021

^a Московский государственный институт международных отношений МИД России, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-7848-8497; hanoivaleria@gmail.com

Резюме. Вьетнам вступил в АСЕАН в 1995 г. и сегодня является её признанным членом. Сотрудничество с Ассоциацией, как и с отдельными странами, входящими в её состав, всегда являлось приоритетным направлением многовекторной внешней политики Вьетнама. За 25 лет своего членства в АСЕАН он выступал её председателем трижды в 1998 г., в 2010 и 2020 гг. На посту председателя СРВ выступала с различными инициативами, направленными как на институциональное развитие Ассоциации, так и на укрепление её центральной роли в рамках формирующейся архитектуры безопасности в АТР. Представляется актуальным проследить, как менялась повестка Вьетнама в ходе последних двух его председательств в АСЕАН в 2010 и 2020 гг. В представленной статье рассмотрены программы председательств СРВ в АСЕАН в указанные годы, проведен их сравнительный анализ, и обозначены основные различия. Председательство Вьетнама в 2010 г. было больше сосредоточено на укреплении его позиций в организации, повышении международного престижа страны, снижении разрыва в уровнях развития стран-членов Ассоциации и расширении сотрудничества с диалоговыми партнерами АСЕАН. Однако в 2020 г. в условиях вспышки коронавирусной инфекции приоритетное значение для председателя приобрела разработка общерегиональных подходов ктакого рода вызовам. Фокус сместился в сторону развития цифровых технологий, укрепления позиций АСЕАН на мировой арене и внутренних реформ Ассоциации. Анализ повестки председательства Вьетнама в АСЕАН в 2020 г. показывает, что, СРВ является уже не «новичком» объединения, а членом, который намерен усилить своё влияние в рамках данной региональной организации.

Ключевые слова: ЮВА, АСЕАН, Вьетнам, СРВ, дипломатия, внешняя политика

Для цитирования: Вершинина В.В. Председательство Вьетнама в АСЕАН в 2010 и 2020 гг.: итоги и перспективы. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 4. С. 48-53. DOI: 10.31857/S032150750011598-9

Vietnam's ASEAN Chairmanship in 2010 and 2020: Outcomes and prospects

© Valeria V. Vershinina^a, 2021

^a Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),
Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-7848-8497; hanoivaleria@gmail.com

Abstract: Vietnam is a well-recognized member of the Association of the Southeast Asian Nations (ASEAN) since 1995. One of the key priorities of Vietnam's multifaceted foreign policy is its cooperation with ASEAN and member-states. Vietnam was an ASEAN Chair three times (1998, 2010, and 2020). As an ASEAN Chair, the Socialist Republic of Vietnam proposed a number of different initiatives aimed at ASEAN's institutional development as well as at strengthening the central role of the Association in the emerging security architecture in the Asia Pacific Region.

The article makes a comparative analysis of Vietnam's ASEAN agendas in 2010 and 2020. The author concludes that the Vietnam's ASEAN chairmanship in 2010 was focused on strengthening its position within the organization and aimed at promoting a country's international image. It also included enhancing cooperation between ASEAN and its dialogue partners, and taking measures to reduce the development gap between ASEAN member-states. However, the COVID-19 pandemic took over the agenda in 2020.

Nevertheless, Vietnam included such points as the digital economy, ASEAN position in international affairs, and internal reforms of the Association in its recent agenda. It indicates that Vietnam is no longer a "newcomer" in ASEAN and it intends to strengthen its role in it while finding appropriate solutions to the new challenges.

The author concludes that the key priority of Vietnam is to maintain the Association as a strong, cohesive and effective organization that can face current challenges and adopt to new conditions of the world development. The main goal of ASEAN in Vietnam's perception is to ensure the regional peace and stability under which small and middle powers can regulate its asymmetric relations with major regional powers and create a favourable environment for economic developments of the individual ASEAN member-states and the whole Southeast Asia region.

Keywords: Southeast Asia, ASEAN, Vietnam, chairmanship

For citation: Valeria V. Vershinina. Vietnam's ASEAN Chairmanship in 2010 and 2020: Outcomes and prospects. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 4. Pp. 48-53. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750011598-9

Отношения Социалистической Республики Вьетнам (СРВ) с Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) носят стратегический характер, т.к. непосредственно влияют на безопасность и стабильное раз-

вите страны. В связи с этим Вьетнам заинтересован не только в расширении сотрудничества с соседними странами региона и в поддержании АСЕАН в качестве солидарной и единой Ассоциации, но и в повышении собственной роли в рамках этой интеграционной организации.

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ ОТНОШЕНИЙ ВЬЕТНАМА И АСЕАН

Тем не менее, еще в середине 1970-х гг. Вьетнам и АСЕАН находились в состоянии конфронтации. Ханой официально не признавал АСЕАН и расценивал её как продукт американской экспансионистской политики и вмешательства США в дела региона. АСЕАН же стремилась реализовать тактику двойного балансирования, при удачном исходе которой Вьетнам препятствовал бы реализации традиционных экспансионистских устремлений Китая в Юго-Восточной Азии (ЮВА), а полпотовская Кампучия, выступавшая с антивьетнамскими лозунгами, сдерживала бы Ханой от планов «экспорта революции» в ЮВА [1, с. 57].

Отношения Вьетнама и АСЕАН были нормализованы с решением «камбоджийской проблемы» на рубеже 1980-1990-х гг., и для Вьетнама асеановское направление стало приобретать все более важное значение во внешней политике. С его развитием в Ханое связывали, в первую очередь, выход СРВ из международной изоляции, в которой она оказалась в результате конфликта в Камбодже, а также широкомасштабное подключение к системе торгово-экономического взаимодействия как в ЮВА, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) [2, с. 76].

На сегодняшний день СРВ рассматривается в качестве неотъемлемого и полноправного члена объединения, имеющего весомый голос и способного предложить ряд инициатив, направленных на развитие и укрепление Ассоциации.

За 25 лет своего членства в АСЕАН Вьетнам председательствовал трижды - в 1998, 2010 и 2020 гг. При этом, в зависимости от конкретных исторических и политических условий, в рамках каждого председательства формулировались разные задачи. Особый интерес представляют последние два, поскольку к этому времени Вьетнам накопил определенный опыт и разработал отлаженный механизм взаимодействия как с отдельными странами-членами Ассоциации, так и с самой организацией, в целом.

Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение и сравнение председательств Вьетнама в 2010-м и в 2020 гг. позволяет не только выявить общие принципы внешней политики Вьетнама, но и проследить динамику изменений в политических и экономических процессах на пространстве Юго-Восточной Азии, а также рассмотреть эволюцию внешнеполитической стратегии Вьетнама в АСЕАН.

ПОВЕСТКА-2010 И...

Председательство Вьетнама в АСЕАН в 2010 г. символизировало завершение этапа адаптации Вьетнама к структуре АСЕАН и создавало условия для еще большего укрепления его позиций в Ассоциации. В 2010 г. исполнилось 15 лет со дня его официального вступления в состав объединения, а столица Вьетнама, Ханой, праздновала 1000-летнюю годовщину со дня своего основания.

Перед вьетнамской дипломатией стояла важная задача конвертировать накопленный за годы членства Вьетнама в АСЕАН опыт в выгодные для страны результаты. Необходимо было продемонстрировать партнерам по Ассоциации, что он имеет собственные интересы и инициативы, которые Ханой в состоянии предложить и реализовать.

Следует отметить, что в 2010 г. высшее руководство СРВ состояло по большей части из представителей т.н. «реформаторского» крыла Коммунистической партии Вьетнама (КПВ), возглавляемого премьер-министром Нгуеном Тан Зунгом, активно выступавшим за региональную интеграцию и торговую либерализацию [3].

Обозначенные Вьетнамом приоритеты председательства в 2010 г. включали: формирование Сообщества АСЕАН к 2015 г.; реализацию целей и принципов Устава АСЕАН; укрепление центральной роли Ассоциации в регионе и развитие отношений с диалоговыми партнерами; противодействие глобальными вызовам безопасности; формирование позитивного имиджа Вьетнама на международной арене¹.

Лозунгом председательства Вьетнама в АСЕАН стал: «К Сообществу АСЕАН: от общего видения к действиям» (*Towards the ASEAN Community: from Vision to Action*)². Можно предположить, что такой выбор был сделан, исходя из тех условий, в которых тогда находилась АСЕАН.

¹ Vietnam as ASEAN Chair: Towards the ASEAN Community: from Vision to Action (In Viet.). http://www.mofahcm.gov.vn/vi/mofa/ctc_quocte/un/nr090311103654/nr090311141943/nr090311143408/ns100322145902 (accessed 22.07.2020)

² Remarks by H.E. Prime Minister Nguyen Tan Dung at the Closing Ceremony of the 17th ASEAN Summit and Related Summits. https://asean.org/?static_post=statement-by-he-mr-nguyen-tan-dung-at-the-opening-ceremony-of-the-17th-asean-summit-and-related-summits (accessed 22.07.2020)

К 2010 г. Ассоциация уже сформировала внутреннюю структуру и стала центральным элементом интеграционных процессов всего региона АТР. Основным итогом процесса институционализации организации стало принятие в 2007 г. Устава АСЕАН, определявшего рамки и направленность интеграционных процессов внутри организации, а также ее сотрудничества с другими субъектами и институтами международного права.

К числу успешных и, в целом, реализованных вьетнамских инициатив за период председательства в 2010 г. следует отнести запуск механизма Совещаний министров обороны государств-членов АСЕАН (СМОА) с диалоговыми партнерами (СМОА+)³, расширение состава Восточноазиатского саммита (ВАС)⁴ за счет участия в нем России и США, присоединение Канады и Турции к Договору 1976 г. о дружбе и сотрудничестве в ЮВА, а также вступление в силу соглашения о свободной торговле между АСЕАН, Австралией и Новой Зеландией.

В то же время высшее руководство СРВ не забывало и о своих ближайших соседях и неоднократно подчеркивало необходимость учета интересов «северного крыла» (Камбоджа, Лаос, Мьянма). Ханой исходил из того, что одной из первоочередных задач АСЕАН является сокращение разрыва в уровнях социально-экономического развития между странами-членами объединения. Во многом именно благодаря его усилиям разработанные в начале 2000-х гг. документы - Ханойская программа действий и Ханойская декларация о сокращении разрыва в уровне социально-экономического развития⁵ стали своего рода стратегическими проектами Ассоциации.

В целом, председательство Вьетнама в 2010 г. было в большей степени сосредоточено на укреплении собственных позиций в регионе и в самом объединении, повышении международного престижа страны.

ПОВЕСТКА-2020

Вьетнам, закрепив своё положение и став лидером «северного крыла» объединения, все больше ориентировался на интересы Ассоциации в целом, ставя во главу угла решение насущных региональных проблем и учет потребностей АСЕАН. По мнению проф. Ральфа Эммерса (Сингапур) и Хыонг Ле Тху (Австралия), Вьетнам сегодня претендует на «секторальное» лидерство в АСЕАН в сфере безопасности и по вопросам территориальных споров в Южно-Китайском море (ЮКМ) [4]. В зависимости от геополитической ситуации, а также при условии признания другими странами-членами АСЕАН за Вьетнамом этой роли, можно говорить о постепенном возрастающем влиянии Ханоя в ряде сфер сотрудничества с Ассоциацией, которое формирует особый лидерский профиль СРВ в Ассоциации.

Анализируя повестку председательства Вьетнама в 2020 г., следует отметить, что этот год ознаменовал 25-летие со дня вступления Вьетнама в состав организации. Он стал рубежным в подведении итогов реализации дорожной карты «Видение Сообщества АСЕАН 2025», принятой в ноябре 2015 г., согласно которой с 2015 г. под эгидой Ассоциации действуют три сообщества: Сообщество в сфере политики и безопасности, Экономическое и Социокультурное [5].

Председательство Вьетнама в 2020 г. прошло под лозунгом - «Сплоченная и оперативно реагирующая на современные вызовы АСЕАН» (*Cohesive and Responsive ASEAN*) [6]. Этот лозунг отражает сегодняшнее положение дел в АТР. Стремительно набирающая популярность концепция «Индо-Тихоокеанского региона»⁶, военно-политическое и торговое соперничество США и Китая, появление новых нетрадиционных вызовов безопасности и экономические последствия вспышки коронавируса *COVID-19* требуют от Ассоциации еще большей консолидации и своевременной реакции на те вызовы и угрозы, с которыми она сталкивается сегодня. Иными словами, предложенный лозунг подразумевает способность АСЕАН адаптироваться к новым сложившимся условиям в мире и в регионе.

Сравнительный анализ приоритетов, заявленных Вьетнамом в 2010 и 2020 гг., приводится в *таблице*.

Вопросы региональной безопасности остаются константой в повестке дня АСЕАН, включая их обсуждение в рамках таких АСЕАН-центричных механизмов, как Региональный форум АСЕАН (АРФ), Восточноазиатский саммит (ВАС), Совещание министров обороны АСЕАН и СМОА+. Помимо этого, Вьетнам, как один из ключевых участников споров в ЮКМ, особо заинтересован в достижении прогресса в деле принятия Кита-

³ СМОА+ - механизм взаимодействия между оборонными ведомствами 10 стран-членов АСЕАН и ее диалоговых партнеров (Австралия, Индия, Китай, Новая Зеландия, РК, Россия, США, Япония), созданный в апреле 2010 г. по инициативе Вьетнама (*прим. авт.*).

⁴ Участники ВАС - 18 государств, включая «десятку» стран АСЕАН и ее диалоговых партнеров (*прим. авт.*).

⁵ Hanoi Plan of Action. https://asean.org/?static_post=hanoi-plan-of-action; Hanoi Declaration on Narrowing Development Gap for closer ASEAN Integration. <https://asean.org/ha-noi-declaration-on-narrowing-the-development-gap-2001> (accessed 22.07.2020)

⁶ Концепция «Индо-Тихоокеанского региона» - термин, прозвучавший в речи президента США Д.Трампа на полях Восточноазиатского саммита в Маниле в ноябре 2017 г., закрепившийся с тех пор в политическом дискурсе многих государств (*прим. авт.*).

ем и АСЕАН юридически обязывающего Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море (СОС). Однако вспышка инфекции *COVID-19* существенно затруднила и без того непростой процесс переговоров по Кодексу, в результате чего Вьетнам в год своего председательства не смог обеспечить завершение его согласования.

Таблица. Председательство Вьетнама в АСЕАН в 2010 и 2020 гг.
Table. Vietnam's ASEAN Chairmanship in 2010 and 2020

Председательство Вьетнама в АСЕАН в 2010 г.	Председательство Вьетнама в АСЕАН в 2020 г.
Лозунг	
«К Сообществу АСЕАН: от общего видения к действиям».	«Сплоченная и оперативно реагирующая АСЕАН»
Приоритеты	
Формирование Сообщества АСЕАН к 2015 г.	Поддержание региональной безопасности, мира и стабильности
Реализация целей и принципов Устава АСЕАН	Адаптация АСЕАН к новым условиям Четвертой промышленной революции
Укрепление сотрудничества с диалоговыми партнерами АСЕАН	Повышение уровня информированности о Сообществе и Идентичности АСЕАН
Укрепление сотрудничества в противодействии глобальным вызовам, таким как природные катаклизмы, эпидемии, изменение климата, охрана окружающей среды	Укрепление партнерств в целях устойчивого развития и продвижение вклада и роли АСЕАН в международном сообществе
Формирование позитивного имиджа Вьетнама на международной арене	Расширение возможностей и повышение оперативной эффективности АСЕАН

Составлено автором по материалам МИД СРВ.

В целом же, пандемия *COVID-19* стала серьезным новым вызовом, потребовавшим от АСЕАН и Вьетнама скоординированных действий. По подсчетам Университета Джонса Хопкинса, на апрель 2021 г. регионе насчитывалось 2 889 447 заболевших, 2 520 544 выздоровевших и 59 136 умерших⁷.

По результатам состоявшихся многочисленных встреч на министерском уровне 14 апреля 2020 г. состоялся первый в истории Ассоциации видео-саммит с участием всех 10 лидеров стран АСЕАН. Центральной темой стало обсуждение мер по противодействию распространению *COVID-19* в регионе [7]. В частности, было решено создать целевой фонд АСЕАН, средства которого будут направлены на обеспечение медицинских учреждений необходимым оборудованием, средствами защиты и медикаментами, а также на разработку вакцины. Стороны обязались осуществлять обмен информацией и успешными методами борьбы с вирусом, однако не все члены АСЕАН готовы предоставить доступ к своим данным. Тем не менее, тот факт, что АСЕАН приняла меры по преодолению кризиса, свидетельствует о том, что региональная политическая элита намерена грамотно реагировать на новые вызовы.

Важным шагом на данном направлении стало проведение специального видео-саммита АСЕАН+3 с участием лидеров 10 стран-членов Ассоциации, Китая, Южной Кореи, Японии, а также представителей ВОЗ [8]. Учитывая успешный опыт этих стран по сдерживанию распространения пандемии, АСЕАН было важно получить доступ к лучшим практикам и международной экспертизе в условиях сложной эпидемиологической ситуации.

Согласно принятому совместному заявлению, стороны обязались продолжать региональное сотрудничество в борьбе с пандемией и заявили о необходимости поддерживать деловые обмены в целях минимизации социально-экономического ущерба. Кроме того, Ассоциация учитывает и опыт её западных диалоговых партнеров, а именно ЕС, США, Австралии, а также России [9]. Были организованы встречи на министерских уровнях в режиме онлайн, на которых обсуждались совместные меры по борьбе с коронавирусом.

Центральным мероприятием председательства Вьетнама в 2020 г. стал 36-й саммит АСЕАН, состоявшийся в формате видеоконференции 26 июня 2020 г. Несмотря на то, что основной темой саммита стала борьба с распространением пандемии *COVID-19* и устранение негативных последствий в социально-экономической сфере⁸, были затронуты и такие вопросы, как развитие в регионе цифровой экономики и человеческих ресурсов, укрепление позиций Ассоциации на глобальном и региональном уровнях, формирование Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП).

⁷ Johns Hopkins University. <https://www.arcgis.com/apps/opsdashboard/index.html#/bda7594740fd40299423467b48e9ecf6> (accessed 06.04.2021)

⁸ По итогам саммита был принят Ханойский план действий об укреплении экономического сотрудничества в рамках АСЕАН и сопряжении цепочек в ответ на пандемию *COVID-19* (прим. авт.).

В частности, в совместном заявлении лидеров по итогам саммита говорится о необходимости реализовать проект «Сеть умных городов АСЕАН»⁹ и о развитии человеческого капитала в эпоху цифровизации за счет улучшения региональной системы образования. Эти вопросы были также отражены в таких итоговых документах саммита, как «Декларация АСЕАН о развитии человеческих ресурсов в меняющемся мире труда» [10]. Отдельная сессия саммита была посвящена вопросам расширения прав и возможностей женщин в эпоху развития цифровых технологий. В итоговом заявлении председателя также говорится о намерении активизировать сотрудничество в сфере кибербезопасности [11, р. 10], которая по-прежнему остается одной из наиболее уязвимых областей в процессе развития цифровой экономики АСЕАН.

Значимо и назначение СРВ председателем и непостоянным членом Совета Безопасности ООН сроком на 2020-2021 гг. Согласно официальным заявлениям представителей МИД СРВ, одним из приоритетов деятельности Вьетнама в ООН является укрепление сотрудничества между региональными организациями и Советом Безопасности. Ханой видит себя в качестве координатора между Совбезом ООН и АСЕАН и ставит своей целью в рамках своего председательства в Совете значительно повысить роль Ассоциации на международной арене [12].

Среди первых достижений на этом направлении можно отметить состоявшееся 31 января 2019 г. открытое заседание СБ ООН на тему «Сотрудничество ООН с региональными и субрегиональными организациями в поддержании международного мира и безопасности: роль АСЕАН» с участием Генерального секретаря ООН А.Гутерриша и Генерального секретаря АСЕАН Лим Джок Хой. С вьетнамской стороны поступило предложение организовать встречи высокого уровня по вопросам устойчивого развития, которые состоялись в рамках 11-го видео-саммита АСЕАН-ООН, прошедшего в ноябре 2020 г. [13].

В качестве председателя Вьетнам смог также достичь прогресса в переговорах по формированию ВРЭП, в состав которого входят страны-члены АСЕАН и 5 диалоговых партнеров (Китай, РК, Япония, Австралия и Новая Зеландия). Несмотря на недавнее решение Индии о неприсоединении к соглашению [14], которая рассматривалась АСЕАН как важный противовес Китаю, на 10-й межсессионной встрече по ВРЭП, состоявшейся в онлайн-режиме 23 июня 2020 г., было объявлено о намерении участниц завершить переговорный процесс.

15 ноября 2020 г. по итогам 37-го саммита АСЕАН, состоявшегося в Ханое, было подписано соглашение о создании ВРЭП - крупнейшей в мире зоны свободной торговли с 2,2 млрд потребителей (30% от численности мирового населения) и объемом ВВП в \$26 трлн, что составляет более 30% от общего мирового объема ВВП [15].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги сравнения председательств Вьетнама в 2010 и в 2020 гг., можно отметить, что главным приоритетом для СРВ является поддержание единой, сплоченной и эффективной Ассоциации, которая в состоянии реагировать на современные вызовы и адаптироваться к новым условиям мирового развития. В понимании Вьетнама основная роль АСЕАН заключается в том, чтобы обеспечивать и поддерживать стабильный политический порядок в ЮВА, в рамках которого малым и средним странам удаётся управлять асимметричными отношениями с крупными региональными державами, создавая при этом благоприятные условия для экономического процветания как отдельных стран региона, так и всей ЮВА.

Сегодня усилия Вьетнама сосредоточены на том, чтобы закрепить собственные позиции среди стран «северного крыла» Ассоциации, продвигая их интересы, реализуя совместные инфраструктурные экономические проекты, и тем самым стараясь снизить влияние Китая в этой части региона. Однако в то же время, осознавая, что Ханой необходима поддержка и других более экономически развитых членов Ассоциации, в качестве председателя он старается решать наиболее актуальные проблемы объединения, к числу которых сегодня можно отнести проблему цифровизации, слабую региональную осведомленность о деятельности АСЕАН и низкую эффективность секретариата. Вместе с тем, постепенно формируется особая специализация Вьетнама в его отношениях с АСЕАН. Ханой не стремится быть лидером во всех областях взаимодействия, трезво оценивая свои возможности и ресурсы, а пытается добиться решения тех задач и проблем, которые будут, прежде всего, выгодны и актуальны для его дальнейшего развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Малетин Н.П. АСЕАН: Четыре десятилетия развития. М.: МГИМО-Университет, 2007.
Maletin N.P. 2007. ASEAN: Four Decades of Development. Moscow. (In Russ.)

⁹ Суть этого проекта, предложенного Сингапуром в 2018 г., заключается во внедрении цифровых технологий в городскую среду. На сегодняшний день «Сеть умных городов АСЕАН» объединяет 26 городов, в т.ч. три вьетнамских - Ханой, Дананг и Хошимин (прим. авт.).

2. Маслов Г.М., Урляпов В.Ф. Вьетнам в системе современных международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М.: Ключ-С, 2009.
- Maslov N.P. Urlyapov V.F. 2009. Vietnam in the Modern System of International Relations in the Asia-Pacific Region. Moscow. (In Russ.)
3. Мурашева Г.Ф. Вьетнам в 2010-2011 гг.: основные события. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2011, № 17. С. 189-216.
- Murasheva G.F. The Main Events in Vietnam in 2010-2011. *South East Asia: Actual Problems of Development*. № 17. Moscow. (In Russ.)
4. Emmers R. Thu L.H. Vietnam and the Search for Security Leadership in ASEAN. *Asian Security*. 2020. pp. 1-15.
5. ASEAN 2025: Forging ahead together. <https://www.asean.org/storage/2015/12/ASEAN-2025-Forging-Ahead-Together-final.pdf> (accessed 14.04.2020)
6. ASEAN Vietnam 2020. Theme. https://www.asean2020.vn/web/asean_en/gioi-thieu-ve-asean-2020 (accessed 16.04.2020)
7. Prime Minister Nguyen Xuan Phuc chairs ASEAN Special Summit on COVID-19 response (In Viet.). https://www.asean2020.vn/web/asean/xem-chi-tiet1/-/asset_publisher/ynfWm23dDfpd/content/thu-tuong-chinh-phu-nguyen-xuan-phuc-chu-tri-hoi-nghi-cap-cao-ac-biet-asean-ve-ung-pho-dich-benh-covid-19 (accessed 27.04.2020)
8. Special ASEAN+3 Summit on COVID-19 response (In Viet.). https://www.asean2020.vn/web/asean/xem-chi-tiet1/-/asset_publisher/ynfWm23dDfpd/content/asean-3-hop-hoi-nghi-cap-cao-ac-biet-ve-ung-pho-dich-benh-covid-19 (accessed 27.04.2020)
9. Special ASEAN-Russia Foreign Ministers' meeting on COVID-19 held. https://www.asean2020.vn/xem-chi-tiet1/-/asset_publisher/ynfWm23dDfpd/content/special-asean-russia-foreign-ministers-meeting-on-covid-19-held (accessed 18.06.2020)
10. ASEAN Declaration on Human Resources Development for the Changing World of Work. <https://asean.org/asean-declaration-human-resources-development-changing-world-work/> (accessed 18.06.2020)
11. Chairman's statement of the 36th ASEAN Summit 26 June 2020 Cohesive and Responsive ASEAN. <https://asean.org/storage/2020/06/Chairman-Statement-of-the-36th-ASEAN-Summit-FINAL.pdf> (accessed 18.06.2020)
12. Deputy Foreign Minister Le Hoai Trung: Membership in the United Nations Security Council (UNSC) is a Primary Goal of Vietnam (In Viet.). http://www.mofa.gov.vn/vi/cs_doingoai/nr111026121159/ns200210144145 (accessed 14.04.2020)
13. Prime Minister Nguyen Xuan Phuc chairs the 11th ASEAN-United Nations summit. https://www.asean2020.vn/xem-chi-tiet1/-/asset_publisher/ynfWm23dDfpd/content/prime-minister-nguyen-xuan-phuc-chairs-the-11th-asean-united-nations-summit (accessed 23.11.2020)
14. India rejects RCEP as 15 other countries look to sign Trade Pact in 2020. <https://www.straitstimes.com/asia/se-asia/india-rejects-rcep-as-15-other-countries-look-to-sign-trade-pact-in-2020> (accessed 14.04.2020)
15. The Summary of the RCEP Agreement. <https://asean.org/storage/2020/11/Summary-of-the-RCEP-Agreement.pdf> (accessed 14.11.2020)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Вершинина Валерия Валерьевна, аспирантка, аналитик Центра АСЕАН, Московский государственный институт международных отношений МИД России, Москва, Россия.

Valeria V. Vershinina, Post-graduate student, Analyst, ASEAN Centre, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
15.01.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
20.02.2021

Принята к публикации (Accepted)
18.04.2021

Макао: в поисках постколониальной идентичности

© Гутин И.Ю.^а, 2021

^а МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-7425-3794; gutin_ilya@mail.ru

Резюме. В статье анализируется особая идентичность жителей одного из двух специальных административных районов КНР - Макао. Территория Макао стала частью Португальской империи в 1557 г. До второй половины XIX в. это была не вполне типичная колония, поскольку португальские власти исправно платили Китаю арендную плату за неё. Кроме того, португальское владычество в Макао приносило определённые дивиденды и самому Китаю - например, в виде посредничества в торговле с Японией. В колониальный период сформировалась особая этническая группа - макаоанцы, потомки от смешанных браков португальцев и китайцев, сыгравшие ключевую роль в формировании уникальной культуры Макао. Макаоанцы никогда не составляли большинства населения территории, однако их влияние на политическую и культурную жизнь Макао было велико.

В 1999 г. Макао был возвращён Китаю согласно принципу «Одна страна - две системы», подразумевающему широкую автономию территории под властью КНР. Это событие повлекло за собой стремительный рост населения за счёт притока мигрантов из материкового Китая.

Сегодня население Макао главным образом ассоциирует себя с Китаем, что разительно отличает автономию от другого специального административного района - Гонконга, жители которого обычно противопоставляют себя китайцам, живущим в КНР. Вместе с тем, жители Макао, несмотря на полную лояльность Пекину, во многом ассоциируют себя с португальским наследием Макао, хотя и не связаны с ним напрямую.

Ключевые слова: Макао, КНР, идентичность, макаоанцы, постколониализм

Для цитирования: Гутин И.Ю. Макао: в поисках постколониальной идентичности. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 4. С. 54-58. DOI: 10.31857/S032150750014656-3

Macao: In search for postcolonial identity

© Ilya Yu. Gutin.^а, 2021

^а Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),
Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-7425-3794; gutin_ilya@mail.ru

Abstract. The article analyses a special identity of people living in Macao (Macau) - one of two special administrative regions of PRC along with Hong Kong. The territory of Macao became a part of Portuguese empire in 1557. Until the second half of the 19th century it was not a typical colony, because the Portuguese authorities paid rent to China for the land. Besides, the existence of Portuguese Macao brought certain benefits for China, e.g., mediation in trade with Japan. During the colonial period there was formed a new creole ethnic group known as Macanese - descendants of Chinese and Portuguese, who played a key role in shaping of a unique culture of Macao, combining both Portuguese and Chinese features. The Macanese never made the majority of the population, which had always been mainly composed of ethnic Chinese, but their influence on political and cultural life in Macao was great.

The territory was returned to China in 1999 in accordance with 'one country, two systems' principle, meaning large autonomy of the former colonies - Hong Kong and Macao - under the rule of PRC. This led to a rapid growth of population due to migrant flow from Mainland China and resulted in gradual "mainlandisation" of former Portuguese territory. Nowadays the inhabitants of Macao mainly associate themselves with PRC, which makes Macao totally different to the neighboring Hong Kong where people mostly oppose themselves to Mainland China. On the other hand, Macao inhabitants have a strong feeling of local identity which is largely connected with the Portuguese legacy of the autonomy, although they are not straightly connected with it.

Keywords: Macao, PRC, identity, Macau people, postcolonialism

For citation: Ilya Yu. Gutin. Macao: In search for postcolonial identity. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 4. Pp. 54-58. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014656-3

ВВЕДЕНИЕ

В декабре 2019 г. в КНР отмечался 20-летний юбилей возвращения Макао (Аомэня) в состав Китая. Эта бывшая португальская колония - старейшее европейское владение в Китае, начиная с XVI в., игравшее роль своеобразного «окна» полузакрытой страны во внешний мир. Лишь вслед за передачей Великобритании острова Гонконг по итогам Первой Опиумной войны в 1842 г. роль Макао как связующего звена между Китаем и Западом стала снижаться. Иначе и быть не могло с учетом соотношения сил между державами-метрополиями в середине XIX в. К тому времени Португалия уже давно перестала быть великой колониальной империей.

Феномен Макао оставил глубокий след во взаимоотношениях Китая и Запада, став наглядным примером возможности их мирного взаимодействия даже в условиях добровольной самоизоляции Среднего Государства.

Сегодня Макао получает историческую возможность хотя бы частично вернуть себе былое величие. Особенно на фоне того, что статус соседнего Гонконга в качестве мирового финансового центра всё чаще ставится под вопрос - в частности, вследствие многомесячных протестов 2019 г. Впрочем, бывшее португальское владение имеет для этого «величия» довольно призрачные шансы из-за крайней ограниченности своих ресурсов.

Одна из важных проблем, стоящих перед исследователями, изучающими Макао, - характеристика населения автономии.

Макао никогда не был однороден в этническом отношении. Неповторимый облик этого во многом уникального моста между Китаем и Западом создали португальская колониальная элита, креолы - потомки смешанных браков между португальцами, китайцами и другими народами; уроженцы других португальских владений в Азии и Африке; и, конечно же, китайцы, которые всегда составляли большинство населения колонии.

Возникает вопрос о существовании некоей особенной макаоской идентичности, путях её формирования и её эволюции в постколониальный период. Однако прежде необходимо рассмотреть, чем был и чем является Макао, и каким образом эта идентичность складывалась на протяжении его колониальной, а в последние 20 лет - постколониальной истории.

МАКАО: НЕТИПИЧНАЯ КОЛОНИЯ

Макао сегодня - это специальный административный регион (САР) КНР, который находится на южном побережье Китая в непосредственной близости от другого специального административного региона КНР - Гонконга.

Существование этих двух территорий в статусе специальных административных районов подразумевает широкую степень автономии, согласно концепции «Одна страна - две системы», предложенной знаменитым реформатором китайского социализма Дэн Сяопином в 1980-е гг. для интеграции двух бывших колониальных владений в состав КНР: Гонконг в 1997 г., а затем Макао в 1999 г. были возвращены под юрисдикцию КНР. Концепция подразумевает 50 лет широкой автономии для каждой из территорий, свободное развитие рыночной экономики при сохранении Пекином командных высот в сфере внешней политики и обороны.

Колониальная история Макао куда более длительная, нежели у Гонконга, а опыт его колониального администрирования в рамках Португальской империи, несомненно, заслуживает изучения. Для этого существуют вполне объективные предпосылки: ни по роли в китайской экономике, ни по численности населения Макао не может конкурировать с Гонконгом, население которого - порядка 7 млн, тогда как в Макао оценивается примерно в 654 тыс. человек¹.

Гонконг уже на протяжении многих десятилетий - своего рода «окно в Китай» для инвесторов и предпринимателей, в то время как скромный Макао довольствуется сомнительной репутацией «китайского Лас-Вегаса», будучи единственным местом большого Китая, где легализован игорный бизнес. О роли игорного бизнеса в экономике региона свидетельствует динамика его доли в ВВП автономии: так, в 2002 г. она составила 41,73%, достигнув максимума в 91,6% в 2010 г. и затем снизившись до 87,52% в 2014 г. [1, р. 500].

Макао стал частью португальских владений в 1557 г. Вхождение Макао в португальскую колониальную империю - логичное продолжение азиатской экспансии Португалии, завоевавшей в 1510 г. индийский Гоа и стремившейся расширить торговые связи на востоке. Таким образом, Макао стал крайней восточной точкой торгового маршрута Макао - Гоа - Лиссабон, а среди вывозившихся из Китая товаров можно упомянуть шёлк, атлас, золото, медь, киноварь, сахар, камфорное масло [5].

На протяжении большей части своей истории Макао не вполне подходил под определение «колония», т.е. зависимой от метрополии земли, насильственно отторгнутой у другого государства. Вплоть до середины XIX в. португальцы исправно вносили плату в китайскую казну за право пользования Макао. В целом же, отношения колониальных властей и китайской администрации можно охарактеризовать как вполне добрососедские и даже союзнические: португальская корона не только исправно платила Китаю арендную плату, но и оказывала китайским торговцам посреднические услуги при торговле с Японией, напрямую торговать с которой им было запрещено.

Некоторые исследователи даже указывают на существование особого типа управления - т.н. «макаоской формулы», когда португальские власти полностью управляли собственными делами в колонии, не

¹ В 1960-е гг. население Макао составляло лишь ок. 170 тыс. человек. Рост численности пришёлся, главным образом, на постколониальный период и связан с миграцией из материкового Китая (*прим. авт.*).

имея фактического контроля над проживавшими там китайцами, которые находились под юрисдикцией собственных администрации и судов [2, p. 116].

МАКАОСЦЫ И МАКАОАНЦЫ

Важной частью «макаоской формулы» стало появление особой общности, называемой в англоязычной литературе *Macanese*, а в китайскоязычной - *тушэн пужэнь*. Это были потомки от смешанных браков между португальцами и представителями различных азиатских, а иногда и африканских народов. В результате сложилась довольно своеобразная система, при которой основу элиты составляли португальцы, большинство населения - китайцы, а *macanese*² заняли позицию «промежуточной элиты». Они никогда не были в высшем руководстве колонии, никогда не были богатейшими людьми Макао (ими всегда были китайцы), но именно они сформировали ту часть общества, без которой управление Макао было невозможным.

В культурном отношении макаоанцы тяготели к Португалии и исповедовали католицизм. Со временем эти потомки от смешанных браков сформировали креольский язык, получивший название маканского, в основе которого лежит португальский, на его формирование повлияли кантонский китайский, малайский и сингальский языки.

Подобная структура макаоского общества сохранялась вплоть до середины 1960-х гг., когда под влиянием событий в КНР, в особенности «культурной революции», в Макао резко усилились антипортугальские настроения, достигшие своего пика в декабре 1966 г. Причиной этих выступлений во многом стал возросший произвол со стороны колониальных властей.

После демократизации режима в Португалии в 1974 г. из колонии были окончательно отозваны части португальской армии. В 1986 г. начались переговоры о передаче территории КНР, в результате которых 20 декабря 1999 г. в Макао навсегда был спущен португальский флаг, а его место заняли флаги КНР и Специального административного района Макао.

ОБРЕТАЯ НОВУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Из кого же состоит население сегодняшнего Макао и кем ощущают себя его жители?

Сегодня большинство из 654-тысячного населения Макао - это выходцы из материкового Китая, чья численность выросла стремительно после возвращения территории в состав КНР (по данным на 2011 г., на них приходилось 46,2%, при этом 26,4% от общей численности населения проживали в автономии менее 5 лет, родившихся в Макао - 40,6%³).

Вместе с тем, многочисленные социологические опросы, которые на протяжении многих лет проводились среди жителей автономии, свидетельствуют о том, что среди них очень сильно чувство принадлежности Макао, и понятие «макаосец» («*аомэнь жэнь*») для них - вовсе не пустой звук.

Однако, в отличие от жителей двух других особых частей китайского мира - Гонконга и Тайваня, ассоциация местных жителей самих себя с Макао не является поводом для противопоставления себя материковому Китаю, а напротив, скорее, дополняет их чувство принадлежности к китайской нации.

Так, в ходе опроса 2008 г. о собственной идентичности, который гонконгские исследователи проводили среди жителей Тайваня, Гонконга и Макао, респондентам было предложено ответить, кем они себя считают: местными жителями, китайцами; и местными, и китайцами; либо же ни теми, ни другими. Наименьшее число считающих себя китайцами - 5,7% - ожидаемо оказалось на Тайване, в то время как наибольший результат показал Макао, 41,1% жителей которого определили себя исключительно китайцами. При этом доля тех, кто считает себя и китайцем, и макаосцем, составила 20,2%, а считающих себя исключительно макаосцами - 37,5% [6].

Не менее интересны результаты исследования, проведённого в том же году исследователями из Макао среди студентов-очников высших учебных заведений автономии. Путём произвольной выборки было опрошено 790 студентов. Среди них с утверждением «я макаосец» полностью согласились 58,3% опрошенных, согласились - 30%, заняли нейтральную позицию - 4,8%, не согласились - 3,6%, были абсолютно не согласны - 1,9%, а 1,4% не дали ответа. С утверждением «я китаец» полностью согласились 60% респондентов, согласились - 33,3%, заняли нейтральную позицию - 6,1%, не согласились - 0,4%, категорически не согласились - 0,1% и столько же ответа не дали. Таким образом, 93,3% опрошенных в той или иной степени определили себя китайцами.

² Российской исследовательницей Е.С.Соболевой было предложено слово «макаоанцы» - в противовес понятию «макаоосцы», под которым понимается всё население автономии безотносительно его происхождения. См.: Соболева Е.С. Португальская культура в азиатском городе. *Историческая этнография*. 2014, № 5, с. 209.

³ Other specifications of population. The results of 2011 population census. (In Chin.). https://www.dsec.gov.mo/getAttachment/564633df-27ea-4680-826c-37d1ef120017/C_CEN_PUB_2011_Y.aspx (accessed 19.09.2020)

Когда же утверждение было сформулировано так: «Я являюсь гражданином КНР», результаты оказались несколько более скромными. Полностью согласились - 45,9%, согласились - 35,6, заняли нейтральную позицию - 15,5%, не согласились - 1,5%, категорически не согласились или не смогли дать ответ - по 0,7%⁴.

С одной стороны, результаты опроса свидетельствуют о том, что для респондентов быть китайцем и быть гражданином КНР - не вполне одно и то же. С другой, для подобного разделения есть объективное основание, поскольку резиденты SAR Макао - обладатели отличных от граждан КНР паспортов, что является частью политики «Одна страна - две системы».

Большинство опрошенных также утвердительно ответило на вопрос о том, гордятся ли они тем, то они китайцы. Любопытными оказались ответы на вопрос, испытывают ли гордость респонденты в связи с победами китайских спортсменов в международных соревнованиях. 44,2% опрошенных полностью согласились с утверждением, 41,3% оговорились, нейтральную позицию заняли 12,5% и лишь 1% и 0,1% категорически не согласились с утверждением, в то время как 1% не смогли ответить на поставленный вопрос.

Любопытно, что прослеживается чёткая параллель между спортивными достижениями КНР и степенью доверия к концепции «Одна страна - две системы»: так, по результатам 20-летних наблюдений наивысший уровень доверия к ней - 83,7% был зафиксирован в Макао как раз в 2008 г., когда в Пекине состоялась Олимпиада⁵.

Ещё в одном исследовании, проведённом среди студентов Макао в 2009 г., поднимался вопрос о том, гордятся ли они теми или иными значимыми для КНР и Макао культурными и политическими символами. В качестве таковых респондентам были предложены Великая Китайская стена, руины Собора св. Павла в Макао - неофициальный культурный и исторический символ города, флаг Макао, флаг КНР, мост Тайпа - Макао, соединяющий основную территорию Макао с островом Тайпа, и олимпийский стадион в Пекине, построенный для Олимпиады 2008 г.

Результаты опроса со всей очевидностью свидетельствуют о большей важности для молодых жителей автономии общекитайских символов. Так, гордость за Великую Китайскую стену и флаг КНР испытали 93,2% и 74,6% респондентов соответственно, в то время как показатель для собственно макаоских символов - руин Собора св. Павла и флага автономии - составил значительно более скромные 44%. В отношении современных сооружений пропорции распределились следующим образом: о чувстве гордости за пекинский стадион заявили 84,7% опрошенных, за макаооский мост - 28,8% [3, p. 202].

Таким образом, очевидно, что молодые жители Макао в существенно большей степени идентифицируют себя с общекитайскими символами, чем с собственно макаоскими, однако и последние имеют для них большое значение. На этом фоне любопытно, что доля гордящихся историей и культурой Макао и Китая, в целом, сопоставима и составляет 73% и 84,7%, соответственно [3, p. 203].

Результаты этого и других опросов свидетельствуют о том, что, во-первых, большинство макаоосцев не видит противоречия между ассоциированием себя как непосредственно с Макао, так и с КНР в целом, а во-вторых, Макао можно считать примером эффективного воплощения концепции «Одна страна - две системы» (в отличие от соседнего Гонконга, где протесты 2019 г. со всей очевидностью показали, что реализация этой концепции зашла в тупик). С одной стороны, Макао демонстрирует очень высокую степень лояльности Пекину. С другой - высока степень ассоциации себя именно с Макао, ведь даже по результатам опроса, проведённого официальными СМИ КНР в 2010 г., 20% населения определяли себя, в первую очередь, как жители Макао⁶.

Что же делает сегодняшний Макао уникальным и где наиболее отчётливо видны следы его португальского наследия? Очевидно, что проявляется это, главным образом, в сфере материальной культуры, в частности, в архитектурном облике города. В 2005 г. ЮНЕСКО внесла исторический центр города с его яркой колониальной архитектурой и характерной для португальских владений волнообразной брусчаткой в Список всемирного наследия.

Во многом уникальный синтез различных традиций - и местная кухня, возникшая как сочетание португальских, китайских, малазийских и других кулинарных традиций.

Интересна ситуация в сфере религии. Поскольку подавляющее большинство населения Макао - этнические китайцы, в религиозном отношении они довольно нейтральны, т.к. редко являются последователями какой-либо одной религии, зачастую обращаясь к обрядовым практикам различных вероучений в разных жизненных ситуациях. Подобное отношение к религии свойственно китайцам, в целом.

В этой связи необходимо сказать и о макаооском католицизме. По данным на 2015 г., численность католиков в Макао составляет всего 4,5% от всего населения⁷, однако от колониального периода в городе со-

⁴ A survey on national identification among University students in Macao. Association of youth studies in Macao, United Society of Chinese students in Macao. 2008. (In Chin.). <https://library.um.edu.mo/ebooks/b28286145.pdf> (accessed 03.02.2021)

⁵ Ibidem.

⁶ Survey shows: national identification of youth in Macao is stronger than in Hong Kong. *New news*. (In Chin.). http://www.china.com.cn/news/local/2010-04/01/content_19730553.htm

⁷ Largest religious groups (Macau). *The ARDA*. https://www.thearda.com/internationalData/countries/Country_49_1.asp (accessed 03.02.2021)

хранилось немало храмов. Их убранство, порой, сохраняет черты традиционного китайского религиозного синкретизма, особенно во время празднования китайского Нового года, когда в интерьерах церквей появляются традиционные для празднования китайского Нового года мандариновые деревья с иероглифом «счастье».

В целом же, в сфере духовной культуры португальское наследие можно охарактеризовать как находящееся под угрозой: португальский язык, будучи одним из трёх официальных, фактически представлен только в формальном переводе всех общественных объявлений и дублированием табличек с названием улиц, а маканский язык был включён ЮНЕСКО в число находящихся под угрозой исчезновения [4, р. 93].

Вместе с тем, нельзя сказать, что рядовые макаоосцы совсем не интересуются своим колониальным наследием. Так, упоминавшийся опрос 2008 г. среди студентов вузов показал, что 55,7% респондентов изъявили разной степени желание выучить португальский язык⁸. Несмотря на растущую китаизацию автономии и рост влияния пропекинских сил, нельзя окончательно сбрасывать со счетов немногочисленных оставшихся макаоанцев, которые активно пропагандируют сохранение португальского наследия. Отчасти в этом они находят поддержку и среди властей автономии, заинтересованных в сохранении образа Макао как места, где Запад встречается с Востоком.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, несмотря на очень сильную степень лояльности политическому режиму КНР и преимущественную самоидентификацию жителей автономии как китайцев, Макао по-прежнему сложно назвать «типичным» китайским городом, а его жителей - «типичными» китайцами. Именно подобной ассимиляции опасаются жители соседнего Гонконга, полагая, что рост влияния пекинских властей в регионе в итоге приведёт его к утрате собственной уникальности и идентичности.

Макао же вполне подходит на роль своего рода парадной витрины политики «Одна страна - две системы», поскольку почти полная лояльность населения проводимой властями КНР в регионе политике успешно сосуществует с довольно крепкой местной идентичностью, которая характерна даже для тех, кто переселился в город недавно.

Однако не стоит сбрасывать со счетов и постепенную утрату Макао и его жителями собственной уникальности в обозримом будущем. Этому способствует незначительное число носителей собственно макооской и португальской культуры и языка, которые служат своего рода мостом между прошлым и настоящим автономии. Кроме того, несмотря на интерес макоосцев, в т.ч. молодых, к португальскому языку, истории и культуре региона, о котором свидетельствуют опросы, реальная сфера применения португальского в Макао крайне узка и фактически ограничивается официальным документооборотом, следовательно, перспективность изучения языка довольно низкая.

Наконец, официальный Пекин едва ли заинтересован в поддержке особой идентичности макоосцев, стремясь со временем окончательно китаизировать регион как в политическом, так и в культурном аспекте.

REFERENCES

1. Matthew Tingchi Liu, Tina Tsing Gya Chang, Edmund H.N. Loi, Andrew Chi Hong Chan. Macau gambling industry: current challenges and opportunities next decade. *Asia Pacific Journal of Marketing and Logistics*. 2015, № 27(3), pp. 499-512.
2. Joao Pina-Cabral, Nelson Lourenço. Personal identity and ethnic ambiguity: naming practices among the Eurasians of Macao. *Social Anthropology*. 2007, № 2(2), pp. 115-132.
3. Eilo W.Y. Yu, Ming K.Chan. China's Macao Transformed: Challenge and Development in the 21st Century. Hong Kong, 2014.
4. Cora Un In Wong. The Preservation of Macau's Intangible Colonial Heritage: the Case of Patúá. *Tourism Culture & Communication*. 2014, № 14 (2), pp. 91-102.
5. Huang Qichen, Deng Kaisong. The development of Macau's foreign trade in the Ming Dynasty. Review of culture. <http://www.icm.gov.mo/rc/viewer/20006/840> (accessed 09.12.2020)
6. Zheng Hongtai, Huang Shaolun. Identity: comparison of Taiwan, Hongkong and Macao. *Modern China Studies*. 2008, № 2 (In Chin.). <https://www.modernchinastudies.org/cn/issues/past-issues/100-mcs-2008-issue-2/1052-2012-01-05-15-35-31.html> (accessed 20.01.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гутин Илья Юрьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия.

Ilya Yu. Gutin, PhD (History), Senior lecturer, MGIMO University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
23.01.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.02.2021

Принята к публикации (Accepted)
15.03.2021

⁸ A survey on national identification among University students in Macao...

Ислам, исламизм и экстремизм / Islam, Islamism and Extremism

DOI: 10.31857/S032150750014657-4

Оригинальная статья / Original article

Марокко: «духовная безопасность» как императив национальной контртеррористической стратегии

© Жерлицына Н.А.^a, 2021

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-8647-9419; ns_inafr@mail.ru

Резюме. Статья посвящена исследованию уникального подхода Королевства Марокко к борьбе с терроризмом, заключающегося в особой политике по отношению к религиозным институтам страны. Чтобы ограничить проникновение иностранных идеологических влияний, марокканские власти сосредоточились на создании религиозной бюрократии и институциональном контроле над этой областью.

Контроль Марокко над религиозной сферой проистекает из религиозной идентичности государства и уникального положения монарха как потомка Пророка Мухаммеда и лидера мусульманской религиозной общины королевства. Чтобы ограничить оппозицию со стороны религиозных элит, марокканские власти сосредоточились на создании религиозной бюрократии и институциональном контроле. Существующие религиозные учреждения стали государственными, а религиозные учебные заведения подверглись контролю. Поставив подготовку религиозных ученых под государственный контроль, а затем включив этих ученых в государственную бюрократию, марокканские власти в значительной степени преуспели в установлении контроля над классом лиц, которые исторически были источником оппозиции режиму. В результате была создана система, обеспечивающая сильные стимулы для участия религиозных элит в государственном проекте.

Марокко проводит прагматичную, долгосрочную и активную международную политику в отношении религии в странах Сахеля. Его цель - активно защищать национальную безопасность Королевства, основанную на общем марокканском и африканском духовном наследии. Стратегия Марокко заключается в распространении политики «духовной безопасности» не только внутри страны, но и в региональном масштабе для дистанционной борьбы с потенциальными угрозами.

Ключевые слова: Марокко, контртеррористические стратегии, безопасность, религиозная политика, дерадикализация, реформа религиозного образования

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ 19-18-00155 «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

Для цитирования: Жерлицына Н.А. Марокко: «духовная безопасность» как императив национальной контртеррористической стратегии. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 4. С. 59-65. DOI: 10.31857/S032150750014657-4

Morocco: "Spiritual security" as an imperative of the national counter-terrorism strategy

© Natalia A. Zherlitsyna^a, 2021

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-8647-9419, ns_inafr@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the unique approach of the Kingdom of Morocco to fight against terrorism, which consists in a special policy towards the religious institutions of the country. In order to limit the penetration of foreign ideological influences, the Moroccan authorities focused on the creation of a religious bureaucracy and institutional control over this area.

Morocco's control over the religious sphere stems from the religious identity of the State and the monarch's unique position as a descendant of the Prophet Mohammed and leader of the Muslim religious community of the Kingdom. In order to limit opposition from religious elites, the Moroccan authorities focused on the creation of a religious bureaucracy and institutional control. Existing religious institutions had become State institutions and religious educational institutions had been monitored. By placing the training of religious scholars under State control and then incorporating these scholars into the State bureaucracy, the Moroccan authorities had largely succeeded in establishing control over a class of persons who have historically been a source of opposition to the regime. As a result, a system was created that provides strong incentives for the participation of religious elites in the state project.

Morocco has a pragmatic, long-term and active international policy on religion in the Sahel countries. Its goal is to proactively protect the Kingdom's national security based on a shared Moroccan and African spiritual heritage. Morocco's strategy is to spread the policy of "spiritual security" not only within the country, but also on a regional scale to remotely combat potential threats.

Keywords: Morocco, counter-terrorism strategies, security, religious policy, de-radicalization, religious education reform, public opinion formation

For citation: Zherlitsyna N.A. Morocco: "Spiritual security" as an imperative of the national counter-terrorism strategy. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 4. Pp. 59-65. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014657-4

ВВЕДЕНИЕ

С 2001 г. мир вступил в новый период истории, в войну с международным терроризмом. За прошедшие 20 лет страны выработали как общие, так и уникальные стратегии борьбы и предотвращения экстремизма. Для региона Северной Африки и Сахеля данная тема остается актуальной и в 2021 г., поскольку именно в Африке растет число стран и регионов, в которых исламистские джихадистские группировки набирают обороты и увеличивается риск новых террористических атак. Несмотря на то, что «халифат» ИГИЛ был уничтожен в Ираке и Сирии, группировка продолжает расширяться через филиалы в Сахеле, Западной и Центральной Африке, дестабилизируя ситуацию на континенте, в целом [1].

«МАРОККАНСКОЕ 11 СЕНТЯБРЯ»

До взрывов в Касабланке в 2003 г., вошедших в историю как «марокканское 11 сентября», исламистский джихадизм не воспринимался как серьезный вызов властям королевства и оспаривание их легитимности.

В пятницу вечером 16 мая перед тем, как войти на объекты и подорвать себя, террористы-смертники перерезали горло охранникам. Пять взрывов были нацелены на места, часто посещаемые туристами и марокканскими евреями. Помимо 12 нападавших, по меньшей мере, 30 жителей были убиты и почти 100 ранены. Террористический акт впоследствии приписали отколовшейся от «Аль-Каиды» группировке, действующей в Марокко.

Эта самая смертоносная атака в истории страны поколебала давнюю веру Марокко в то, что страна защищена от насильственного экстремизма, и поставила под сомнение притязания королевства на роль образца умеренного ислама. Последующие террористические акты в 2007 и 2011 гг. усилили опасения насчет укрепления позиций радикалов в стране. В своей речи летом 2014 г. лидер ИГИЛ Абу Бакр аль-Багдади выделил Марокко в качестве потенциальной цели для террористических атак, вызвав страх относительно возможности дальнейших нападений [2, с. 10]. Последний громкий теракт произошел в Марокко в декабре 2018 г., когда в Атласских горах были обезглавлены две скандинавские туристки [3, р. 25].

Но помимо внутренней опасности, исламистский радикализм ставит под удар имидж Марокко во внешнем мире: участие марокканских граждан во взрывах в Мадриде в марте 2004 г. и присоединение молодых джихадистов к ИГИЛ в Сирии, а затем и в Ливии, вызывают новые опасения. Так, число марокканцев, присоединившихся к ИГИЛ в Сирии и Ираке в период с 2013 по 2017 гг., составило 1664 человека; в Ливии, по состоянию на январь 2018 г., их число достигло 300¹.

Эта непрекращающаяся война ставит важный вопрос о политике стран Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). Как государства региона и, в частности, Марокко, отреагировали на вызов?

Противостояние во имя безопасности, длящееся два десятилетия, позволило легитимно расширить полномочия государственной власти как в демократических, так и в авторитарных государствах. Марокканский подход к обеспечению безопасности отличается многоплановостью, взвешенностью и ставкой на «мягкую силу». По сравнению с другими государствами региона Марокко гораздо меньше полагается на силовые меры.

Первоначально, после взрывов в Касабланке в 2003 г., королевство использовало стратегии принуждения, включая массовые аресты лиц, подозреваемых в симпатиях к салафитам, но в 2004 г. изменило курс, приняв целый ряд мер и перейдя к более гибкому подходу. В Марокко арестовывается меньше людей, и многие из задержанных освобождаются. Если в ходе антитеррористических мер арестовываются известные служители ислама, к ним проявляется должное уважение.

КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В РЕГИОНЕ БВСА

Марокканская контртеррористическая программа, разумеется, имеет и много схожего со стратегиями других государств региона БВСА, включая антитеррористическое законодательство, меры по борьбе с отмыванием денег, сотрудничество с иностранными партнерами, а также кампании по дерадикализации и реабилитации.

Марокко ввело в действие свое первое антитеррористическое законодательство в мае 2003 г., через 10 дней после скоординированных взрывов террористов-смертников в Касабланке. Этот закон был обновлен в 2014 г., внесены поправки, предусматривающие тюремное заключение от 5 до 15 лет и штрафы до

¹ Morocco: Extremism & Counter-Extremism. Counter Extremism Project. <https://www.counterextremism.com/countries/morocco> (accessed 10.01.2021)

500 тыс. марокканских дирхамов (45 тыс. евро) для любого марокканца, который присоединяется или пытается присоединиться к любому типу негосударственной вооруженной организации, будь то внутри или за пределами Марокко. Это обеспечивает правовую основу для преследования экстремистов.

Кроме того, был создан новый механизм превентивной безопасности - *Hadar* (Бдительность), предусматривающий развертывание вооруженных элементов Королевских вооруженных сил, жандармерии, полиции и вспомогательных сил в основных стратегических местах, таких как аэропорты, железнодорожные вокзалы, административные здания и некоторые туристические районы.

В 2015 г. в Марокко объявили об образовании *BCIJ* - Центрального бюро криминальных расследований, подразделения высокого уровня профессионализма, часто называемого марокканским ФБР. Бюро призвано противостоять терроризму, контрабанде оружия и похищениям людей. В контексте борьбы с терроризмом Марокко также инвестирует средства в укрепление своих разведывательных и специальных служб. В годы, последовавшие за терактами, монархия также провела реформу иммиграционной политики и Семейного кодекса, которая предоставила больше прав женщинам [4, с. 103].

Программы дерадикализации, осуществляемые в Марокко, призваны помочь заключенным реинтегрироваться в марокканское общество после освобождения. Они предоставляют образовательные возможности в тюрьме и взаимодействуют с марокканскими работодателями, чтобы найти возможности трудоустройства для заключенных после освобождения. Программы дерадикализации в тюрьмах реализуются Министерством пожертвований и по делам ислама под надзором членов местных и региональных советов улемов.

В 2016 г. Главное управление тюрем Марокко объявило программу модернизации тюрем, предусматривающую строительство 36 новых пенитенциарных заведений, и запустило программу «Мусалаха» (Примирение), направленную на дерадикализацию и реинтеграцию джихадистов. Эта программа была разработана как для вернувшихся из «горячих» точек джихадистов, так и для осужденных террористов, которые никогда не покидали страну. В ее создании приняли участие Главная администрация тюрем, Совет улемов и марокканский Совет по правам человека. Программа рассчитана на 4 месяца и представляет собой сочетание лекций и семинаров, ориентированных на психологическое консультирование, богословские учения и реинтеграцию в общество. Зачисление в программу осуществляется на добровольной основе и участники; успешно ее прошедшие, освобождаются из тюрьмы после королевского помилования.

Наставники, осуществляющие программу, проходят специальную подготовку: в первый год таких было 47 человек. В 2018 г. число добровольных участников составило примерно 300 заключенных в тюрьмах четырех городов: Касабланки, Танжера, Тифлета и Мекнеса [3, р. 28].

«МЯГКАЯ СИЛА» МАРОККО

Уникальность марокканского подхода к борьбе с терроризмом, по сравнению с другими мусульманскими странами, заключается в особых отношениях с религиозными институтами страны.

Уже через год после взрывов в Касабланке власти приступили к полному пересмотру религиозной политики. Начатая в 1990-х гг. и ускоренная в 2004 г. реформа религиозной сферы является ключевым элементом подхода Марокко к борьбе с экстремизмом и радикализацией. Стратегическая позиция властей королевства нацелена на сохранение умеренного ислама в Марокко, осуществляемое посредством актуализированной интерпретации культурных и религиозных традиций.

Одним из наиболее значимых компонентов марокканского ислама является фигура «Амир аль-Муминин» (Повелитель правоверных) - титул, принадлежащий марокканскому королю. Считается, что династия Алауитов ведет свое происхождение от пророка Мухаммеда. Фигура Повелителя правоверных делает Марокко уникальной страной: ни один другой современный глава мусульманского государства не имеет права на столь высокий титул.

Новая Конституция 2011 г., инициированная протестами «арабской весны», еще больше укрепила символическую роль монарха и закрепила его главенствующую роль в религиозном секторе. Король Мухаммед VI является высшим религиозным лидером страны не только в символическом значении, но и в структурном плане. Осуществляемая с 2004 г. под его руководством национальная стратегия направлена на дальнейшую институционализацию широкой приверженности маликитской школе в исламском праве² в рамках суннитского ислама; ашаризму как направлению мусульманской теологии³, которое предлагает гибкость в примирении религиозной практики с современным миром; и традиций суфизма, которые под-

² Маликитская богословско-правовая школа в суннитском исламе - одна из 4 канонических. Сформировалась в Арабском халифате в конце VIII в., основатель - имам Малик ибн Анас. Получила распространение на западе мусульманского мира - в Северной и Западной Африке (*прим. авт.*).

³ Ашаризм - одно из основных направлений мусульманской теологии. Основатель - выдающийся мусульманский мыслитель Абу-ль-Хасан Али аль-Ашари (873/874-935 гг.). Ашаризм признает приоритет разума, логические методы исследования при безоговорочном принятии главных постулатов веры (*прим. авт.*).

держиваются религиозными объединениями и структурами, помогающими марокканцам углублять духовность [5, p. 114].

Именно Мухаммед VI запустил в 2004 г. политические и религиозные реформы, направленные на улучшение управления и большую однородность религиозной сферы, выступив с программной речью о важности переосмысления национальной религиозной стратегии.

Король настаивал на необходимости поддержки тех элементов религиозной сферы, которые составляют основу марокканской идентичности: «Вопрос религии требует, чтобы мы сосредоточились на наших уникальных исторически сложившихся традициях, а именно на суннитском обряде Малики, на котором основано единство нашей нации, и защита которого является долгом и миссией, хранителем которой мы являемся» [6, p. 4].

Эти слова звучат явным противовесом тому, что было воспринято как неназванный виновник терактов 2003 г.: чрезмерному росту в стране ваххабитского салафизма в саудовском стиле как явления, чуждого марокканским религиозным традициям. Реформы были начаты с целью «защитить Марокко от тенденций экстремизма и терроризма и сохранить свою идентичность, которая несет на себе печать равновесия, умеренности и терпимости» [6, p. 5].

«Духовная безопасность» - термин, который вошел в обиход с началом реформы марокканской религиозной сферы, - стала императивом национальной безопасности и означает всеобъемлющий государственный контроль в данной области.

Обширная серия реформ, начатых монархией, оказала всестороннее влияние на состояние религиозной сферы в королевстве. Одним из наиболее заметных изменений, вызванных этими реформами, стало увеличение формального присутствия государства в религиозной сфере и «бюрократизация» имамов и других религиозных чиновников в качестве государственных служащих. При Министерстве хабусов⁴ и по делам ислама были образованы новые отделы религиозной бюрократии, взяты под контроль учреждения исламского образования и их программы, установлена монополия Высшего Совета улемов на издание фетв, было узаконено положение женщин-проповедниц (*муришдат*) в государственном управлении, начата масштабная учебная программа для примерно 46 тыс. имамов в стране [7, p. 47]. Создание значительной прослойки религиозной бюрократии имело целью перенести центр духовной власти с одной группы - улемов, на другую - бюрократов, зависимых от государственной машины и подотчетных ей.

Реформа предусматривала модернизацию работы религиозных учреждений, таких как Совет улемов и Министерство по делам религий, а также обеспечение большей прозрачности в вопросах финансирования мечетей и других религиозных учреждений. Перестройка марокканской религиозной сферы, в целом, в значительной степени опиралась на монархические назначения.

Совет улемов состоит из ученых, назначаемых либо самим королем, либо на основании королевских критериев. В марокканской религиозной бюрократии все люди расположены иерархически по желанию самого короля и подчиняются ему, что делает его высшим религиозным лидером страны не только на словах, но и в организационном плане. Поэтому неудивительно, что более половины марокканских религиозных учреждений названы в честь Мохаммеда VI. Таким образом, власти стремились изменить то, как ислам преподается и интерпретируется для марокканских граждан. Правительство работает и над тем, чтобы делегитимизировать фундаменталистские интерпретации ислама с помощью комиксов и игр для детей, а также программ обучения для подростков. Власти организовали обучение женщин- *муришдат* для последующей проповеди терпимой версии ислама.

РЕФОРМА РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Реформа государственного религиозного образования стала значимым этапом в государственной стратегии Марокко.

Исламское образование - обязательный предмет в государственных школах, его преподают в каждом классе, начиная с детского сада и заканчивая средней школой. Хотя оно преподается всего несколько часов в неделю, его присутствие во всех учебных программах означает, что все марокканские дети получают знание об этом предмете именно в государственной интерпретации.

Реформа исламских учебных программ Марокко стандартизировала содержание планов уроков. Король лично высказался за интеграцию частных институтов религиозного образования в государственный аппарат, чтобы гарантировать следование стандартам. При проведении реформы Министерство образования ставило целью сбалансировать в программах 4 набора ценностей: «исламские ценности», «ценности современности», «национальные ценности» и «ценности прав человека» [8, p. 642].

Основным изменением в программах религиозного образования стало усиление акцента на гражданских ценностях и уменьшение акцента на исламе. Традиционные практики, такие, как заучивание частей

⁴ Хабус - земли и другое имущество, принадлежащее религиозным учреждениям в мусульманских странах (*прим. авт.*).

Корана и хадисов, были почти полностью удалены из программ. Обсуждение исламских практик, таких, как молитвы, было заменено новыми темами, например, основами коммуникации и медицинским просвещением. Частичное изъятие религиозного содержания распространилось не только на исламское образование, но и на другие предметы (арабский язык и философия).

Вместе взятые реформы исламского образования, арабского языка и философии в средней школе свидетельствуют о том, что были предприняты согласованные усилия по частичной секуляризации содержания нескольких школьных предметов. Такой подход отражает противоречивое давление, с которым столкнулось Министерство образования как со стороны монархии, так и со стороны групп, заинтересованных в сохранении исламского образования. Это также подчеркивает, что марокканская религиозная политика направлена как на сдерживание, так и на контроль.

Что касается высшего исламского образования, которое напрямую дает выпускникам доступ к получению должностей в религиозной бюрократии страны, оно получило еще больше внимания властей во время реформы из-за того, что религиозные круги зачастую на протяжении истории являлись той средой, которая питала оппозицию. И контроль над институтами, которые производят религиозную верхушку, рассматривался властями королевства как средство создания лояльного класса религиозных элит. Помимо лояльности, религиозные деятели Марокко отныне должны быть людьми современными, высокообразованными, толерантными, способными поддержать любой диалог.

В Марокко существует 3 типа высших исламских учебных заведений. Первый - это мечети-университеты, их два: аль-Карауин в г. Фес и Юсуфия в г. Марракеш. Аль-Карауин в 2015 г. подвергся реорганизации и перешел под покровительство Мухаммеда VI, тем самым был интегрирован в систему государственного образования. Второй тип высшего исламского учебного заведения - государственный религиозный колледж. И, наконец, третий - это кафедры исламоведения в государственных университетах.

Все эти учебные заведения дают различные научные степени, связанные с исламскими науками. Государственный контроль за учебными программами в этих вузах позволяет государству поощрять развитие бюрократов с нужным ему современным подходом к религии. Включив существующие религиозные учреждения в состав государственных и взяв их под свой контроль, марокканское государство кооптировало религиозные элиты и создало стимулы для обеспечения их лояльности и заинтересованного участия в государственном проекте.

Реформа подготовки имамов под руководством Министерства по делам религий стала центральным шагом на пути к обеспечению управляемости данной сферы. Институт подготовки имамов им. Мухаммеда VI был открыт в марте 2015 г. и специализируется на обучении религиозных проповедников и имамов суннитского обряда. Учебные программы были существенно пересмотрены и включают, помимо традиционных дисциплин, историю, философию, сравнительное религиоведение и иностранные языки, с целью воспитания в будущих имамах открытости и умеренности.

«ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» ДЛЯ САХЕЛЯ

Число слушателей Института подготовки имамов увеличивается с каждым годом. Студенты приезжают не только из Марокко, но и из Туниса, Мали, Кот-д'Ивуара, Чада, Гвинеи, Нигерии и Франции. Расширение подготовки иностранных религиозных проповедников в Марокко является результатом как растущего спроса со стороны других стран на обучение, которое позволило бы распространить «умеренный» ислам, так и желания Марокко использовать религиозную дипломатию в качестве инструмента внешней политики.

В настоящее время в институте обучается более 1300 иностранных студентов [9]. Они получают стипендию в 2 тыс. дирхамов (\$208) в месяц в дополнение к бесплатному проживанию, транспортным расходам и медицинской страховке. Учебная программа включает - наряду с традиционными исламскими дисциплинами - философию, историю религий, сексуальное образование и психологию. Будущие имамы также могут получить подготовку в области электротехники, сельского хозяйства и кройки и шитья, чтобы иметь гарантированный источник дохода в будущем.

В 2015 г. в Марокко было объявлено об основании «Фонда Мохаммеда VI для африканских улемов», целью которого заявлено «объединение и гармонизация усилий улемов Марокко и африканских стран по выявлению, распространению и укреплению толерантных ценностей ислама»⁵. Деятельность фонда нацелена на несколько важных целей: концентрирует усилия улемов Африки на проблеме борьбы с экстремизмом и терроризмом, экспортирует собственную модель «духовной безопасности» и содействует установлению мира в Сахаро-Сахельском регионе.

⁵ Hmimnat S. Morocco's religious «Soft Power» in Africa as a strategy supporting Morocco's expansion in Africa. Moroccan Institute for Policy Analysis. <https://mipa.institute/5642> (accessed 11.01.2021)

В укреплении позиций маликитской школы мусульманского права в странах Северной Африке и Сахеле - в противовес деятельности миссионеров ваххабитского и салафитского толка с Ближнего Востока, которые в течение последних двух десятилетий пытались радикализировать североафриканских мусульман, - власти Марокко видят путь к обеспечению безопасности региона.

Еще в 2013 г. Марокко заключило с Мали соглашение о партнерстве в религиозной сфере, осуществляемое через министерства по делам религий обеих стран и обязывающее каждое из них продвигать маликитскую юриспруденцию. Имамам из Мали было предоставлено почти 500 стипендий для обучения в Марокко⁶. Из Кот-д'Ивуара ежегодно поступает на учебу 100 женщин в институт в Рабате, находящийся в ведении Министерства по делам религии. Их учат проповедовать соотечественницам умеренный ислам.

УМЕРЕННЫЙ ИСЛАМ ДЛЯ ИММИГРАНТОВ

Учитывая тот факт, что в последнем десятилетии жертвами вербовки экстремистов очень часто становились марокканцы, проживающие в Европе, реформа марокканской религиозной сферы не могла обойти и эту категорию соотечественников. Именно ислам является тем фактором, который может укрепить связи уехавших марокканцев с родиной.

Значительная марокканская диаспора представляет собой важный источник экономического роста в Марокко: так, только за первую половину 2018 г. они отправили родственникам около 31,9 млрд дирхамов (\$3,5 млрд) [6, р. 6]. Сегодня марокканских мигрантов и их потомков можно встретить во всех странах Западной Европы. Они представляют устоявшиеся демографические группы во Франции, Нидерландах и Бельгии и совсем недавно присоединились к числу крупнейших меньшинств в Испании и Италии.

Неудивительно, что марокканское государство уже долгое время размышляло над разработкой религиозной политики, направленной на предоставление религиозных услуг марокканцам за рубежом, начиная от направления имамов в течение месяца Рамадан и заканчивая прямым финансированием строительства мечетей и исламских ассоциаций в зарубежных странах.

В 2008 г. Мухаммед VI основал Европейский Совет марокканских улемов в Брюсселе и Рабате с целью улучшения координации марокканских исламских ассоциаций по всему континенту. Институт по подготовке имамов им. Мохаммеда VI принимает французских студентов марокканского происхождения благодаря соглашению 2015 г., подписанному французским президентом Ф.Олландом и марокканскими властями. Франко-марокканские студенты получают полные стипендии и изучают специально разработанные программы с целью возвращения в Европу и занятия должностей религиозных лидеров. Число французских студентов колеблется от 30 до 50 [7, р. 49]. Аналогичным образом, университет аль-Карауин в г. Фес подписал соглашение с университетом Сиены в Италии в 2017 г., чтобы участвовать в подготовке итальянских имамов.

Таким образом, налицо прагматичная, долгосрочная и активная международная политика Марокко в отношении религии. Ее цель - упреждающая защита национальной безопасности королевства на основе общей приверженности Марокко и соседних африканских стран маликизму. Стратегия Марокко заключается в распространении политики «духовной безопасности» не только внутри страны, но и в региональном масштабе для дистанционной борьбы с потенциальными угрозами.

ФОРМИРУЯ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

«Духовная безопасность» по-мароккански не ограничивается контролем над традиционными религиозными институтами. Власти активно работают со средствами массовой информации, формируя общественное мнение [10, с. 89].

В 2005 г. была образована новая радиостанция «Радио Мухаммеда VI Священного Корана», ставшая к 2015 г. одной из самых популярных в стране. Также был запущен новый телеканал «Ас-Сэдиса» (в буквальном переводе - «Шестой»), но и здесь видна связь с королем Мухаммедом IV. «Ас-Сэдиса» является спутниковым каналом, доступным зрителям не только в Марокко, но и по всему региону. Министерство по делам ислама инициировало партнерство с государственной медиа-компанией *SNRT* для создания религиозных радио- и телепрограмм в соответствии с религиозной политикой государства.

Отличительной чертой всего медиа контента марокканского религиозного вещания является позитивность. В отличие от конкурентов в странах Персидского залива, изображающих ислам как подвергшийся нападению, марокканцы не занимаются поисками врага, а стремятся воспитывать в соотечественниках личную ответственность каждого мусульманина за то, чтобы обеспечить себя и решить свои собственные проблемы.

⁶ Charai A. Morocco, counter-terrorism, and the US-Africa summit. Foreign Policy Research Institute. https://www.fpri.org/docs/charai_1.pdf (accessed 13.01.2021)

Популярности марокканского религиозного вещания способствуют и такие его отличительные черты, как заострение внимания на местных проблемах, частое приглашение гостей из провинции и вещание на местных диалектах арабского и берберского языков. В соответствии с задачами, провозглашенными государственной религиозной политикой, радио- и телеканал пропагандируют прогрессивные исламские ценности, включая эмансипацию женщин, популяризируют искусство и принимая в качестве гостей широкий круг представителей гражданского общества, а не только религиозных деятелей. И хотя все эти СМИ носят имя короля, но, опять-таки в отличие от стран Залива, марокканские вещатели не пропагандируют культ личности главы государства или владельца, а демонстрируют институциональный подход.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение марокканского опыта борьбы с радикализмом показывает, что, сосредоточившись на институциональном контроле, а не на силовых методах, власти королевства продемонстрировали механизмы, с помощью которых государство может перевести дискурс войны с терроризмом в политическую плоскость.

Поставив подготовку религиозных элит под контроль государства и включив их в состав бюрократии, марокканское государство в значительной степени преуспело в установлении контроля над кругами, которые исторически были источником оппозиции режиму. Именно заблаговременное проведение религиозной реформы в значительной степени нивелировало последствия «арабской весны» в Марокко. Хотя здесь, как и в ряде других арабских стран, в 2011 г. к власти пришла исламистская партия, но умеренный характер Партии справедливости и развития способствовал быстрой стабилизации ситуации в стране.

Бюрократизация религии как контртеррористическая стратегия не решает политических проблем, и, в конечном счете, будущее страны зависит от того, будет ли побеждена бедность, преодолено неравенство и коррупция, которые и являются благодатной почвой для радикализации. Рост экономики и новые рабочие места для молодежи станут лучшей гарантией национальной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Фитуни Л.Л. Подразделения и союзники ИГИЛ в Африке: среднесрочный прогноз дальнейшей активности. *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 12. С. 11-17. DOI: 10.31857/S032150750002566-4
1. Фитуни Л.Л. 2018. ISIS fractions and allies in Africa: medium-term outlook for further activity. *Aziya i Afrika segodnya*. № 12 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750002566-4
2. Жерлицына Н.А. Перспективы распространения ИГИЛ после разгрома халифата. *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 7. С. 13-18. DOI: 10.31857/S032150750010099-0
2. Zherlitsyna N.A. 2020. Prospects for the spread of ISIS after the defeat of the caliphate. *Aziya i Afrika segodnya*. № 7. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750010099-0
3. Berrada K.K. Morocco's response to foreign terrorist fighters: Tighter security and deradicalization. *Returnees in the Maghreb: Comparing policies on returning foreign terrorist fighters in Egypt, Morocco and Tunisia*. Apr. 1, 2019. Brussels, Belgium, Egmont Institute. Pp. 24-35.
4. Рыбалкина И.Г. О семейном кодексе королевства Марокко 2004 года. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2020. № 4 (53). С. 96-118. DOI: 10.31132/2412-5717-2020-53-4-96-118
4. Rybalkina I.G. 2020. About the 2004 family code of the kingdom of Morocco. *Journal of the Institute for African Studies*. № 4. Moscow. (In Russ.). DOI: 10.31132/2412-5717-2020-53-4-96-118
5. Assia Bensalah Alaoui. 2017. Morocco's security strategy: preventing terrorism and countering extremism. *European View*. № 16. Pp. 103-120. DOI: 10.1007/s12290-017-0449-3
6. Sawsene Nejjar. 2018. Morocco's political use of Islam and its religious diplomacy. *EuroMesco brief*. № 86. November. Pp. 1-7.
7. Bruce B. 2018. Morocco on the road to European Islam. *Oasis*. Year XIV. № 28. December. Pp. 45-53.
8. Wainscott A.M. 2015. Defending Islamic education: War on Terror discourse and religious education in twenty-first-century Morocco. *The Journal of North African Studies*. Vol. 20. Issue 4. Pp. 635-653. DOI: 10.1080/13629387.2015.1041108
9. Eljechtimi A. Morocco trains foreign students in its practice of moderate Islam. *Reuters*. <https://www.reuters.com/article/us-morocco-religion-idUSKCN1RZ1JP>(accessed 04.01.2021)
10. Васильев А.М., Жерлицына Н.А. Эволюция СМИ в странах Северной Африки после кризиса «арабской весны». *Вопросы теории и практики журналистики*. 2019. Т. 8. № 1. С. 81-95. DOI: 10.17150/2308-6203
10. Vasilyev A.M., Zherlitsyna N.A. 2019. Evolution of the media in North Africa countries after the crisis of the Arab spring. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*. Vol. 8, № 1. Moscow. (In Russ.). DOI: 10.17150/2308-6203

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Жерлицына Наталья Александровна кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Natalia A. Zherlitsyna, PhD (History), Senior Researcher, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
23.01.21

Доработана после рецензирования (Revised)
18.02.21

Принята к публикации (Accepted)
10.03.21

Al-Shabaab terror activities: A threat to regional & international security

© Mugabi B.^a, 2021

^a Russian People's Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russia;
ORCID ID: 0000-0003-4561-8050; mugabi.brain@gmail.com

Abstract. This article provides an overview of the contribution made by the United Nations and African Union (AU) in countering Al-Shabaab terror activities in Somalia and neighboring countries. The author argues that the role of IGAD and AMISOM under African Union supervision has been paramount in addressing the Somali insurgency. Insecurity in the Horn of Africa poses a threat to regional and global security. Al-Shabaab's evolution as a transnational terrorist group with deepening ties to Al-Qaeda and its global jihadist movement is analyzed, and the refugee crisis as a consequence is revealed.

The concept of counter-terrorism and how it has been applied is examined. Contributions made by developed countries to boost the African Union efforts through counter-terrorism training aimed at capacity building and funding of peacekeepers are mentioned as factors that have strengthened regional coordination in countering Al-Shabaab terror activities.

Despite African Union efforts in fostering regional and international coordination as a counter-terrorism approach, Al-Shabaab, though weaker, remains a threat to regional and international security. As a result, the author concludes that more players such as Russia, whose commitment to the fight against terrorism can be witnessed in the Commonwealth of Independent States (CIS) region and Syria, would be paramount in boosting regional counter-terrorism efforts.

Keywords: Al-Shabaab, Somalia, African Union, AMISOM, United Nations, counter-terrorism

Acknowledgment. The research project is supported by the Russian Science Foundation, grant № 19-18-00155 "Islamist extremism in the context of international security: Threats for Russia and opportunities for counteraction".

For citation: Mugabi B. (Uganda). Al-Shabaab terror activities: A threat to regional & international security. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 4. Pp. 66-71. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014658-5

«Аш-Шабаб»: угроза региональной и международной безопасности

© Brian Mugabi^a, 2021

^a Российский университет дружбы народов, Москва, Россия;
ORCID ID: 0000-0003-4561-8050; mugabi.brain@gmail.com

Резюме. В статье дается обзор вклада Африканского Союза в противодействие террористической деятельности «Аш-Шабаб», представляющей угрозу региональной и глобальной безопасности. Анализируются эволюция «Аш-Шабаб» как транснациональной террористической группировки с углубляющимися связями с «Аль-Каидой» и ее глобальным джихадистским движением. Отмечается, что активное вовлечение большего числа игроков, таких как Россия, приверженность которым борьбе с терроризмом может быть засвидетельствована в Сирии, имеет первостепенное значение для активизации региональных усилий по стабилизации обстановки.

Ключевые слова: «Аш-Шабаб», Сомали, Африканский Союз, АМИСОМ, ООН, борьба с терроризмом

Для цитирования: Mugabi B. (Uganda). Al-Shabaab terror activities: A threat to regional & international security. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 4. С. 66-71. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014658-5

INTRODUCTION

Several academic authors and experts such as I.V.Ponomarev (Russia) [1], Paul D.Williams (USA) [2] have written extensively regarding the horrific activities of Al-Shabaab and the basis of conflict in Somalia. However, the role of the African Union or regional responses in countering Al-Shabaab is understated.

UN AND AU OPERATIONS

United Nations Operations in Somalia (UNSOM) failed in 1992 and was replaced by the Unified Taskforce (UNITAF) from 5th December 1992 until 4th May 1993. The operation was led by the United States and tasked with disarming warring factions as well as peace-building. As a result, UNITAF also discredited, withdrew creating a security vacuum that raised concern within regional actors such as the Inter-Governmental Authority on Development (IGAD) [3].

On February 20, 2007, the United Nations Security Council adopted SCR 1744, which authorized the African Union Mission in Somalia (AMISOM) deployment after the failure of the Inter-Governmental Authority on Development Peace Support Mission to Somalia (IGASOM)'s anticipated deployment¹. The UN-supported AMISOM provided military planners to the African Union in Addis-Ababa through an assistance cell. The United Nations Security Council met with the African Union Peace and Security Council on June 16, 2007 to discuss the deeper collaboration and, in particular, the importance of stabilizing Somalia [3].

From the time of deployment in 2007 AMISOM has launched vital operations that have seen Al-Shabaab withdraw from its strongholds. The African Union, through member states, has lobbied the United Nations security council to intervene in the situation, which has seen international Peacekeeping bodies intervene in the Somalia crisis. Funds have also been provided to support the peacekeeping mechanisms. The European Union (EU) started supporting the deployment of AMISOM with 15 mln euros. In June 2005, the UK pledged to finance AMISOM with 1.3 mln pounds [3].

Regional leaders such as the Ugandan President Yoweri Kaguta Museveni have pushed for regional peacekeeping as one of the major components of peace-building in Africa. While explaining this situation, he noted that "Pan African ideals have guided Uganda's involvement and that African problems can best be resolved through African based solutions" [4]. His allusion to Pan African ideals may partly justify why most of the peacekeeping bodies in Somalia are dominated by African countries regardless of the threats received from Al-Shabaab as shall be pointed out.

Most recently, on 29th December, 2020, the Governor of Lower Shabelle region, Abdulkadir M Nur Siidi (Somalia) while paying a courtesy call on the AMISOM base in Arbiska, 30 km northwest of the Somali capital Mogadishu, thanked the Ugandan forces for ensuring security in the Lower Shabelle region of Somalia and Mogadishu in particular, adding that Uganda and Somalia enjoy great historical ties.

The Governor further noted that Uganda had been prompted to intervene in Somalia due to the cordial relations that the two countries enjoy to help find "African solutions to African problems" [5].

TRANSNATIONAL ACTIVITIES OF AL-SHABAAB

Some analysts like Martha Crenshaw (Nicaragua), an expert in terrorism studies, argue that terrorist groups have made calculated decisions to engage in terrorism from a historical perspective and that terrorism is a "political behavior resulting from the deliberate choice of a rational actor" [6].

Since 2008, Al-Shabaab has transformed itself, this time from a predominantly nationalist organization with the localized agenda of driving the Ethiopians from Somalia to a 'hybrid movement' that has increasingly embraced the Al-Qaeda led the global jihad against the West [7].

On several occasions, the leaders of Al-Shabaab have pledged the group's allegiance to Al-Qaeda. Muktar Robow (Somalia), former deputy leader and spokesman of Al-Shabaab, for example, stated that Al-Qaeda is the mother of the holy war in Somalia: "We are negotiating how we can unite into one, and we will take our orders from Sheikh Osama bin Laden because we are his students" [8].

Similarly, in a statement made in January 2010, Al-Shabaab stated that the "Jihad of Horn of Africa must be combined with the international jihad led by the Al-Qaeda network" [8]. Al-Shabaab's growing friendship with Al-Qaeda had profound effects on its structure, targets, and operational strategy. Until 2008, Al-Shabaab used relatively conventional guerrilla tactics in its attacks against the invading Ethiopian forces [9]. However, the group's increasing ties with Al-Qaeda have led it down the path of suicide attacks as a means of achieving its objectives, and the group has claimed responsibility for several bombings, including suicide attacks in central, northern Somalia and Mogadishu.

Kate Galvin (United Kingdom) engaged in qualitative research in the field of arts and humanities argues that "the internet has enabled terrorist organizations to research and coordinate attacks. Al-Shabaab's need to expand their propaganda to a global audience and communicate with ethnic diaspora and international supporters have embarked on the internet. To foster public awareness and sympathy and convey their messages to international audiences with whom it would otherwise be difficult to communicate", as evidenced during the Westgate attack in Kenya [10].

Al-Shabaab used a Twitter handle to disseminate messages goading Kenyan authorities and claiming responsibility for the deadly attack. Finally, ICT has allowed Al-Shabaab to tap into wealthy Salafi networks keen on supporting Al-Qaeda's global jihadist campaign [10].

In continuation with Al-Shabaab transnational activities, one of the Al-Shabaab fighters Abdullah (Somalia) who was training to be a pilot and had researched terrorism-related areas such as how to breach a commercial plane's

¹ United Nations. Security Council Resolution SCR1744, 2007 (accessed 29.10.2020)

cockpit, during a hijack which on 16th December 2020 transferred to the US from the Philippines, was to face a long list of terrorism offenses, including aircraft piracy and conspiring to murder US citizens.

As part of Al-Shabaab's transnational activities, Abdullah was allegedly part of an Al-Shabab operation dubbed "Jerusalem will never be Judaized", which was launched in response to the Trump administration's decision to move its embassy in Israel to the city of Jerusalem. Further investigations on Abdullah portrayed that he was being directed by a senior al-Shabab terrorist who was responsible for the 2019 coordinated attack on a luxury hotel and office complex in the Kenyan capital Nairobi².

Al-Shabaab's transnational attacks from 2010-2019 are illustrated in *table 1*.

Table 1. Al-Shabaab's attacks (2010-2019)

Date of attack	Nature of attack	Victims
July 11, 2010	Simultaneous suicide bombings in Kampala	74+ - killed, 85+ - wounded
September 21, 2013	Attack on Westgate mall in Nairobi, Kenya	68 - killed, 175 - wounded
June 16, 2014	Attack on several targets in the Kenyan town of Mpeketoni	49+ - killed, unknown wounded
Nov 22, 2014	Attack on a bus with 60 passengers who were traveling from Mandera to Nairobi	28 - killed, unknown wounded
January 15, 2019	Militants besieged the five-star Dusit D2 Hotel in Nairobi	21 - killed, unknown wounded

Source: Council on Foreign Relations. <https://www.cfr.org/timeline/al-shabab>

As indicated in *table 1*, most of the transnational attacks conducted are within the East African region, with Kenya suffering more attacks for several reasons, among which the Militants claim is retaliation to Kenya's decision to join AMISOM in its fight against Al-Shabaab terrorism.

SOMALIA REFUGEE CRISIS AS A RESULT OF AL-SHABAAB ACTIVITIES

According to the United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR) Resettlement Data finder of 2019, it is estimated that East and Horn of Africa host the highest number of refugees estimated at 83.5%, followed by Europe at 13.9%. Efforts in resettling these refugees have been a coordinated initiative by regional actors such as the African Union and East African community in cooperation with the UNHCR under the United Nations.

Nearly 1 mln Somalis have fled the country, an estimate that puts the figure at around 900,000, and another 1.5 mln are internally displaced people (IDPs).

As of 7th January, 2020 according to UNHCR data, the vast majority of Somali refugees are living in neighboring countries like Kenya (256,186), Yemen (250,500), and Ethiopia (192,082). It is worth noting that despite having internal displacement and refugee crises of their own, countries like Yemen and Ethiopia have a long-standing history of welcoming refugees from Somalia³.

The refugee question is mainly motivated by the existing conflict caused by Al-Shabaab radicalism and extremism. It implies that if the refugee question is to be resolved, the Al-Shabaab terror activities must be addressed. For this question to be addressed, regional and international organizations' coordinated efforts have to be realized in defeating the key players (Al-Shabaab operatives).

REGIONAL RESPONSE IN COMBATING AL-SHABAAB

The role and coordination of regional actors have been paramount in the fight against terrorism in Somalia. The African Union Peace and Security Council, backed IGAD, ignored the Islamic Courts Union's (ICU) repeated objections to the use of foreign troops and endorsed an IGASOM deployment. With international attention focused on Mogadishu, the UN Security Council authorized IGAD and AU member states to establish a military peacekeeping mission in Somalia to protect the Transitional Federal Government.

On one key issue, however, IGAD's authority was upheld, and this proved to be a determining factor in the events that followed [11]. These challenges led to the establishment of AMISOM whose peacekeeping mission has brought about relative peace in former Al-Shabaab strongholds like Mogadishu.

² BBC. FBI accuses man of al-Shabab-led '9/11-style' plot. 16.12.2020. <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-55340294> (accessed 11.01.2021)

³ UNHCR. Somalia refugee crisis explained. 07.01.2020. <https://www.unrefugees.org/news/somalia-refugee-crisis-explained> (accessed 15.01.2021)

IGAD AND COMPETING NATIONAL INTERESTS WITHIN MEMBER COUNTRIES

When looking into IGAD's role in resolving the Al-Shabaab insurgency, an outlay of prospects and challenges need to be mentioned since the challenges received by IGASOM's failed deployment would later guide the activities of AMISOM.

IGAD, in coordination with Somalia Government and other member states, drafted a Provisional Federal Constitution of Somalia to ensure a sense of stability; 825 Somali elders in August 2012 ratified this [12]. The Somali elders could be classified as a section if not the core group of opinion leaders, and therefore their involvement was not merely crucial but strategic. The Somali Government's 2016 Vision for Somalia, which outlines creating a Somali federal system, removing Al-Shabaab, and holding elections in 2016, was initiated or facilitated by IGAD [12].

However, internal conflicts between Ethiopia and Eritrea from 1998-2000 Eritrean-Ethiopian war would soon paralyze the activities of IGAD. As such, a section of Somalis regarded IGAD not as a neutral mediator, viewing it as one that serves Ethiopia's interests. Djibouti was a neutral party, steered future coordination of IGAD activities in combating increased tensions in Somalia. Negotiations led by IGAD commenced in October 2002 in Kenya, where they came up with the Transitional Federal Charter, which later led to the Somali transitional government formation. IGAD's role cannot be underestimated based on the understanding that they initiated the counter-insurgency programs, which may not have resolved the insecurity challenge but instead initiated a mechanism in which the security dilemma would be resolved, giving birth to AMISOM.

AMISOM AND ITS REGIONAL CONSTRUCTION OF PEACE-BUILDING

The development and mandating of the African Union Mission in Somalia (AMISOM) must be understood in the context of the continued failure to deploy IGASOM after the March 2006 IGAD meeting [2].

The African Union Mission in Somalia (AMISOM) was created on January 19, 2007, to show regional commitment in the fight against terror and restoration of peace and stability in Somalia. Unlike the divisions that limited the deployment of IGASOM, AMISOM has enjoyed cooperation within the troop-contributing countries. AMISOM has since offered professional training to Somalia's national forces, facilitated political transition, provided humanitarian assistance, and launched strong operational attacks against Al-Shabaab's strong bases.

From the time AMISOM intervened, it was considered a neutral party to the conflict, having worked with Somali transitional leaders. When there was a discussion of withdrawing AMISOM troops, the international community engaged the troop-contributing countries and the Somali Government to maintain troops' deployment, given the insecurity that would arise due to their departure.

The Federal Government of Somalia (FGS) continues to partner closely with AMISOM to help enable the transition of security responsibilities from AMISOM to Somali security forces. Between February and March 2019, 1,000 Burundi National Defense Forces left Somalia as part of the first scheduled drawdown for AMISOM forces⁴. AMISOM also conducted and finalized its training on 30th December, 2020. The trainees included the police in Somalia both at the federal and federal member states level as a means to enhance their capacity to secure the upcoming electoral process⁵.

Table 2. **AMISOM troop-contributing countries**

No.	Country	Year of 1 st deployment	No. of troops
1.	Uganda	March 2007	6223
2.	Burundi	December 2007	5432
3.	Ethiopia	January 1, 2014	4395
4.	Kenya	February 22nd, 2012	3664
5.	Djibouti	December 2011	1850
	Total		21564

Source: AMISOM official website. <https://amisom-au.org/amisom-mandate>

⁴ U.S. Department of State. Country reports on terrorism 2019; Somalia. <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/06/Country-Reports-on-Terrorism-2019-2> (accessed 25.01.2021)

⁵ AMISOM. Press Statement, AMISOM trains Somali police officers on securing the upcoming electoral process. 30.12.2020. <http://amisom-au.org/2020/12/amisom-trains-somali-police-officers-on-securing-the-upcoming-electoral-process> (accessed 21.01.2021)

Table 2 illustrates, as indicated above, AMISOM troop-contributing countries. Uganda comes first as a country that made its first troop deployment in March 2007 and has the highest number of troops serving within the AMISOM ranks. Over deployment of Ugandan troops, in comparison to other troop-contributing countries, is partly explained by its foreign policy, which prioritizes regional and international peace and security.

COORDINATION OF COUNTER-TERRORISM MEASURES

Actors from developed nations, understanding the complexity of Al-Shabaab terror activities, notably the United States of America (USA), United Kingdom (UK), and European Union (EU), have embarked on a series of counter-terrorism approaches. Al-Shabaab is a radical, extremist militant group, as earlier mentioned it believes in suicidal attacks, and instills fear within the population and its adversaries. To combat Al-Shabaab's radical approach, several regional and international actors have resolved on having peacekeepers and enforcers if sustainable peace is to be realized. This approach has led to relative peace in former Al-Shabaab strongholds, such as Baidoa, which Ethiopian forces captured later on.

As one of the developed nations and given its resolve in the fight against terrorism, Russia has contributed to promoting international security by taking on the Islamic State of Iraq and Syria (ISIS). Russia is trying to avert Iraq and Libya's scenarios from happening in Syria. Whereas its efforts in Syria are visible to the international community amidst opposition from the US and its allies, Russia's role in the fight against Al-Shabaab is not as equally visible compared to other international actors.

Table 3. **International and regional peacekeeping bodies in Somalia (troop numbers)**

UNSOM	UNSOS	AMISOM	EUTM	TOTAL
61	49	21564	181	21854

Compiled by author from: The Military Balance.2018, Vol. 118, Issue 1.<https://www.tandfonline.com/toc/tmib20/118/1>

In table 3, there is an illustration of regional and International peacekeeping bodies and their troop numbers in Somalia.

AMISOM contributes the most troops. AMISOM is under African Union, and as a result, African Union has coordinated other International organizations such as UNSOM with troop-contributing countries which include UK, Pakistan, Turkey, Sierra Leone, Uganda.

United Nations Support Office in Somalia (UNSOS) is represented by countries such as the UK, Ghana, Nigeria, Pakistan, Kenya, Sierra Leone, Uganda, and Mauritania. European Union Training Mission in Somalia (EUTM Somalia) is among the other international peacekeeping bodies represented. African Union efforts in coordinating international action against Al-Shabaab terror activities have been understated because some African countries such as Uganda are fully represented in the three peacekeeping bodies except EUTM. AMISOM's role in Somalia's peace-building is due to the Regional and Sub-regional mediation and coordination efforts.

The US which had about 700 troops in Somalia indicated that some of the troops would move to neighboring countries, allowing for cross-border operations. The withdrawal order would see troops redeployed just days before the US president Trump leaves office. Some experts have warned that a US withdrawal could embolden militants in the Horn of Africa region⁶.

Notably, Al-Shabaab remains an obstacle to peace and security in the horn of Africa regardless of the counter-terrorism responses in terms of peacekeeping and mediation efforts by regional and international actors. Most recently on the 2nd of January, 2021, a suicide bombing near the Somali capital of Mogadishu killed at least five people including two Turks. This attack was confirmed by Abdiasis Abu Musab (Somalia) the military operation spokesman for the al-Qaida linked al-Shabab [13].

The existence of Al-Shabaab came as a result of the collapse of the State after the overthrow of Siad Barre in 1991. The power vacuum which was not adequately filled by the Transitional Government was exploited by the Islamic Courts Unions, which embarked on radicalization. When the rule of law collapses, militia groups and radical movements easily take shape.

CONCLUSION

To sum up, the author makes the following conclusions and recommendations.

⁶ Trump orders most US troops out of Somalia at 4.12.2020. *Aljazeera*. <https://www.aljazeera.com/news/2020/12/4/trump-orders-withdraw-most-us-troops-somalia> (accessed 09.01.2021)

First, Peacekeeping operations have proved to be a success whenever there has been good cooperation between the peacekeeping forces and the local authorities; hence, peacekeepers are not perceived as an invasion force.

Second, terrorism being a global threat requires all forces of goodwill to ensure coordinated efforts in counter-terrorism efforts such as intelligence sharing and deradicalization.

Third, increased funding of peacekeeping operations, especially training as a means of capacity building, is necessary to both the peacekeeping forces and the Somali National Army (SNA).

Fourth, Information technology should be effectively used to counter-terrorism propaganda since the terrorists have used it as a useful recruitment tool, especially for young people who are frequent social media users.

REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пономарев И.В. Сети «Аш-Шабаб» в Восточной Африке. *Азия и Африка сегодня*. 2018, № 9. DOI: 10.31857/S032150750000689-9
Ponomarev I.V. 2018. Al-Shabaab cells in East Africa. *Aziya i Afrika segodnya*. № 9 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750000689-9
2. Williams P.D. 2012. War and Conflict in Africa. *Journal of International Peacekeeping in Africa*. Vol 19, Issue 2, pp. 251-252. S/10.1080/13533312.2012.665709
3. Murithi T. 2009. Inter-governmental Authority on Development on the Ground: Comparing Interventions in Sudan and Somalia. *Journal of African Security*, Vol 2, Issue 2-3, pp. 136-157. <https://doi.org/10.1080/19362200903362067>
4. President stresses unity, Pan Africanism for Economic Transformation. Uganda Media Centre, 05.02.2020. <https://www.mediacentre.go.ug/media/president-stresses-unity-pan-africanism-economic-transformation> (accessed 05.10.2020)
5. AMISOM. Press Statement, Lower Shabelle Governor pays courtesy call on AMISOM Commander in Arbiska. 29.12.2020. <http://amisom-au.org/2020/12/lower-shabelle-governor-pays-courtesy-call-on-amisom-commander-in-arbiska> (accessed 10.01.2021)
6. Crenshaw M. 2013. Explaining terrorism: Causes, processes, and consequences. *Journal of Political Studies Review*. Vol. 11, Issue 1, pp. 426-427. <https://doi.org/10.1111/14789302.1202857>
7. Nelson R.O., Sanderson M.T. Confronting an uncertain threat: The future of Al Qaeda and associated movements. CSIS, 17.09.2017. <https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/> (accessed 29.10.2020)
8. Fletcher H. Egyptian Islamic Jihad. A profile of Egyptian Islamic Jihad, a militant Islamist group that is fully merged with Al Qaeda. Council on Foreign Relations, 29.05.2008. <https://www.cfr.org/backgrounder/Egyptian-Islamic-jihad> (accessed 29.10.2020)
9. Bohumil D. 2016. Shapeshifter of Somalia: Evolution of the political territoriality of Al-Shabaab. *Journal of Small Wars and Insurgencies*, Vol 27, Issue 5, pp. 937-957. <https://doi.org/10.1080/09592318.2016.1208282>
10. Agbiboa D. 2014. Ties that bind: The evolution and links of Al-Shabab. *Journal of the Round Table*, Vol. 103, Issue 6, pp. 581-597. <https://doi.org/10.1080/00358533.2014.988028>
11. Healy S. 2011. Seeking peace and security in the Horn of Africa: The contribution of the Inter-Governmental Authority on Development. *Journal of International Affairs*. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2011.00962>
12. Mays T. The African Union's African Mission in Somalia (AMISOM): Why did it successfully deploy following the failure of the IGAD Peace Support Mission to Somalia (IGASOM). Peace Operation Training Institute. 19.04.2009. <https://cdn.peaceopstraining.org/theses/mays.pdf> (accessed 30.10.2020)
13. Deadly suicide attack in Mogadishu claimed by al-Shabaab. *The Guardian*. 02.01.2021. <https://www.theguardian.com/world/2021/jan/02/deadly-suicide-attack-in-mogadishu-somalia-claimed-by-al-shabaab> (accessed 11.01.2021)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Brian Mugabi (Uganda), Post-graduate student, Asst. Lecturer, Russian Peoples' Friendship University (RUDN University), Moscow, Russia.

Брайан Мугаби (Уганда), аспирант, преподаватель, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия.

Поступила в редакцию (Received)
15.11.2020

Доработана после рецензирования (Revised)
18.01.2021

Принята к публикации (Accepted)
10.03.2021

COVID-19 в Азии / COVID-19 in Asia

DOI: 10.31857/S032150750014646-2

Original article / Оригинальная статья

Экономические отношения КНР и Японии в условиях пандемии коронавируса

© Е Янься (КНР)^a, 2021

^a Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия
657388395@qq.com

Резюме. В статье исследуются экономические отношения между Китаем и Японией в контексте COVID-19, анализируется состояние производственных цепочек, торговли и инвестиций. Экономические отношения двух стран рассматриваются на региональном и глобальном уровне и во времени - на разных этапах распространения и борьбы с COVID-19 в мире.

Несмотря на существующие сложности в китайско-японских экономических отношениях, они по-прежнему гармоничны по сравнению с отношениями политическими. В 2020 г. внезапная вспышка COVID-19 оказала серьезное негативное влияние на мировую экономику, в т.ч. нанесла ущерб китайско-японским экономическим отношениям.

Китайские и японские ученые выражали разные взгляды на китайско-японские отношения в контексте COVID-19. Китайские ученые настроены более оптимистично, подавляющее большинство из них считают, что у обеих стран появилась новая возможность для развития сотрудничества и укрепления экономических отношений. Взгляды японских ученых более сдержаны. По их мнению, необходимо внести определенные коррективы в развитие экономических отношений между двумя странами.

Автор ставит задачу выявить изменения в экономических отношениях между Китаем и Японией в контексте COVID-19 и оценить перспективы будущего сотрудничества. В статье анализируются китайско-японские экономические отношения до и после появления COVID-19, прослеживается влияние китайско-американской торговой войны на китайско-японские экономические отношения.

Ключевые слова: Китай, Япония, экономические отношения, COVID-19, производственные цепочки, инвестиции, торговля, восстановление экономики

Для цитирования: Е Янься. Экономические отношения КНР и Японии в условиях пандемии коронавируса. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 4. С. 72-76. DOI: 10.31857/S032150750014646-2

Economic relations between China and Japan under the COVID-19

© Yanxia Ye (China)^a, 2021

^a Russian People's Friendship University (RUDN University),
Moscow, Russia
657388395@qq.com

Abstract. The article examines the economic relations between China and Japan in the context of the COVID-19, analyzes the state of production chains, trade and investment. Economic relations of two countries are considered in space - at the regional and global level, and in time - at different stages of the spread and fight against the COVID-19 in the world.

Despite the existing difficulties in the China-Japanese economic relations, they are still harmonious compared to political relations. In early 2020, the sudden outbreak of COVID-19 had a serious negative impact on the global economy, including damaged China-Japanese economic relations. Faced with hard and unstable economic situation, China and Japan, as the two largest economies in East Asia, the second and third economies in the world, needed to strengthen their interaction in order to turn the crisis into a new opportunity to develop economic relations of two countries and resuscitate the global and regional economic.

Chinese and Japanese scholars have expressed different views on China-Japanese relations in the context of the COVID-19. Chinese scholars are more optimistic, the overwhelming majority of them believe that there is a new opportunity for both countries to develop cooperation and strengthen bilateral economic relations. The views of Japanese scholars are more realistic; most of them believe that some adjustments should be made in order to develop the economic relations between the two countries.

The author sets the task of identifying changes in economic relations between China and Japan in the context of the COVID-19 and assessing the prospects for future cooperation. The article also analyzes China-Japanese economic relations before and after the appearance of the COVID-19, traces the impact of the Sino-American trade war on China-Japanese economic relations.

Keywords: China, Japan, economic relations, COVID-19, production chains, investment, trade, economic recovery

For citation: Yanxia Ye. Economic relations between China and Japan under the COVID-19. *Asia i Afrika segodnya*. 2021. № 4. С. 72-76. DOI: 10.31857/S032150750014646-2

ВВЕДЕНИЕ

В начале 2020 г. после вспышки в Китае новой коронавирусной инфекции эпидемия быстро распространилась по всему миру. Пандемия COVID-19 нанесла тяжелый удар по мировой экономике, в т.ч. второй и третьей крупнейшим экономикам мира - Китаю и Японии¹.

Китай является самым крупным торговым партнером и важнейшим экспортером в Японию и уже несколько лет лидирует по численности туристов в эту страну. Япония - второй по объему торговый партнер Китая и его крупнейший источник иностранных инвестиций.

Из-за внезапности, быстрого распространения коронавируса его влияние на китайско-японские экономические отношения оказалось масштабным. Самым первым проявлением пандемии стало разрушение китайско-японской производственной кооперации и нестабильность торговли. Вслед за этим последовала корректировка китайско-японской экономической политики, в первую очередь, «де-китаизация» глобальных производственных цепочек Японии, что в свою очередь, оказало влияние на китайско-японские инвестиционные отношения и внесло неопределенность в перспективу этих отношений после завершения пандемии.

РАЗРУШЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ЦЕПОЧЕК И МЕРЫ, ПРИНЯТЫЕ ПЕКИНОМ И ТОКИО

Китайско-японские экономические отношения оказались наиболее пострадавшими в результате нового коронавируса. Большую часть товарооборота между Китаем и Японией составляют промежуточные продукты – компоненты, детали, продукты переработки.

Особенно сильная взаимная зависимость между Китаем и Японией наблюдается в торговле автозапчастями и электронными деталями. В 2019 г. около 37% импорта автозапчастей в Японию шло из Китая. Продажи японских автомобилей в Китае уступают только США и самой Японии и составляют 18% его мировых продаж. Около 35% экспорта японских электронных компонентов приходится на Китай и примерно 19% составляют японский импорт из Китая [1].

После того, как в Китае разразилась первая волна коронавируса, в первую очередь пострадала торговля компонентами для производства автомобилей и электроники в Китае и Японии, некоторые компании сократили или остановили производство из-за перебоев в поставках сырья и деталей. Поддержание производственных связей становилось все более сложными.

На пути поставок целого ряда сырьевых материалов, основных компонентов и производственного оборудования, импортируемых в Китай и Японию из-за рубежа, возникли непреодолимые препятствия, что негативно повлияло на процесс возобновления производства и восстановления экономики этих стран. Не менее серьезной проблемой для поставщиков стало отсутствие заказов и спроса.

Чтобы справиться с образовавшимся разрывом производственных связей Китай и Япония приняли энергичные меры.

В апреле 2020 г. Министерство экономики, торговли и промышленности Японии в ответ на чрезвычайную ситуацию с поставками медицинских препаратов и материалов таких, например, как маски, приняло «План реформирования цепочек поставок» и запустило два комплекса мер. Первый был призван поощрять и субсидировать возвращение в страну производственных мощностей, в первую очередь изделий и деталей, поставки которых сильно зависели от определенных стран. Правительство Японии обязалось взять на себя часть затрат кампаний по возвращению производственных мощностей обратно в Японию. Второй комплекс мер предполагал рассредоточение зарубежных производственных баз, их перемещение в Юго-Восточную Азию и другие регионы².

Тогда же, в апреле 2020 г., парламент Японии принял дополнительный бюджет на 2020 финансовый год, который предусматривал выделение \$2 млрд для поддержки возвращения корпоративных производственных мощностей в Японию [2].

Больше всего японских компаний было выведено из Китая. В июле 2020 г. Министерство экономики, торговли и промышленности Японии объявило список первой партии субсидий, предоставляемых производителям медицинских материалов в Китае. В частности, \$536 млн были выделены на субсидии 57 компаниям для возвращения их из Китая в Японию, а около \$100 млн - для 30 компаний, которые переместили производство в страны Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Таиланд, Филиппины) [3].

Министерство торговли Китая последовательно издало ряд документов с рекомендациями местным органам власти координировать и решать практические проблемы, с которыми сталкиваются финансируе-

¹ 2020 world GDP ranking (In Chin.). https://www.8pu.com/gdp/ranking_2020.html

² To all businesses affected by the new coronavirus infection. Ministry of Economy. *Trade and Industry* (In Japan.). <https://meti.go.jp/covid-19/pdf/pamphlet.pdf>

мые из-за рубежа предприятия в области инвестиций, производства и эксплуатации с целью минимизировать влияние пандемии.

Среди этих документов такие, как «Уведомление об активных ответных мерах на новую пандемию коронарной пневмонии с целью улучшения услуг для предприятий с иностранным финансированием и работы привлечения инвестиций», «Уведомление об ответных мерах на новую пандемию коронарной пневмонии для обеспечения хорошей работы по стабилизации внешней торговли и иностранных инвестиций и стимулирования потребления», «Уведомление о содействии упорядоченному возобновлению работы и производства коммерческих предприятий о предварительном условии выполнения работы по профилактике пандемий» и ряд других³.

Меры, принятые Китаем и Японией, создали условия для восстановления производства и совместного повышения устойчивости производственных поставок. Целью японского правительства являлось, главным образом, расширение собственного производственного потенциала. Обширное воздействие пандемии побудило Японию продолжать совершенствование структуры производственных цепочек. Ввиду влияния китайско-американской торговой войны на производственные связи и промышленную кооперацию Токио, вероятно, продолжит серьезные корректировки и структурную оптимизацию своей экономики.

Китай, как «мировая фабрика», также неизбежно начнет корректировку своих производственных цепочек. Миграция предприятий требует времени и зависит, главным образом, от всестороннего учета предприятиями собственных интересов, которые тесно сочетаются с постоянной оптимизацией производственной среды внутри Китая и преимуществами местного производства и реализации.

ИЗМЕНЕНИЯ В КИТАЙСКО-ЯПОНСКОЙ ТОРГОВЛЕ В 2020 г.

В I квартале 2020 г. коронавирус поразил Китай сильнее, чем Японию. При этом его влияние на торговлю с Японией оказалось значительно больше, чем на внешнюю торговлю Китая в целом. С января по февраль экспорт товаров из Японии в Китай упал на 3,2% в годовом исчислении, импорт китайских товаров упал на 22,5% [5].

Коронавирус нанес серьезный ущерб также и китайско-японской торговле услугами, в т.ч. индустрии туризма. В последние годы число китайских туристов в Японии стремительно росло. В 2019 г. оно достигло 9,59 млн человек - 25% зарубежного туристического потока в Японию, потребление китайских туристов в Японии составляло 36% от общего потребления всех туристов в Японии [6]. В связи с приостановкой международных рейсов и увеличением ограничений на въезд между странами, количество туристов из материкового Китая в Японию резко упало.

Кроме того, из-за глобального распространения пандемии коронавируса Олимпийские игры, которые первоначально планировалось провести в Японии в 2020 г., пришлось отложить на один год, в связи с чем, по подсчетам японских экспертов, прямые потери могут достигнуть \$5,8 млрд [7].

На ранних стадиях пандемии серьезно пострадали все сферы торговых отношений. И это несмотря на то, что правительства двух стран прилагали значительные усилия по восстановлению и развитию торговли. Были приняты меры, чтобы уменьшить влияние пандемии на межгосударственную торговлю: восстанавливались и оптимизировались производственные цепочки, улучшались платформы онлайн-торговли, осуществлялись инвестиции в производство новых продуктов и технологий для оптимизации структуры торговых поставок и т.д. В сложившихся обстоятельствах между двумя странами быстро выросла торговля противоэпидемическими материалами (маски и защитная одежда).

После того как в апреле 2020 г. две страны постепенно установили контроль за распространением пандемии, китайско-японские торгово-экономические связи стали восстанавливаться. По данным Министерства торговли Китая, с января по июль 2020 г. объем двусторонней торговли между Китаем и Японией хотя и снизился на 2,2% в годовом исчислении, но темпы снижения были на 0,7 п.п. ниже, чем с января по июнь. С марта месячный объем импорта и экспорта возобновил рост [8], о чем свидетельствует и Отчет о ситуации во внешней торговле весной и осенью 2020 г., выпущенном Министерством торговли Китая [4].

Таким образом, китайско-японская торговля, в целом, осталась стабильной, а Япония сохранила свою позицию второго торгового партнера КНР. За первые 5 месяцев 2020 г. общий товарооборот Китая с Японией составил 846,36 млрд юаней (\$120,97 млрд), уменьшившись на 0,3%, экспорт увеличился на 1,6%, импорт упал на 1,8% [9], а за первые 10 месяцев общий объем китайско-японской торговли составил 1,8 трлн юаней (\$257 млрд), увеличившись на 1,5%, из которых экспорт в Японию практически не изменился по сравнению с тем же периодом прошлого года; импорт из Японии увеличился на 2,7% [10; 11]. Таким обра-

³ The Ministry of Commerce holds a regular online press conference. Ministry of Commerce of China (In Chin.). <https://mofcom.gov.cn/xwfbh/20200227.shtml> (accessed 27.02.2020)

зом, китайско-японская торговля от снижения на начальной стадии пандемии стабилизировалась в 1-й половине года, и во 2-й - вновь стала расти.

ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ КОРОНАВИРУСА

В условиях пандемии *COVID-19* изменения в инвестициях Японии в Китай и «де-китаизация», в основном, были связаны с чрезмерной зависимостью японских производственных цепочек от Китая. Главную роль в сокращении инвестиционных потоков оказали коронавирус и китайско-американская торговая война. По состоянию на конец 2019 г., совокупное фактическое использование инвестиций Японии в Китай составляло \$115,7 млрд, что делало ее крупнейшим источником иностранных инвестиций в КНР [12]. В настоящее время Япония также имеет в Китае наибольшее представительство своих компаний за рубежом как в производственной сфере, так и в сфере услуг.

Вместе с тем, в результате торговых трений между Китаем и США и пандемии японские инвестиции продемонстрировали тенденцию к «де-китаизации». В I квартале 2020 г. инвестиции Японии в Китай упали на 18,3% [13]. В рамках экономического стимулирования, объявленного в связи с пандемией правительством С.Абэ в апреле 2020 г., часть средств предполагалось использовать для помощи японским компаниям в перемещении производства обратно в страну и содействия в диверсификации зарубежных цепочек поставок. Политика правительства С.Абэ повлияла на зарубежные инвестиции японских компаний за счет оптимизации глобальных производственных цепочек, в т.ч. их переноса из Китая, что напрямую влияет на инвестиции японских компаний в Китай.

Однако быстрое установление контроля за распространением пандемии в Китае и Японии, а также решительная поддержка китайским правительством полного возобновления работы предприятий и производства, в т.ч. с японским капиталом, способствовала стабилизации ситуации. С точки зрения инвестиционной стратегии, большинство японских компаний в Китае не изменило свои планы, сохранило цепочки поставок и производственные сети, но заняло выжидательную позицию и наблюдают за развитием бизнеса в Китае, проявляя большую осторожность в инвестировании.

В апреле 2020 г. *JETRO* (Японская организация по развитию внешней торговли) провела опрос более тысячи компаний в Восточном и Южном Китае, на который приходится наибольший объем японских инвестиций. 86% японских компаний в Восточном Китае заявили, что не планируют менять своих поставщиков и производственную кооперацию. В Южном Китае количество компаний, заявивших, что пандемия не влияет на цепочки поставок, увеличилось с 20,2% на ранней стадии пандемии до 44,2%, а число компаний, которые заявили, что расширят свое производство в Китае в будущем, выросло с 15,4% на ранней стадии пандемии до 22,3%, и только 8,6% заявили, что они сократили свои масштабы [13]. Вместе с тем, планы по переориентированию направлений прямых инвестиций из Японии сохраняются. Основным регионом для инвестиций и перевода предприятий из Китая станет Япония и Юго-Восточная Азия⁴.

Интерес представляет и ситуация с инвестициями Китая в Японию, которые начались только в XXI в. В настоящее время на японский рынок вышли известные китайские компании, такие как *ZTE*, *Huawei*, *Suning*, *Midea* и *Alibaba*. Инвестиции из Китая в Японию быстро растут, их структура диверсифицирована, но, по сравнению с японскими инвестициями в Китай, все еще существует большой разрыв.

В 2019 г. Китай напрямую инвестировал в Японию \$270 млн. В том же году Япония создала 1000 новых компаний в Китае, и фактическая сумма использованных инвестиций составила \$3,72 млрд [14]. По состоянию на конец 2019 г., совокупные прямые инвестиции Китая в Японию составляют \$3,74 млрд, или 3,2% прямых инвестиций Японии в Китай [12]. Поскольку инвестиции Китая в Японию начались поздно, их масштабы относительно невелики, поэтому китайские инвестиции в Японию оказались меньше подвержены влиянию коронавируса.

По прогнозу Международного валютного фонда, в 2020 г. в результате эпидемии в экономике Японии будет наблюдаться отрицательный рост, а развитие экономики Китая - замедлится [15]. При этом инвестиционные затраты на рабочую силу и окружающую среду в Китае по-прежнему растут.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы о состоянии и перспективах экономических отношений между Китаем и Японией.

Экономические отношения между Китаем и Японией смогли выдержать новое серьезное испытание. Хотя в начале вспышки коронавируса в I квартале 2020 г. пострадали все отрасли экономики Китая и Япо-

⁴ Survey results of the 49th Overseas Business Activity Basic Survey. Ministry of Economics and Industry of Japan (In Japan.). 27.05.2020.

нии, однако принятые ими меры позволили сохранить стабильность экономического развития, и даже частично улучшить ситуацию (в области производства медицинских товаров). Это не только уменьшило экономический ущерб от коронавируса для обеих стран, но и способствовало определенному экономическому развитию. Так, например, корректировка глобальных производственных цепочек Японии и модернизация промышленности в Китае стали фактором устойчивого развития экономик двух стран в будущем.

Среди различных аспектов двусторонних отношений экономические всегда играли активную стимулирующую роль, именно поэтому правительства Китая и Японии уделяют особое внимание поддержанию и укреплению экономического сотрудничества между ними, способствуют выстраиванию гармоничных экономических отношений, а принимая во внимание экономический вес Китая и Японии, играют важную роль в стабильности и развитии мировой экономики.

REFERENCES

1. Cabinet Secretariat. Japan Economic Revitalization General Affairs: «"Future Investment Conference 36th Handout 1" Basic Materials» (In Japan.). <https://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/miraitoshikaigi/dai36/siryou1.pdf> (accessed 05.03.2020)
2. Liu Rui, Li Qingru, Tian Zheng, Deng Meiwei. 2020. Analysis of the Impact of Japan's Investment in China under the New Situation. *Journal of Northeast Asia Studies*. № 5, pp. 1-6 (In Chin.)
3. Abe allocates 220 billion to encourage Japanese companies to leave China, the first batch of 87 funded companies announced (In Chin.). <https://xueqiu.com/9973258439/154414080> (accessed 19.07.2020)
4. Report on China's Foreign Trade Situation (Spring 2020). Department of General Affairs, Ministry of Commerce of China. Pp. 18-21; 12-13 (In Chin.). <https://images.mofcom.gov.cn/zhs/202007/20200701085517058.pdf> (accessed 15.06.2020)
5. Japan External Trade Organization: «Monthly Trade Trends in Japan» (In Japan.) <https://www.jetro.go.jp/world/japan/stats/trade>
6. New coronavirus material: Japan Tourism Agency statistics in 2019. Mizuho Research Institute. 30.01.2020. (In Japan.)
7. How much will Japan pay if the Tokyo Olympics ceases? Economic experts figured it out (In Chin.). <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1661894853948633853&wfr=spider&for=pc> (accessed 23.03.2020)
8. Wang Man. China-Japan economic and trade cooperation has strong resilience and great potential. *China Trade News* (In Chin.). <https://www.chinatradenews.com.cn/content/202009/08/c116592.html> (accessed 08.09.2020)
9. Table of total value of import and export commodities by major countries (regions) in May 2020 (RMB value). General Administration of Customs, P.R.China (In Chin.). <https://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxgk/2799825/302274/302275/3114897/index.html> (accessed 07.06.2020)
10. Table of total value of import and export commodities by major countries (regions) in October 2020 (RMB value). General Administration of Customs, P.R. China (In Chin.). <https://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxgk/2799825/302274/302275/3357159/index.html> (accessed 07.11.2020)
11. China's imports and exports in the first 10 months of 2020 will grow by 1.1%, and the trade surplus in October will be 401.75 billion yuan (In Chin.). <https://www.southmoney.com/redianxinwen/202011/7542124.html> (accessed 07.11.2020)
12. Blue Book of Japanese Economy (2019). Ed. by Zhang Jifeng. Social Sciences Academic Press (China). Pp. 1-28 (In Chin.)
13. Direct Investment in the World and Japan. *JETRO*. Pp. 36-37 (In Japan.). https://www.jetro.go.jp/ext_images/world/gtir/2020/no2.pdf
14. Overview of China-Japan Economic and Trade Cooperation in 2019. Ministry of Commerce of China (In Chin.). <http://www.mofcom.gov.cn/article/tongjiziliao/sjtj/yzzggb/202006/20200602971196.shtml> (accessed 05.06.2020)
15. Country News of Japan. International Monetary Fund. <https://www.imf.org/en/Countries/JPN>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Е Янься (КНР), аспирантка кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.

Yanxia Ye (China), Post-graduate student, Department of Theory and History of International Relations, Russian People's Friendship University (RUDN University), Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
10.01.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 12.02.2021

Принята к публикации (Accepted)
11.03.2021

Осень 2011: как Россия меняла свою ближневосточную стратегию

Солидарность с народом Сирии предопределила корректировку внешнеполитического курса России

В настоящее время внешнеполитическая линия Россия воспринимается в мире в качестве своего рода «модели» самостоятельного курса, ориентированного на национальные интересы, и соответствующего поведения в международных делах. Москва вновь стала символом неприятия любых форм диктата, проявлений «патерналистского» подхода со стороны держав Запада.

Многие страны, в первую очередь, азиатские, африканские, латиноамериканские? хотели бы также идти по такому пути. Они просто устали от попыток навязывания готовых рецептов развития, которые мало соответствуют их специфическим условиям, но сулят большие выгоды Западу.

Однако сделать это непросто - прямое и косвенное влияние США, их союзников еще велико. Запад применяет экономические (санкции) и силовые методы давления, организует деятельность прозападных политических группировок, через подставные структуры помогает откровенно террористическим элементам дестабилизировать обстановку и запугивать население афро-азиатских стран.

Сегодня, когда говорят об изменении Россией своей внешнеполитической линии в сторону большей самостоятельности и жесткого отпора любым попыткам диктата и давления, указывают на «знаковый» характер знаменитой речи президента России В.В.Путина на Конференции по вопросам безопасности в Мюнхене в феврале 2007 г.

Это совершенно обоснованно. Именно тогда Россия четко заявила о том, что переходный период демократического развития РФ, когда она внимательно изучала и рассчитывала на вхождение в мировое сообщество, используя опыт функционирования западных институтов, закончился.

В силу этого В.В.Путин ясно дал понять лидерам стран Запада: Россия исходит из того, что проявление в отношении нее любых форм патерналистского отношения недопустимо. В Мюнхене в основном был изменен западный вектор внешнеполитического курса России, который относился к проблематике отношений РФ с США, странами ЕС, с НАТО.

Однако для оценки сегодняшнего национально-ориентированного и достаточно жесткого курса РФ не лишне вспомнить события осени 2011 года, о которых известно значительно меньше.

После распада СССР политика новой России на ближневосточном направлении формировалась в крайне сложных, противоречивых условиях. Многие российские политики того времени высказывали мнение о том, что активная роль Москвы в ближневосточных делах - непозволительная роскошь. Такая роль, утверждали они, «дорого обходится и мало что дает». По их убеждению, следовало отойти от традиций взаимодействия с ближневосточными странами на основе принципов солидарности и дружеской поддержки. Такая стратегия должна была уступить место сугубо прагматичным, «неэмоциональным», деловым связям с арабами. Некоторые из этих политиков занимали влиятельные посты в органах власти и управления, в экономических структурах.

В условиях трудного экономического положения страны, нехватки финансовых средств Москва пошла на резкое снижение своей активности на ближневосточном направлении. По причинам экономии валютных средств в 1993-1994 гг. были закрыты некоторые весьма важные российские загранучреждения, например Консульство России в Порт-Саиде, стратегически важном пункте у северного входа в Суэцкий канал.

В Ираке под фальшивым предлогом - якобы наличия у режима Саддама Хусейна оружия массового поражения - США и их союзники осуществили военное вторжение, свергли правительство в государстве - члене ООН, создали обстановку для резкой активизации террористических элементов, которые, пользуясь ошибками американской администрации, создали в дальнейшем т.н. «Исламское государство».

Россия очень осторожно вела свою партию в иракском вопросе. Она выступала, в целом, против американской линии, но не стала блокировать действия США по линии СБ ООН.

Также со знаком минус - если иметь в виду реальные последствия - можно охарактеризовать и линию западных стран в ливийском вопросе.

Когда разгорелась гражданская война в Ливии, осложненная внешним вмешательством, американцы и их союзники по НАТО провели через СБ ООН резолюцию 1973 от 17 марта 2011 г. о «бесполётной зоне» над территорией Ливии, Россия и Китай воздержались при голосовании. А резолюция была искажена пропагандой Запада для оправдания бомбежек ливийской территории и оказания военной помощи антирежимным формированиям, фактически террористическим объединениям. Зверски был убит законный руководитель страны Муаммар Каддафи, государственность Ливии была разрушена.

Россия дала критическую оценку такому развороту событий, действиям Запада, но и на этот раз каких-либо решительных действий по блокированию действий НАТО страны не предприняла.

Дело заключалось в том, что Москва в тот период времени все еще рассчитывала на возможность сотрудничества с Западом, например, в группе «восемь», готовилась очередная встреча в этом формате в 2012 г. в Кэмп-Дэвиде.



Фото. Встреча членов Молодежной секции РКССАА во главе с Е.Д. Болговой с послом САР в Российской Федерации Р. Хаддадом. Посольство Сирийской Арабской Республики, г. Москва, 4 февраля 2020 г.

Источник: пресс-служба РКССАА.

Борьба этих двух тенденций - попыток Москвы найти понимание с США и державами Запада и неприятия эгоистического «продавливания» Западом своих региональных интересов в конфликтах, завершилась осенью 2011 г.

Это произошло в связи с событиями в Сирии, решительным выбором РФ в пользу более твердой позиции противостояния планам США по свержению очередного, неугодного им сирийского режима и его лидера - президента САР Башара Асада.

В августе 2011 г. президент Б.Асад, сирийское руководство серьезно опасались принятием в СБ ООН резолюции, прямо и косвенно направленной на свержение законного правительства страны. Такой сценарий мог осуществиться, если бы Россия вновь ограничилась отказом от поддержки подобной резолюции, но без применения вето.

В Москву была направлена Бусейни Шаабан - спецпредставитель и политический советник президента Сирии Б.Асада. Она провела ряд встреч с российскими ответственными деятелями, излагая сирийскую точку зрения. Был согласован вопрос о направлении в Сирию российской делегации высокого уровня для ознакомления на месте с ситуацией и проведения беседы с президентом страны Б.Асадом. Такая делегация в самые сжатые сроки была сформирована на базе Совета Федерации и во второй декаде сентября 2011 г. направлена в Сирию.

Делегацию возглавил заместитель председателя Совфеда И.М.-С.Умаханов, известный российский политик, профессионально подготовленный специалист по международным отношениям, который к тому же традиционно имел тесную сопричастность к деятельности структур движения солидарности с народами Азии и Африки. Члены делегации могли на месте ознакомиться с реальным положением дел в тех городах и населенных пунктах, которые фигурировали в новостных лентах, и поговорить как с ответственными работниками, так и простыми сирийцами.

Так, делегация посетила небольшой город Дериа, события в котором послужили началом развития кризиса в стране. Западная пропаганда утверждала, что в Дериа имели место спонтанные выступления людей против режима, которые были подавлены с применением оружия. Выдвигался тезис, что в этих условиях у сирийцев «не было другого выбора, как также взяться за оружие».

На самом деле, как убедилась делегация, на зданиях, где располагались сирийские властные и силовые структуры, на полицейских участках и штаб-квартирах служб национальной безопасности были видны последствия артиллерийского обстрела. Это совсем не соответствовало версии о «мирных демонстрантах».

Подлинная подоплека событий стала еще более ясна после посещения больницы, где находились раненные в результате событий в Дериа люди. Более половины серьезно пострадавших были представители полиции и других силовых правительственных структур. Они рассказали, что с самого начала событий в рядах демонстрантов находились хорошо подготовленные, вооруженные боевики, которые не были местными жителями. Они располагали не только стрелковым оружием, но и артиллерией. Именно их активность вела к серьезным эксцессам.

Беседы с сирийцами свидетельствовали и о том, что в стране накопилось немало сложных проблем. Людей раздражала бесцеремонность действий некоторых силовиков, ошибки в работе органов власти и управления, фактическая монополия во властных структурах представителей правящей баасистской партии и т.п. Но реальный протестный потенциал был многократно усилен антирежимной пропагандой и прямым вмешательством внешних сил.

Делегация посетила Хомс, Хаму, ряд других городов страны.

Центральным событием визита была встреча с президентом Сирии Б.Асадом. Глава государства, несмотря на крайне сложную обстановку в стране и появление в мировой прессе большого количества прогнозов о близком падении режима, выглядел очень мужественно, уверенно, говорил убедительно.

Наиболее важная часть его высказываний касалась вопросов, можно сказать, геополитики. Асад на основе тщательно подобранной аргументации обосновывал мысль о том, что американцы, коллективный Запад стремятся сменить режимы во всех странах, где Вашингтону отказываются подчиняться. В этом плане он подчеркивал, что падение Сирии повлечет за собой приближение конфликтов и террористической активности к границам СНГ, России. С учетом этого, президент рассчитывал на то, что Россия как великая держава, постоянный член СБ ООН, будет блокировать попытки американцев использовать механизмы Организации для вмешательства во внутренние дела Сирии, ветировать резолюции антисирийского содержания.

Президент Асад, руководители парламента страны, религиозные деятели, представлявшие различные конфессии, - все они также высказали мысль о том, что отношения между Россией и Сирией должны базироваться на традиционном для Москвы «солидарном» отношении к озабоченностям сторон, готовности помочь на дружеской основе.

Принципиальная позиция президента Асада была доведена до сведения российского руководства. Это сыграло важную роль в принятии давно назревавшего решения отказаться от практики неучастия в голосовании в Совете Безопасности в тех случаях, когда западные державы выступали с проектами резолюций, которые не устраивали нас или наших друзей.

4 октября 2011 г. при голосовании в Совете Безопасности по проекту резолюции, представленной западными государствами «о положении в Сирии» наш представитель использовал право вето. Это стало важным событием, за которым последовали другие жесткие действия России в сирийском вопросе. Был открыт путь к решению РФ 2015 года помочь законному правительству Сирии российскими ВКС, что кардинально изменило обстановку в Сирии.

В 2011 г. делегация сделала много для того, чтобы сформировать общественную поддержку тезису о том, что на ближневосточном направлении нужно возвращаться к ведению дел с учетом традиционного для нашей страны принципа солидарности и доверительного диалога с арабскими странами. Особое значение в этом контексте имели пресс-конференции, проведенные в РИА «Новости» и подготовка на площадке популярного телеканала «Вести-24» специального информационно-аналитического выпуска, посвященного развитию событий в Сирии и на всем Ближнем Востоке.

В 2018 г. произошло воссоздание Российского комитета солидарности и сотрудничества с народами Азии и Африки (РКССАА), теперь уже в формате общероссийской организации с филиалами во многих субъектах Российской Федерации.

Сирийское направление при этом стало, пожалуй, наиболее востребованным. Были проведены различные встречи и дискуссии по тематике Сирии. Большое внимание уделялось привлечению молодежи к участию в этих мероприятиях. В феврале 2020 г. прошла встреча Молодежной секции РКССАА, которую возглавляет Екатерина Болгова, с послом САР в Москве Риадом Хаддадом. Были согласованы вопросы организации контактов между представителями молодежных организаций двух стран.

Сегодня в работе на афро-азиатском направлении мы с большой пользой задействуем потенциал добрых традиционных отношений со странами этих континентов, основанных на принципах солидарности и готовности к оказанию дружеской помощи и поддержки.

Опора на эти принципы дает большой эффект, способствует созданию более благоприятного климата для развития торгово-экономических, инвестиционных связей РФ с арабскими странами на двусторонней и многосторонней основе.

В настоящее время РКССАА в содружестве с партнерскими структурами арабских, азиатских, африканских стран разрабатывает концепцию движения солидарности XXI века. Эти идеи будут положены в разработку принципов сотрудничества РФ с государствами Африки, с учетом запланированного на 2022 году Второго саммита Россия - Африка и Второго российско-африканского бизнес форума.

Бакланов Андрей Глебович, заместитель председателя Ассоциации российских дипломатов, профессор НИУ ВШЭ, вице-президент Российского комитета солидарности и сотрудничества с народами Азии и Африки

Алексей Васильев

Война во Вьетнаме**Почему американцы потерпели поражение**

Москва, Центрполиграф, 2021, 383 с.



Книга академика РАН Алексея Михайловича Васильева - для тех, кто хочет знать правду о самой страшной, самой кровопролитной после Второй мировой - о войне США во Вьетнаме, которая длилась почти 15 лет.

Материалы основаны на личных свидетельствах автора (корреспондента газеты «Правда» во Вьетнаме в 1967-1969 гг.), на раскрытых сейчас, а ранее сверхсекретных воспоминаниях советских ракетчиков, летчиков, военных инженеров, военно-морских разведчиков; на замалчиваемых американских расследованиях преступлений вооруженных сил США, а также на раскрытых тайнах переговоров, которые привели к соглашениям о мире - фактической капитуляции военной машины американской сверхдержавы.

После возвращения из Вьетнама А.М. Васильев специализировался как востоковед, африканист и писатель, опубликовав четыре десятка книг и сотни статей о Ближнем Востоке и Африке. Но одновременно он более полувека собирал документы и факты, которые дали возможность отразить в его новой публицистической работе многослойную и разностороннюю правду о той, вьетнамской войне.

В настоящее время А.М. Васильев является почетным президентом Института Африки РАН, заведующим кафедрой африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов, главным редактором журнала «Азия и Африка сегодня»,

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.



КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации



ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА



СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА



По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru



ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН



БАКАЛАВРИАТ
Востоковедение и африканистика



МАГИСТРАТУРА
Экспертно-аналитическое востоковедение



АСПИРАНТУРА
Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение одним из восточных и английским языками. **Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.**

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН



ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членв-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.



ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.



МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.



УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.



СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).